

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ****ЕВРАЗИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ****НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2, 2023**

Издается с 2017 г. Периодичность: с 2018 года 4 номера в год. Индексируется в РИНЦ.

Настоящий научный журнал представляет материалы, освещающие актуальные вопросы общего языкознания, переводоведения, социо- и психолингвистики, функциональной грамматики, когнитивной лингвистики, дискурсологии, русской литературы, литературы народов РФ, зарубежной литературы, лингводидактики, педагогики. Материалы предназначены для широкого круга специалистов в области филологии и педагогики. Статьи рецензируются. Перепечатка без разрешения редакции запрещена, ссылки на журнал при цитировании обязательны.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шустова Светлана Викторовна – главный редактор, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Аверина Анна Викторовна – заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский государственный областной университет)

Андросова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Балакин Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный университет путей сообщения)

Белобородова Ниля Сабитовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Бирск, Башкирский государственный университет (Бирский филиал))

Братухин Александр Юрьевич – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Бурдина Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Дворцова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тюмень, Тюменский государственный университет)

Евсеева Ирина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Елшанский Сергей Петрович – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский экономический институт)

Зеленина Тамара Ивановна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ижевск, Удмуртский государственный университет)

Игна Ольга Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Томск, Томский государственный педагогический университет)

Иоселиани Аза Давидовна – доктор философских наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Кашлявик Кира Юрьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский университет дружбы народов)

Комарова Юлия Александровна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Кондаков Борис Вадимович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Коптева Наталия Васильевна – доктор психологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет)

Костева Виктория Михайловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Российский государственный гуманитарный университет)

Кошкарлова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный (национальный исследовательский) университет)

Маркова Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный педагогический университет)

Онина Софья Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Ханты-Мансийск, Югорский государственный университет)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)

Потанина Наталия Леонидовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Тамбов, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина)

Прокофьева Лариса Петровна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Саратов, Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского)

Проскурнин Борис Михайлович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Пузанкова Елена Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московская международная академия)

Резанович Ирина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Семененко Наталия Николаевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Белгород, Старый Оскол, Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Сидорова Ольга Григорьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина)

Сыромятников Олег Иванович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Трофимова Нелли Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет)

Файзиева Галина Владимировна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Астрахань, Астраханский государственный университет)

Фельде Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Красноярск, Сибирский федеральный университет)

Фетисов Александр Сергеевич – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет)

Хабидуллина Лилия Фуатовна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет)

Чернобров Алексей Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Новосибирск, Новосибирский государственный медицинский университет)

Чугунов Дмитрий Александрович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Воронеж, Воронежский государственный университет)

Шараков Сергей Леонидович – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Старая Русса, Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, Дом-музей Ф.М. Достоевского)

Шачкова Эльвира Вадимовна – доктор педагогических наук, профессор (Россия, г. Ялта, Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского)

Шипова Ирина Алексеевна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Москва, Московский педагогический государственный университет)

Юсупова Ляля Гайнулловна – доктор филологических наук, профессор (Россия, г. Екатеринбург, Уральский государственный горный университет)

Меньшакова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Сюткина Надежда Павловна – кандидат филологических наук, доцент (Россия, г. Пермь, Пермский государственный национальный исследовательский университет)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Гао Чуньюй – профессор (Китай, округ Цицикар, Цицикарский университет)

Ивашкевич Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Ли Ифан – кандидат филологических наук (Россия, г. Благовещенск, Амурский государственный университет)

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ниженва Наталья Николаевна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный университет)

Рузиева Лола Талибовна – доктор филологических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Ходжиматова Гулчехра Масаидовна – доктор педагогических наук, профессор (Республика Таджикистан, г. Душанбе, Таджикский национальный университет)

Чжан Цзяньвэнь – кандидат филологических наук (Китай, г. Хэйхэ, Хэйхэйский университет)

Чэнь Шуан – кандидат педагогических наук, профессор (Китай, г. Цзинань, Шаньдунский Женский университет)

Ширинова Римма Хакимовна – доктор филологических наук, профессор (Узбекистан, г. Ташкент, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека)

Ши Хуншэн (Shi Hongsheng) – профессор (Китай, г. Хэфэй, Научно-исследовательский институт зарубежного страноведения и регионоведения Аньхойского университета, директор Центра по изучению России Аньхойского университета)

Ши Шаньшань – кандидат филологических наук, доцент (Китай, г. Шихэцзы, Институт иностранных языков Университета в Шихэцзы)

Яхьяпур Марзие – кандидат филологических наук, профессор (Иран, г. Тегеран, Тегеранский университет)

PERM STATE UNIVERSITY

EURASIAN HUMANITARIAN JOURNAL**SCIENTIFIC JOURNAL
No. 2, 2023**

Published since 2017 Frequency: since 2018, 4 issues per year. Indexed in the RSCI.

The journal contains materials covering current issues of general linguistics, translation studies, sociolinguistics, psycholinguistics, functional grammar, cognitive linguistics, discourse, Russian literature, the literature of the peoples of the Russian Federation, foreign literature, linguodidactics, and pedagogics. The materials are intended for a wide range of specialists in the field of philology and pedagogics. Articles are reviewed. Reprinting without permission of the editorial board is prohibited, links to the journal are mandatory when quoting.

EDITORIAL BOARD**Svetlana V. Shustova** – Editor-in-chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Anna V. Averina** – Deputy Editor-in-Chief, Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Regional University)**Nadezda N. Menshakova** – Deputy Editor-in-Chief, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Androsova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)**Sergey V. Balakin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Yekaterinburg, Ural State University of Railway Transport)**Nylya S. Beloborodova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Birk, Bashkir State University (Birk Branch))**Alexander Yu. Bratukhin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Svetlana V. Burdina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor Perm, Perm State University)**Natalia P. Dvortsova** Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tyumen, Tyumen State University)**Irina V. Evseeva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)**Sergey P. Elshanski** – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Institute of Economics)**Olga N. Igna** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Tomsk, Tomsk State Pedagogical University)**Aza D. Joselin** – Grand Ph. D. (Philosophy), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Kira Yu. Katavi** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Peoples' Friendship University of Russia)**Julia A. Komarova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia)**Natalia N. Koshkarova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State (National Research) University)**Tatiana N. Markova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Chelyabinsk, South Ural State Pedagogical University)**Sofia V. Onina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Khanty-Mansiysk, Yugra State University)**Natalia A. Orekhovskaya** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation)**Natalia L. Potanina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Tambov, Derzhavin State University of Tambov)**Larisa P. Prokofieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saratov, Saratov State Medical University named after V.I. Razumovsky)**Boris M. Proskurnin** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Elena N. Puzankova** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Moscow, Moscow International Academy)**Irina V. Rezanovich** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)**Natalia N. Semenenko** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Belgorod, Sary Oskol, Belgorod State National Research University)**Olga G. Sidorova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin)**Oleg I. Syromyatnikov** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Perm, Perm State University)**Nelly A. Trofimova** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Saint Petersburg, National Research University Higher School of Economics)**Galina V. Faizieva** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Astrakhan, Astrakhan State University)**Olga V. Felde** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Krasnoyarsk, Siberian Federal University)**Alexander S. Fetisov** – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State Pedagogical University)**Liliya F. Khabibullina** – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Kazan, Kazan (Volga Region) Federal University)

Alexey A. Chernobrov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Novosibirsk, Novosibirsk State Medical University)

Dmitry Alexandrovich Chugunov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Voronezh, Voronezh State University)

Sergey L. Sharakov – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Staraya Russa, Novgorod State United Museum-Reserve, F.M. Dostoyevsky House-Museum)

Elvira V. Shachkova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Yalta, Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) Crimean Federal University named after Vernadsky)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Lyalya G. Yusupova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Ekaterinburg, Ural State Mining University)

Natalia V. Kopteva – Grand Ph. D. (Psychology), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Viktoria M. Kosteva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow State Linguistic University)

Konstantin E. Besukladnikov – Grand Ph. D. (Education), Professor (Russia, Perm, Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

Tamara I. Zelenina – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Izhevsk, Udmurt State University)

Nelly A. Trofimova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, St.-Petersburg, National Research University Higher School of Economics)

Irina A. Shipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Russia, Moscow, Moscow Pedagogical State University)

Nadezda P. Syutkina – Executive Secretary, Ph. D. (Philology), Associate Professor (Russia, Perm, Perm State University)

Elena P. Karzenkova – Technical Reviewer, Lecturer (Russia, Perm, Perm State University)

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD

Irina N. Ivashkevich – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University)

Mekhriniso B. Nagzibekova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Natalya N. Nizhneva – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Belarus, Minsk, Belarus State University)

Gulchehra M. Hodzhimatova – Grand Ph. D. (Education), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Gao Chunyu – Professor (China, Qiqihar, Qiqihar University)

Li Yifan – Ph. D. (Philology), (Russia, Blagoveshchensk, Amur State University)

Lola Ruzieva – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Republic of Tajikistan, Dushanbe, Tajik National University)

Zhang Jianwen – Ph. D. (Philology), (China, Heihe University)

Chen Shuang – Ph.D. in Pedagogy, Professor (China, Jinan, Shandong Women's University)

Rimma Shirinova – Grand Ph. D. (Philology), Professor (Uzbekistan, Tashkent, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan)

Shi Hongsheng – Professor (China, Hefei, Anhui University Institute of Foreign and Regional Studies, Director of Russian Studies Center, Anhui University)

Shi Shanshan – Ph. D. (Philology), Associate Professor (China, Shehezi, Institute of Foreign Languages of Shehezi University)

Yahyapour Marzieh – Ph. D. (Philology), Professor (Iran, Tehran University)

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	6
<i>Братухин А.Ю.</i> ЛАТИНСКИЙ CONIUNCTIVUS КАК ПРОЛЕГОМЭНЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО SUBJONCTIF	6
<i>Костева В.М.</i> ЖЕНЩИНЫ И ЛИНГВИСТИКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ	13
<i>Яркова В.В., Ситькова А.С.</i> ИЗОМОРФИЗМ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.	22
<i>Арекеева Ю.Е.</i> ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ».....	31
<i>Завгороднева М.П.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АКВАКОДА	39
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА	48
<i>Архипова И.В.</i> ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАКСИСНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРЕДЛОЖНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ).....	48
<i>Сюткина Н.П.</i> АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИЙ ИНТЕНСИВНОСТИ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ЭМОТИВНО-КАУЗАТИВНОМ КАТЕГОРИАЛЬНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ.....	55
СОЦИОЛИНГВИСТИКА	63
<i>Лысикова И.В.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО ПОЛА В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	63
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ	69
<i>Неклюдова А.Г.</i> РОЛЬ ПОЛИКОДОВОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КАЛАМБУРОВ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТСЕРИАЛА «THE EPIC TALES OF CAPTAIN UNDERPANTS»).....	69
<i>Попкова Т.Д., Фэн Вэнь</i> СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА И КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)	82
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	92
<i>Роготнев И.Ю.</i> ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ В ТЕКСТАХ М.В. ЛОМОНОСОВА, А.С. ПУШКИНА И М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА.....	92
ЛИНГВОДИДАКТИКА	104
<i>Клочко К.А.</i> ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТАМИ ВУЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН ЧЕРЕЗ МЕТАФОРУ ...	104
<i>Иванова Г.Н.</i> ПРАКТИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ УНИВЕРСИТЕТА	112
ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ	117
УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ	119

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 6–12.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 6-12.

Научная статья

УДК 811.133.1, 811.124

ЛАТИНСКИЙ CONIUNCTIVUS КАК ПРОЛЕГОМЕНЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФРАНЦУЗСКОГО SUBJONCTIF

Александр Юрьевич Братухин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
Bratucho@yandex.ru

Аннотация. Французскому языку достались в наследство от латинского языка не только лексика, но и грамматические особенности. Некоторые из этих особенностей обязаны своим появлением во французском языке, в том числе и переводам Библии. Так, например, вместо характерного для латыни оборота *accusativus cum infinitivo* при буквальном переводе Священного Писания с древнегреческого языка Септуагинты и с древнееврейского, в котором такой синтаксической конструкции не было, стали использоваться придаточные предложения, вводимые союзами *quod, quia, quoniam*. В стихах французского поэта XVI в. Пьера Ронсара, сочетавшего в своём творчестве знание античной литературы и стремление сделать родную словесность похожей на классическую, можно обнаружить примеры употребления субъюнктива, весьма напоминающие случаи использования конъюнктива в классической латыни: в частости, в целевых, дополнительных, консективных (например, *Exegi monumentum <...> quod (=ut id) non imber edax, non aquilo impotens possit diruere. – Seule en France est nostre lyre, qui les fredons sache eslire pour les Princes réjouir*), экспликативных, concessивных придаточных предложениях. Употребление субъюнктива в современной французской литературе так же имеет сходство с использованием конъюнктива. Латинский язык, в котором имеется двухтысячелетняя традиция изучения различных придаточных предложений, может быть привлечён и использован при изучении студентами после прохождения ими курса латинского языка французского синтаксиса вообще и субъюнктива в частности. Это погружение в историческую грамматику позволит лучше и глубже понять многие явления в изучаемом языке.

Ключевые слова: латинский язык, французский язык, *coniunctivus*, *subjonctif*, педагогика, Ронсар.

Для цитирования: Братухин А.Ю. Латинский *coniunctivus* как пролегомены при изучении французского *subjonctif* // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 6–12.

Original article

LATIN CONIUNCTIVUS AS PROLEGOMENA IN STUDYING FRENCH SUBJONCTIF

Alexandr Yu. Bratukhin

Perm State University, Russia, Perm, Bratucho@yandex.ru

Abstract. The French language inherited from the Latin language not only vocabulary, but also grammatical features. Some of these features owe their appearance in the French language, including translations of the Bible. So, for example, instead of the accusativus cum infinitivo, characteristic of Latin, when literally translating Holy Scripture from the ancient Greek of the Septuagint and from Hebrew, in which there was no such syntactic construction, subordinate clauses introduced by the conjunctions quod, quia, quoniam began to be used. In the poems of the French poet of the XVI century Pierre Ronsard, who combined in his work the knowledge of ancient literature and the desire to make his native literature similar to the classical one can find examples of the use of the conjunctive, very reminiscent of the use of the conjunctive in classical Latin: in frequency, in targeted, additional, consequential (for example, Exegi monumentum <...> quod (=ut id) non imber edax, non aquilo impotens possit diruere. – Seule en France est nostre lyre, qui les fredons sache eslire pour les Princes réjouir), explicative, concessive subordinate clauses. The use of the conjunctive in modern French literature also has similarities with the use of the conjunctive. The Latin language, which has a two-thousand-year tradition of studying various subordinate clauses, can be attracted and used by students after they have completed the course of the Latin language of French syntax in general and the subjunctive in particular. This immersion in historical grammar will allow students to better and deeper understand many phenomena in the studied language.

Keywords: Latin language, French language, conjunction, subjunctive, pedagogy, Ronsard.

For citation: Bratukhin A.Yu. Latin conjunction as prolegomena in studying French subjunctive. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:6-12. (In Russ.).

Введение

Французский язык, получивший своё начало от латыни, обязан ей не только большей частью своего лексического фонда, но и некоторыми грамматическими особенностями. Так, например, во французском языке параллель латинским депонентным глаголам представляют собой «verbes essentiellement pronominaux», «существующие только в местоименной форме и не имеющие коррелята в виде простой формы» [Метелькова, Оганесян, Зейнутдинова, Гордеева 2017: 31]. Под влиянием переводов Библии на латинский (Itala и Vulgata) с древнееврейского, в котором практически отсутствовали падежи, в поздней латыни и в романских языках падежное склонение редуцировалось или вообще исчезало, что послужило одной из причин того, что многие современные индоевропейские языки из синтетических стали аналитическими. Вместо характерного для латыни оборота *accusativus cum infinitivo* при буквальном переводе Священного Писания с древнегреческого языка Септуагинты и с иврита, в котором такой синтаксической конструкции не было, стали использоваться придаточные предложения, вводимые союзами *quod, quia, quoniam*.

Заметим, что библейский греческий язык представлял собою «литературный нормативный традиционный эпический язык грекоговорящей иудейской диаспоры» [Вдовиченко 2002: 194]. Таким образом, тексты, на которых воспитывались целые поколения христиан на территории Римской Империи, во многом отражали синтаксис древнееврейского нефлективного языка. Сравним: καὶ ἔγνωσαν ὅτι γυμνοὶ ἦσαν (LXX) – <...>cognovissent *esse se nudos* (acc. cum inf.) <...> (Vulgata) (Быт. 3:7). ἔγνωσαν ὅτι (?) κυβωτὸς κυρίου ἦκει εἰς τὴν παρεμβολήν «Узнали, что ковчег Господа прибыл в стан» – cognoverunt *quod* arca Domini venisset in castra (1 Цар. 4:6). В классической латыни после cognoverunt обычно шёл оборот acc. cum inf.: prius *suos discessisse* cognoverunt quam munitionibus appropinquarent «они узнали, что свои отступили, прежде чем приблизились к укреплениям» (Caesar. Commentarii de bello Gallico. VII. 82).

Основная часть

Мы рассмотрим использование субжонктива в стихах Пьера Ронсара сквозь призму употребления конъюнктива в классической латыни и в контексте преподавания французского синтаксиса в вузе. Известно, что «в завоёванных провинциях распространялся

и усваивался не язык господствующих слоёв римского общества, не литературная латынь, а язык народно-разговорный, так называемая “вульгарная латынь”, язык преимущественно городского населения» [Копырина 2013: 15]. Тем не менее, обращения французского поэта XVI в. к сослагательному наклонению весьма напоминают случаи появления конъюнктива у классических авторов.

В латинском конъюнктиве есть четыре времени: *praesens*, *imperfectum*, *perfectum*, *plusquamperfectum*. Им соответствуют французские *Présent*, *Passé*, *Imperfait*, *Plus-que-parfait* у субжонктива. Отсутствие в системе *subjonctif* будущего времени можно объяснить, в том числе, отсутствием футурума у конъюнктива.

Латинский конъюнктив употребляется как в главных, так и в придаточных предложениях. В главном предложении конъюнктив может означать призыв к первому лицу множественного числа (*gaudeamus* «давайте будем радоваться!» *coniunctivus adhortativus*), просьбу/приказ (*coniunctivus iussivus*), запрещение (*coniunctivus prohibitivus*), исполнимое и неисполнимое желание (*coniunctivus optativus*), уступку (*coniunctivus concessivus*), сомнение (*coniunctivus dubitativus*), возможность (*coniunctivus potentiālis*). В придаточных предложениях конъюнктив употребляется с союзами *ut* (*ne*), имея четыре значения: цели (*fināle*), дополнения (*obiectivum*), следствия (*consecutivum*), разъяснения (*explicativum*)¹, *cum*, имея три значения: историческое (*historicum*), причинное (*causāle*), уступительное (*concessivum*), *(ni)si*, имея два значения: возможное и неисполнимое условие. Кроме того, конъюнктив встречается в косвенном вопросе (*quaestio obliqua*) и в предложениях, зависящих от главных, содержащих конъюнктив или оборот *accusativus cum infinitivo* (*attractio modi*).

Латинские предложения с *si/nisi* соответствуют французским предложениям с *Conditionnel*, который используется в условных предложениях, а также может выражать (как и латинский конъюнктив в главном предложении) просьбу, желание, сомнение.

Выделяют две основные функции сослагательного наклонения в придаточных предложениях: семантическую и структурно-синтаксическую: «субжонктив выражает представление говорящего <...> о действии как о возможном. Это основное значение дополняется различными оценками, отражающими представление субъекта о действии (желание, сомнение, необходимость, эмоциональная оценка, следствие, уступка, ожидание, цель и другие); <...> основная семантическая функция субжонктива реализуется в условиях синтаксической корреляции, то есть соотносённости данного действия с действием главного предложения» [Чиликина, Егорова 2022: 63]. О.Н. Чиликина и Е.В. Егорова, рассматривая творчество писателя Марка Леви (род. в 1961 г.), отмечают следующие значения у используемых им в романе «L'Horizon à l'envers» форм сослагательного наклонения в придаточных предложениях: цели, выражения просьбы, желания, сомнения/неуверенности, вероятности, уступки, необходимости. В независимом предложении М. Леви использует субжонктив для выражения приказа или просьбы [там же: 64]. Как мы увидим ниже, латинский конъюнктив употребляется в весьма сходных ситуациях.

«В учебных пособиях, – пишет Т.В. Максимова, – французское сослагательное наклонение (*Subjonctif*) противопоставляется индикативу, служащему для выражения реальных фактов, и определяется как наклонение субъективности <...>. Между тем, <...> *Subjonctif* часто используется для выражения реального действия» [Максимова 2021: 298]. Заметим, что латинский конъюнктив также не всегда указывает на субъективность.

¹ А также в определительных предложениях, вводимых местоимением *qui, quae, quod*, с оттенками цели, следствия, причины, условия.

«Отрицательная форма почти всех безличных выражений требует употребления Subjonctif в придаточном предложении, так как отрицательное предложение, в принципе, является формой отрицания действительности <...>: Il n'est pas vrai que la terre soit plate. <...> при эксплетивном ne перед глаголом придаточного предложения употребляется исключительно Subjonctif: Nul doute que cela ne se fasse un jour ou l'autre [там же: 299]. В латинском языке подобным предложениям соответствуют дополнительные придаточные с союзом quin при выражении сомнения с отрицанием: Non dubito, quin me ames – Не сомневаюсь, что ты меня любишь.

«Subjonctif употребляется после таких выражений неопределённой вероятности как: Il est possible / Il se peut / Il n'est pas exclu / Il semble / Il arrive / Il est fréquent / Il s'en faut de peu (d'un rien) / Peu s'en faut / Il y a des chances (de fortes chances) (pour) que и других, а также выражений низкой вероятности, таких как Il est peu probable / Il est rare / Comment se fait-il / Il s'en faut de beaucoup <...>» [там же: 300]. Эти случаи напоминают предложения с *ut explicatīvum*: Saepe accidit, ut errēmus «Часто случается, что мы ошибаемся».

«Что касается волеизъявительного (волитивного) модуса, то есть оптативного значения, оно выражается с помощью Subjonctif в дополнительных придаточных так называемого целевого типа, интерпретируя идею о воображаемом процессе в зависимости от оттенков волеизъявления говорящего (желательность, необходимость): Je veux que tu viennes / Il faut que tu viennes [там же: 303]. Таким предложениям соответствуют латинские предложения с *ut obiectīvum*. Например, opto, ut valeas «желаю, чтобы ты был здоров».

Пьер де Ронсар (Ronsard) родился 2 сентября 1525 г. Своё детство (до 12 лет) он провёл в родовом замке Ла-Поссоньер. Гербы и девизы на стенах замка стали, по преданию, первыми книгами Ронсара, а родовое поместье, воспитывая ребёнка выбитыми повсюду «крылатыми словами» и чаруя воплощёнными в изысканной архитектуре ренессансными идеями, сыграло для Пьера роль Арины Родионовны. Детские годы, проведённые в фамильном замке, полном старинной геральдикой – сорока гербами предков и изображениями щитов короля и принцев крови, не могли не повлиять на творчество «принца поэтов и поэта принцев».

Над камином апофегма в духе гораціанского «Памятника»: NON FAL<L>VNT FVTVRA MERE<NT>E<M> («Не обманывает будущее достойного», то есть будущее основано на заслугах») [Longnon 1912: 91, 127, 440].

Над окнами второго этажа хорошо заметны латинские фразы: D<OMI>NE CONSERVA ME «Господи, сохрани меня»; RESPICE FINEM «имей в виду конец». Над несколькими окнами и входом красуется французская надпись AVANTI PARTIR «перед отправлением <в последний путь>». Получаем аскетический призыв: «Подумай о конце, прежде чем ты умрёшь». Над печью красуется фрагмент из молитвы «Отче наш»: PANEM NOSTRVM QUOTIDIANVM «хлеб наш насущный...».

Достоинным наследником влюблённого в Античность католика-эпикурейца Луи де Ронсара стал Пьер де Ронсар, написавший себе такую эпитафию:

Здесь погребён Ронсар. Камен заставил он
 Прийти во Францию, покинув Геликон.
 За Фебом шествовал он с лирой дерзновенной,
 Но одержала смерть победу над Каменной.
 Жестокой участи он избежать не мог.
 Земля покоит прах, а душу принял Бог (Пер. В. Левика).

Вся жизнь Пьера де Ронсара прошла под знаком синтеза античного и национального. По преданию, когда Пьера должны были крестить, женщина, нёсшая его через луг в приходскую церковь около Ла-Пуассоньер, случайно уронила его на траву, а цветы ласково

приняли его. Девушка, у которой был сосуд с водой, благоухавшей розами, желая поднять ребенка, пролила немного душистой жидкости ему на голову: сие стало предзнаменованием ароматов, которыми ему предстояло наполнить Францию [Longnon 1912: 86]. Эта легенда напоминает рассказ о пчёлах, севших на губки спящего в колыбели Платона и предвозвестивших сладость его речей.

Друг Ронсара Поль Дюк был увлечён латинской поэзией и ежедневно читал Пьеру что-нибудь из Вергилия, Горация или какого-нибудь другого поэта, переводя их на французский и шотландский, а Пьер пытался облечь перевод в стихотворную форму. Уроки Дюка вдохновили Ронсара сначала на создание не французских, а латинских виршей [Longnon 1912: 132].

Сопоставим примеры сьюбжонктива из стихов Ронсара со стихами римских поэтов с конъюнктивом.

Конъюнктив / сьюбжонктив в независимом предложении

Желание (*coniunctivus optativus*):

Absit iniqua fames: herbae frondesque supersint – Пусть злой голод исчезнет, пусть избилуют травы и листья (Ovidius. Fasti. IV. 767).

Au vent aille l'amour, le procez et la guerre, et la melancholie au sang froid et noirci – На ветер пусть уходит любовь, тяжба и война, и тоска в холодной и почерневшей крови (Pour Hélène. Sonnet XXVII).

Уступка (*coniunctivus concessivus*):

Omnia possideat, non possidet aera Minos – Всем пусть владеет Минос, но воздухом он не владеет (Vergilius. Metamorphoses. VIII, 187; пер. С.В. Шервинского).

Ta lèvre soit de noir venin mouillée, tes cheveux soient de viperes couvers; <...> tousjours au ciel je leveray la teste, et d'un escrit qui bruit comme tempeste je foudroyeray de tes monstres l'effort – Пусть твоя губа мокра от черного яда, пусть твои волосы покрыты змеями, <...> всегда к небесам я буду поднимать главу, и письмом, которое звучит как буря, я сокрушу усилия ваших монстров (Le premier livre des Amours. CLII).

Конъюнктив/сьюбжонктив в придаточных предложениях

Придаточное целевое (*utfinale*):

Do, ut des – Даю, чтобы ты дал (формула римского права).

Conjure ton guerrier, partes benignes regards, qu'il nous donne la paix et de tes bras l'en serre – <Венера>, заколдуй своего воина <Марса> своими ласковыми взглядами, чтобы он даровал нам мир и заключил его твоими руками (Pour Hélène. Sonnet LI).

Придаточное определительное с оттенком цели:

Missi sunt legati, qui (=ut ii) pacem peterent – «Были посланы легаты, <чтобы они> добивались мира.

Je veux encor de ma palle couleur aux bords du Loir faire naistre une fleur, qui de mon nom et de mon mal soit peinte – «Я все еще хочу от моего бледного цвета на берегах Луары родить цветок, который будет (был бы / чтобы он был) расписан моим именем и моей болезнью (Le premier livre des Amours. XVI).

Придаточное дополнительное (*ut obiectivum*):

1) Videant consules, ne quid res publica detrimenti capiat – Пусть консулы смотрят, чтобы государство не претерпело какого-либо ущерба (Senatus consultum ultimum). 2) Ariovistus postulavit, ne quem peditem ad conloquium Caesar adduceret – «Ариовист потребовал, чтобы ни одного пехотинца на переговоры Цезарь не приводил» (Caesar. Commentarii de bello Gallico. I, 42).

1) Fais qu'encor je puisse chanter pour adieu ceste (=cette) ode derniere, et que j'aille en tes bois penser – «Позволь (*букв.* сделай), чтобы я мог еще спеть на прощание эту последнюю оду и чтобы я пошёл (=мог пойти) в твои леса поразмышлять» (À Monseigneur d'Angoulesme. OdeV).

2) Que puis je <...> prier pour vous deux < la rose purperette et de Mars la blanche fleurette > autre chose, sinon que toy, pour prine rose, puisses toujours avoir le sein en mai de rosée tout plein et que jamais le chaut qui dure en juin ne te fasse laidure? – О чём ещё я могу молиться за вас двоих, как не о том, чтобы у тебя, пурпурная роза, грудь всегда была полна росы в мае и чтобы жара, которая длится в июне, никогда не делала тебя безобразной? (Le cinquieme livre. Ode XI).

Придаточное определительное с оттенком следствия (ut consecutivum):

Exegi monumentum<...>quod (=ut id) non imber edax, non aquilo impotens possit diruere<...> – Я воздвиг <такой> памятник, что его ни ливень едкий, ни аквилон неистовый не может разрушить (Horatius. Carmina. III, 30).

1) Seule en France est nostre lyre, qui les fredons sache eslire (от лат. e[x]ligere) pour les Princes réjouir – Во Франции есть лишь наша лира, которая (= такая, что) умеет выбирать рулады, чтобы веселить принцев (Premier livre. Ode XI). 2) Or¹ vy(=vis), gentil aubesp², vy sans fin, vy sans que jamais tonnerre, ou la coignée (=cognée), ou les vents, ou les temps, te puissant ruer par terre – Живи сейчас, милый боярышник, живи без конца, живи, чтобы никогда ни гром, ни топор, ни ветры, ни времена не могли швырнуть тебя на землю³ (Quatresme livre. Ode XXI).

Придаточное разъяснительное (ut explicativum)

Ariovistus respondit: ius esse belli ut <ii>, qui vicissent, iis, quos vicissent, quemadmodum vellent, imperarent – «Ариовист ответил, что есть право войны<, заключающееся в том>, чтобы те, которые победили, теми, которых победили, как хотят, повелевали» (Caesar. Commentarii de bello Gallico. I, 36).

Il est temps que je m'es bate et que j'aille aux champs jouer – «Пора мне резвиться и идти играть в поля» (Deuxiesme livre. Ode XVIII A son laquais).

Заключение

Латинский язык, в котором имеется двухтысячелетняя традиция изучения целевых, дополнительных, консекутивных, экспликативных и других придаточных предложений, может быть привлечён и использован при изучении студентами после прохождения ими курса латинского языка французского синтаксиса вообще и сюбжонктива в частности. Это погружение в историческую грамматику позволит лучше и глубже понять многие явления в изучаемом языке.

Список литературы

1. Вдовиченко А.В. Дискурс–текст–слово. Статьи по истории, библеистике, лингвистике, философии языка. М.: Изд-во «Православный Свято-Тихоновский Богословский институт», 2002. 287 с.
2. Копырина М.В. Об исторической роли латыни в формировании и развитии французского языка // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2013. № 3(19). С. 15–20.
3. Максимова Т.В. Функциональные и семантические критерии выбора наклонения в дополнительных придаточных предложениях при обучении французскому языку // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В.Г. Гака. Сборник статей по итогам международной конференции. М.: ООО «Издательство «Спутник+», 2021. С. 298–304.
4. Метелькова Л.А., Оганесян Е.А., Зейнутдинова Э.Ш., Гордеева Н.Г. Место латинского медиа в истории французского языка // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11 (65). Часть 2. С. 30–32.

¹«OR<...> XVI^s., conj.: (hac) hora. “à cette heure”» [Picoche 1992: 257].

²«AUBÉPIN: *albus spinus* désignant plus précisément l'arbuste» [Picoche 1992: 26].

³ «Так живи, не увядая, / Расцветай, – / Да вовек ни гром небесный, / Ни гроза, ни дождь, ни град / Не сразят / Мой боярышник прелестный» (Пер. В. Левика.).

5. Солопов А.И., Антонец Е.В. Латинский язык: учебник и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт. 2018. 458 с.
6. Чиликина О.Н., Егорова Е.В. Сослагательное наклонение в современном французском языке // Наукосфера. 2022. № 4(1). С. 61–65.
7. Longnon H. Pierre de Ronsard, essai de biographie, les ancêtres – la jeunesse. Paris: Librairie Honoré Champion, 1912. XII, 512 p.
8. Picoche J. Dictionnaire étymologique du Français. Paris: Dictionnaires Le Robert; Montreal: Dicorobert, 1992. X. 619 p.

References

1. Vdovichenko A.V. Diskurs-tekst-slovo. Stat'i po istorii, bibleistike, lingvistike, filosofii yazyka [Discourse-text-word. Articles on history, biblical studies, linguistics, philosophy of language]. Moscow, Izd-vo «Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii Bogoslovskii institut», 2002, 287 p. (In Russ.).
2. Kopyrina M.V. Ob istoricheskoi roli latyni v formirovanii i razvitii frantsuzskogo yazyka [On the historical role of Latin in the formation and development of the French language]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 2013, no. 3(19), pp. 15-20. (In Russ.).
3. Maksimova T.V. Funktsional'nye i semanticheskie kriterii vybora nakloneniya v dopolnitel'nykh pridatochnykh predlozheniyakh pri obuchenii frantsuzskomu yazyku [Functional and Semantic Criteria for Mood Selection in Complementary Clauses in Teaching French]. *Yazyk i deistvitel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V.G. Gaka. Sbornik statei po itogam mezhdunarodnoi konferentsii*. Moscow, OOO «Izdatel'stvo «Sputnik+», 2021, pp. 298-304. (In Russ.).
4. Metel'kova L.A., Oganesyana E.A., Zeinutdinova E.Sh., Gordeeva N.G. Mesto latinskogo mediya v istorii frantsuzskogo yazyka [The place of the Latin media in the history of the French language]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*. 2017, no. 11 (65), patr 2, pp. 30-32. (In Russ.).
5. Solopov A.I., Antonets E.V. Latinskii yazyk [Latin language]. 3rd ed., Moscow, Izd-vo Yurait, 2018, 458 p. (In Russ.).
6. Chilikina O.N., Egorova E.V. Soslagatel'noe naklonenie v sovremennom frantsuzskom yazyke [Subjunctive mood in modern French]. *Naukosfera*. 2022, no. 4(1), pp. 61-65. (In Russ.).
7. Longnon H. Pierre de Ronsard, essai de biographie, les ancêtres – la jeunesse. Paris: Librairie Honoré Champion, 1912. XII, 512 p.
8. Picoche J. Dictionnaire étymologique du Français. Paris: Dictionnaires Le Robert; Montreal: Dicorobert, 1992. X, 619 p.

Информация об авторе

А.Ю. Братухин – доктор филологических наук,
доцент, кафедра мировой литературы и культуры,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the autor

A.Yu. Bratukhin – Grand Ph. D. (Philology),
Associate Professor, Department of World Literature and Culture,
Perm State University

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 13–21.
Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 13-21.

Научная статья
УДК 81-119

ЖЕНЩИНЫ И ЛИНГВИСТИКА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Виктория Михайловна Костева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
e-mail: vmkosteva@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена представлению истории научной деятельности женщин-языковедов. Актуальность темы обусловлена заметно возросшим интересом к научной работе и достижениям женщин в истории различных наук, в том числе в лингвистике, о чем свидетельствует ряд работ, появившихся в последние 20 лет как в отечественной, так и зарубежной научной литературе. Сегодня исследователи этой темы сталкиваются с несколькими проблемами, среди которых фрагментарное представление истории женщин в лингвистике, отсутствие эксплицитного описания их деятельности в историческом контексте. Это затрудняет понимание истории языкознания с точки зрения имманентных законов её развития, а также обусловленности её общественно-историческим контекстом. Представляется, что для решения указанных проблем необходимо использовать иные методы описания лингвистической историографии. В статье подчеркивается преимущество использования нарративного метода лингвоисториографии, позволяющего представить данные, необходимые для формирования мнения о научном наследии и вкладе женщин-лингвистов. Достаточно эффективным методом является использование теории М. Фуко о дискурсивных практиках, применение которых помогает объяснить мотивы поведения и выбор направлений научных исследований женщинами-лингвистами. Данные соображения сопровождаются несколькими примерами, наглядно показывающими отличия традиционного лингвоисториографического представления от описания в духе нарративной лингвоисториографии. Немаловажным аспектом последней является представление факторов, которые не учитываются или крайне редко учитываются при традиционном описании истории лингвистики. Речь идёт о литофоническом аспекте, то есть об упоминании соавторов научного успеха. В статье также приводятся примеры современных научных проектов по истории женщин-языковедов, реализованных в последнее время, что ещё раз подчёркивает актуальность темы. В заключении автор намечает ряд перспектив изучения и описания этого аспекта в общей практике лингвоисториографии.

Ключевые слова: наука, языкознание, женщины-лингвисты, языковеды, нарративная лингвоисториография, дискурсивная практика, литофонический аспект.

Для цитирования: Костева В.М. Женщины и лингвистика: историографические перспективы // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 13–21.

Original article

WOMEN AND LINGUISTICS: HISTORIOGRAPHICAL PERSPECTIVES

Victoria M. Kosteva

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vmkosteva@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the presentation of the history of scientific activity of women linguists. The relevance of the topic is due to the markedly increased interest in scientific work and achievements of women in the history of various sciences, including linguistics, as evidenced by a number of works that have appeared in the last 20 years, both in domestic and foreign scientific works. To date, researchers of this topic face several problems, including a fragmentary representation of the history of women in linguistics, the lack of an explicit description of their activities in a historical context, which makes it difficult to understand the history of linguistics from the point of view of its immanent laws of development, as well as its conditionality by the socio-historical context. It seems that in order to solve these problems, it is necessary to use other methods of describing linguistic historiography. The article emphasizes the advantage of using the narrative method for historiography of linguistics, which allows presenting the data necessary to form an opinion about the scientific heritage and contribution of women linguists. A fairly effective method is the use of M. Foucault's theory of discursive practices, the use of which helps to explain the motives of behavior and the choice of research directions of women linguists. These considerations are accompanied by several examples that clearly show the differences between the traditional linguistic historiographic representation and the description in the spirit of narrative historiography of linguistics. An important aspect of the latter is the presentation of factors that are not taken into account or are rarely taken into account in the traditional description of the history of linguistics. We are talking about the lithophonic aspect, i.e. the mention of co-authors of scientific success. The article provides examples of modern scientific projects on the history of women linguists implemented recently, which once again emphasizes the relevance of the topic. In conclusion, the author outlines a number of perspectives for studying and describing this aspect in the general practice in historiography of linguistics.

Keywords: science, linguistics, women linguists, linguists, narrative historiography of linguistics, discursive practice, lithophonic aspect.

For citation: Kosteva V.M. Women and linguistics: historiographical perspectives. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:13-21. (In Russ.).

Введение

Тема женщины в науке периодически привлекала к себе внимание историографов той или иной отрасли знания, но особенно популярной она стала в последние два десятилетия. В этот период появился целый ряд значительных публикаций, как общей направленности, так и узкоспециальной. Приведём несколько примеров таких трудов в отечественной и зарубежной лингвистической историографии: «Женщины в науке: вчера, сегодня, завтра» [Богданова 2004: 103–111], «Штурм цитадель науки. Женщины-учёные Российской империи» [Валькова 2019], «Weibliche Arbeitswelten in der Wissenschaft: Frauen an der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1890-1945» [Hoffmann 2011], «Von den Bemühungen der Frauen in der Wissenschaft Fuß zu fassen» [Seiser 1994], «Women in the History of Linguistics» [Ayres-Bennett, Sanson 2020].

Обращение к теме женщин-лингвистов выявило ряд проблемных точек в лингвистической историографии, речь о которых пойдет в основной части статьи.

Основная часть

Несмотря на наличие определённого количества работ на данную тему, описание деятельности женщин-лингвистов представлено в них довольно фрагментарно. Включение той или иной персоналии в учебники и хрестоматии по истории лингвистики остаётся выбором составителей и определяется их предпочтениями, целями и оценками. В отечественной лингвистической историографии представлен крайне небольшой список женщин-языковедов. Так в хрестоматии «Отечественные лингвисты XX века» (2016) среди 55 аналитико-информационных статей о научном наследии выдающихся отечественных учёных в области языкознания всего пять статей посвящены женщинам-языковедам, среди них М.М. Гухман, Э.Г. Ризель, Н.Н. Семенюк, В.Н. Телия, В.Н. Ярцева [Отечественные лингвисты XX века 2016].

Конечно, фамилии женщин-учёных присутствуют в учебниках по языкознанию, но их число ограничено: от 3 до 12 персоналий. Исключение составляет учебник И.П. Сусова «История языкознания», особенно раздел, посвящённый научным направлениям XX в., где упоминаются, например, Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, Н.Ю. Шведова, В.И. Заботкина и целый ряд представительниц региональных научных школ [Сусов 2006].

Безусловно, существуют обзорные работы, посвящённые отдельным женщинам-ученым (например, статья В.М. Алпатова о Р.О. Шор [Алпатов 2009]). Информацию о научном становлении женщин-языковедов часто предоставляют сборники, выпускаемые к юбилейной дате, отметим работу «Агния Васильевна Десницкая: библиографический очерк» [Агния Васильевна Десницкая: библиографический очерк 2002].

Аналогичная практика существует и в зарубежном академическом дискурсе. Женщины-лингвисты упоминаются в словарях энциклопедического типа, существуют монографии, посвящённые отдельным представительницам лингвистической науки.

В современном интернет-пространстве мы также можем найти сайты, посвященные женщинам-учёным, в том числе женщинам-языковедам. Существуют алфавитные списки, представляющие по запросу краткие биографические и научные сведения ¹.

Но несмотря на наличие такого рода источников, мы можем констатировать отсутствие связной истории женщин в языкознании, а также фрагментарное историографическое представление их научной деятельности; не всегда чёткими представляются критерии отбора персоналий для учебников и пособий по языкознанию, которые оставляют без внимания целый ряд имён.

Вторая проблема кроется в описании жизни и деятельности женщин-языковедов в научных публикациях и на сайтах интернета. Традиционно такое описание включает в себя краткую биографическую и научную справку; основной упор делается на указание направления научной деятельности и публикаций в этой области. В некоторых источниках можно обнаружить оценку научных концепций, сделанных в духе определённой политической семантики. Такое описание определяет часто крайне одностороннее восприятие личности женщины-учёной и её концепций и не способствует появлению желания у студентов или аспирантов, обучающихся языковым специальностям, изучать историю языкознания в целом, а также более полно и детально ознакомиться с «научными личностями» и их теориями.

Метод нарративной лингвоисториографии, начало которому было положено ещё в 1980-е гг., ставит перед историографами лингвистики поистине глобальную задачу: показать концепции и личность учёного во всех аспектах, с её положительными и отрицательными качествами, с учётом всех фактов биографии, что позволит читателю ознакомиться с данными фактами и составить своё собственное мнение, которое может и не совпадать с принятыми оценками [Костева 2018: 146]. Представляется, что выполнение этой задачи ознаменует написание новой истории языкознания, частью которой будет история женщин в лингвистике.

В связи с этим упомянем новый межуниверситетский проект по историографии женской лингвистики. В настоящее время к изданию готовится монография о женщинах-лингвистах в России, Германии и Англии XVIII в. В рамках данного направления исследования уже было опубликовано несколько статей [Германова 2022, 2023; Костева 2022; Радченко 2021].

¹URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F:%D0%96%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D1%8B-%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8B>
(дата обращения: 10.05.2023)

URL: <https://padlet.com/kobyashovanna122/padlet-v14x72t3uc2jtgcj> (дата обращения: 10.05.2023)

Ещё один довольно интересный проект представляет собой Интерактивная карта «Известные австрийцы в России» (austriansinrf.ru), где с использованием принципов нарративной лингвисториграфии был представлен портрет Э.Г. Ризель (интервью с учениками, научные труды в их хронологической последовательности, фотографии).

Нарративная лингвисториграфия базируется на широкой эмпирической базе, которая включает в себя не только работы учёного, но и законодательные документы, учебники по языкознанию определённого периода, статьи в СМИ, мемуары свидетелей той эпохи, личную переписку и т. д. Всё это позволяет создать так называемый личностно-исторический контекст и ответить на ряд вопросов, начиная, наверное, с основного, что или кто побуждает женщину заняться наукой, почему возникает интерес именно к конкретным направлениям, и заканчивая вопросом эволюции терминов и самой научной концепции в течение активной научной жизни.

Наши исследования женщин-лингвистов в России XVIII в. позволили сделать вывод о существовании нескольких причин обращения женщин к научным занятиям в указанный период: во-первых, это изменение роли женщины в общественной жизни. Наглядными примерами такого изменения является политическая и общественная деятельность Екатерины Великой и Екатерины Романовны Дашковой, имеющих огромные заслуги в области лингвистики, несмотря на то, что они были не столько языковедами, сколько научными менеджерами в современном понимании.

Кроме того, в популярной литературе, в журналах, распространялись призывы к женщинам с целью их вовлечения в занятия наукой. Уже хрестоматийной стала статья Гартига, опубликованная в русском переводе под названием «Рассуждение о женщинах, и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках» в журнале «Чтение для вкуса, разума и чувствований». В ней автор подробно рассматривает способности женщин к занятиям наукой, справедливо указывая на то, что женщины-учёные существовали во все века. Единственной преградой для научных занятий, по мнению Гартига, являются лишь общественные предрассудки. Науки, по мнению автора, привнесут в жизнь женщины новые удовольствия, дадут опору, придадут силу, когда увянет женская красота. При этом Гартиг обращается к семье и призывает старшее поколение приучать девушек к научным занятиям: «Матери внушайте дочерям своим вкус к ним с самых нежных лет» [Гартиг 1793: 72].

Полагаем, что приведённые факты могут свидетельствовать о новой волне феминизма в России, после первого этапа гендерного равенства в языческий период, связанного с выходом русской женщины из терема и новыми образовательными и общественными возможностями, обусловленными отказом от прежнего жизненного уклада.

Нельзя также не поддержать вывод И.Ф. Богдановой о том, что «женщины-учёные были в каждой культуре на протяжении всей истории развития общества, однако определённых успехов могли добиваться только в той среде, где имелось позитивное отношение к их занятиям» [Богданова 2004: 107]. Заметим попутно, что языкознание стало объектом научных интересов женщин, пожалуй, позже остальных наук.

Такая поддержка была не только на государственном уровне, но и в русской семье XVIII в. Примером тому может послужить модное занятие переводом с иностранных языков, в основном французского и немецкого, разноплановых и разножанровых произведений (духовных сочинений, научных трактатов и романов). Отметим, что в дворянских семьях переводами занимались и мужчины, что позволило исследователям XVIII в. сделать вывод о том, что женщины просто следовали примеру своих мужей и других родственников.

Направления, в котором развивались лингвистические исследования женщин указанного периода, определялись языковой реформой Петра Первого. Это было время создания русского языка как национального литературного языка, что требовало

формирования нормы и её закрепление в словарях. Решению этой задачи послужил «Словаря Академии Российской», получивший статус первого толкового словаря русского языка, руководство которым осуществляла Е.Р. Дашкова [Тычинина 2002: 143].

Конечно, нельзя не учитывать и индивидуальные особенности и склонности женщин, создающих лингвистические произведения. Так довольно экстравагантная для XVIII в. представительница английской аристократии Эстер Линч Трейл Пьюэци создала словарь синонимов, руководствуясь желанием и отчасти необходимостью помочь читателям выбрать слова в «беседе и элегантно разговорном языке» в светском салоне [Германова 2022: 75–76].

По мнению О.А. Радченко, создание непредвзятой истории лингвистики, а именно эту цель преследует нарративная лингвоисториография, предполагает включение множества аспектов и дискурсов [Радченко 2018: 38]. Представляется, что личностно-исторический контекст в рамках нарративной историографии можно представить как совокупность дискурсивных практик в трактовке М. Фуко. Такой подход способствует более глубокому пониманию истоков научного поведения лингвистов в сложившейся политической ситуации, а также делает возможным выявить особенности гендерного поведения учёных в определённых политико-социальных условиях.

Сопоставительный анализ лингвистики тоталитаризма, осуществлённый в диссертационном исследовании автора данной статьи, позволил выявить несколько дискурсивных практик академического сообщества, среди которых необходимыми были, например, исследования направлений, пользующихся государственной поддержкой и, в случае необходимости, изменение тематики и содержательного аспекта; членство в партии, поддержка на уровне своей деятельности идей государственной доктрины и идеологических установок в языковой работе, а также ряд других [Костева 2019: 25–26].

Сказанное не означает, что все без исключения учёные действовали в соответствии с представленными практиками или участвовали во всех аспектах их реализации. Во многом это определялось личными качествами, стремлениями и желаниями лингвистов. Очевидно, что согласие действовать в соответствии с существующими дискурсивными практиками давало учёным больше возможностей для построения научной карьеры, получения ряда преференций, отличий и так далее, и наоборот, отказ от работы в рамках предписанных дискурсивных практик мог привести к негативным последствиям, вплоть до уничтожения человека в профессии или физической гибели [Костева 2022: 82–83].

Деятельность женщин-лингвистов в рамках дискурсивных практик была аналогичной деятельности мужчин. Членство в партии открыло перед немецкой лингвисткой Аннелизе Бретшнайдер (Anneliese Bretschneider, 1898–1984) прекрасные карьерные перспективы. А первая советская женщина-языковед Розалия Осиповна Шор (1894–1939) была беспартийной, что создавало ей трудности в построении карьеры; это, например, стало одной из причин её не избрания в Члены-корреспонденты Академии наук СССР [Шор 2006].

Важной составляющей научной деятельности женщин-языковедов является их взаимоотношения с коллегами-мужчинами.

Занимаясь языкознанием на протяжении многих лет, мужчины-филологи создали ряд традиций проведения научных споров, дискуссий; в это же время сложились определённые академические практики. Научная работа для женщин в какой-то степени была сопряжена с вызовом мужскому сообществу. В связи с этим представляется интересным проследить развитие женской научной карьеры в аспекте влияния на неё мужчин. Научная деятельность Шор и Бретшнайдер постоянно протекала в мужском окружении, что способствовало, с одной стороны, установлению обширных связей в

научной и политической среде, а с другой – способствовала развитию мужских качеств характера: упорства и пробивной силы, а также некой ожесточенности в поведении с коллегами [Костева 2022].

Использование метода нарративной лингвистической историографии позволило профессору О.А. Радченко обратить внимание на такую важную часть лингвистической историографии, как её литофонический аспект, под которым следует понимать «неявную, скрытую, негласную историю того, как удалось классикам стать таковыми, кто был соавтором их научного успеха [Радченко 2021: 44].

Большую роль в таком соавторстве играют женщины, статус которых простирается от жены, подруги, владелицы модных салонов, до руководительницы государства. В качестве примеров О.А. Радченко приводит Каролину фон Гумбольдт (1766–1829), переводившую для мужа тексты с греческого и латыни; Генриетту Доротею Гримм (1793–1867), семейные сказки которой стали важной составляющей будущего двухтомника братьев Гримм; Беттину фон Арним (1785–1859), издававшую труды своего мужа. Особое место занимает Анна Луиза Жермена де Сталь-Гольштейн (1766–1817) оказавшая непосредственное влияние на создание и популяризацию лингвистических и литературоведческих работ братьев Шлегелей [там же: 41].

В истории отечественного языкознания мы можем упомянуть деятельность императрицы Екатерины Великой, которая способствовала созданию словаря Симона Палласа «Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки» [Сравнительные словари... 1787], профинансировав его экспедиции, предоставив в его распоряжение библиотеку с многочисленными словарями (в том числе в рукописными) и определив структуру и словник этого крупного лексикографического произведения.

Представляется, что в данном аспекте можно учитывать и такие нюансы, как ориентацию реформ русского литературного языка Н.М. Карамзина на так называемое «щегольское наречие», под которым понималась «элитарная речь социальных верхов» [Успенский 1985: 139].

По мнению учёного, разговорный язык светского общества вместе со «щегольским языком» определяет ориентацию карамзинистов на женскую речь [Успенский 1995: 57]. Таким образом, мы можем говорить о эксплицитной роли женщин в становлении нового русского литературного языка, так как законодателями норм «щегольской речи» были именно женщины, они же являются и «носительницами естественного начала в языке» [там же: 57–58].

Заключение

Обобщая вышесказанное, считаем, что к основным перспективами историографического представления женщин в лингвистике можно отнести следующие:

- создание каталога дискурсивных практик, в соответствии с которыми действуют женщины-языковеды;
- выявление отличий или сходства дискурсивных практик в гендерном аспекте;
- создание портрета женщины-учёной с учётом исторического контекста и исторического периода;
- написание истории роли женщины в становлении и развитии науки о языке в аспекте литофонии;

Представляется, что выполнение этих задач будет способствовать открытию новых имён, определению их места в парадигме языкознания и в определённой степени выявлению имманентных законов лингвистики.

Список литературы

1. Агния Васильевна Десницкая: биобиблиографический очерк. Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., С.-Петербург. фил. арх. РАН; сост. библиогр. и вступ. ст. А.В. Жугры; описание арх. материалов: А.Н. Анфертьева, И.А. Магин; [отв. ред. Н.Н. Казанский] СПб.: Наука, 2012. 160 с.
2. Алпатов В.М. Розалия Осиповна Шор // Вопросы языкознания. 2009. № 5. С. 114–131.
3. Богданова И.Ф. Женщины в науке: вчера, сегодня, завтра // Социологические исследования. 2004. № 1 (237). С. 103–111.
4. Валькова О.А. Штурмуя цитадель науки. Женщины-учёные Российской империи. М: Новое литературное обозрение, 2019. 792 с.
5. Гартиг. Рассуждение о женщинах и о выгодах, которые получили бы они от упражнения в науках / пер. с фр. М. Вышеславцева // Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793. Ч. 11. № 62. С. 50–72.
6. Германова Н.Н. Женщины в британской лингвистике XVIII в: Э. Л. Трейл Пьюцци, автор словаря синонимов английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 74–80.
7. Германова Н.Н. Элизабет Элстоб против Джонатана Свифта: спор о древних и новых и изучение древнеанглийского языка в Великобритании XVIII в. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 (870). С. 21–27.
8. Костева В.М. Нарративный метод в лингвоисториографии и особенности его использования для исследования научного интрадискурса // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. Вып. 14 (809). 2018. С. 143–151.
9. Костева В.М. Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: автореф. ... д. филол. н. Пермь, 2019. 40 с.
10. Костева В.М. Женщины-лингвисты в тоталитарных государствах XX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 2 (857). С. 81–87.
11. Отечественные лингвисты XX века / отв. ред. В.В. Потапов. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 808 с.
12. Радченко О.А. Горизонты нарративной лингвоисториографии в новом столетии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 25–39.
13. Радченко О.А. Женщины в лингвистике XIX века: к основаниям литофанической историографии науки о языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 9 (851). С. 36–47.
14. Сравнительные словари всѣх языков и нарѣчий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб., 1787. 411 с.
15. Сусов И.П. История языкознания. М.: Восток–Запад, 2006. 295с.
16. Тычинина Л.В. Великая россиянка: Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М.: Наука. 2002. 235 с.
17. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М.: Гнозис, 1994. 240 с.
18. Успенский Б.А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX в. Языковая программа Карамзина и её исторические корни. М.: Изд-во «Московский университет», 1985. 215 с.
19. Шор Е.Н. Стоило ли родиться, или Не лезь на сосну с голой задницей [Электронный ресурс]. М.: Новое литературное обозрение, 2006. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/42635-evgeniya-shor-stoilo-li-roditsya-ili-ne-lez-na-sosnu-s-goloy-zadnicej.html> (дата обращения: 10.05.2023)

20. Язык: теория, история, типология. М.: Ин-т языкознания РАН, УРСС, 2000. С. 124–130.
21. Hoffmann P. Weibliche Arbeitswelten in der Wissenschaft: Frauen an der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1890-1945. Bielefeld: Transcript, cop. 2011. 405 S.
22. Seiser G. Von den Bemühungen der Frauen in der Wissenschaft Fuß zu fassen. Bundesministerium für Wissenschaft und Forschung, 1994. 568 S.
23. Ayres-Bennett W, Sanson H. Women in the History of Linguistics. 2020. 672 pp.

References

1. Agniya Vasil'evna Desnitskaya: biobibliograficheskii ocherk [Agnia Vasilievna Desnitskaya: biobibliographic essay]. Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled., Saint Petersburg, Nauka, 2012. 160 p. (In Russ.).
2. Alpatov V.M. Rozaliya Osipovna Shor [Rozalia Osipovna Shor]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 2009, no. 5, pp. 114-131. (In Russ.).
3. Bogdanova I.F. Zhenshchiny v nauke: vchera, segodnya, zavtra [Women in Science: Yesterday, Today, Tomorrow]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2004, no. 1 (237), pp. 103-111. (In Russ.).
4. Val'kova O.A. Shturmuya tsitadel' nauki. Zhenshchiny-uchenye Rossiiskoi imperii [Storming the citadel of science. Women scientists of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 792 p. (In Russ.).
5. Gartig. Rassuzhdenie o zhenshchinakh i o vygodakh, kotorye poluchili by oni ot uprazhneniya v naukakh [A discourse on women and the benefits they would receive from an exercise in the sciences]. *Chtenie dlya vkusa, razuma i chuvstvovaniy*. 1793, part 11, no. 62, pp. 50-72. (In Russ.).
6. Germanova N.N. Zhenshchiny v britanskoj lingvistike XVIII v: E. L. Treil P'otstsi, avtor slovarya sinonimov angliiskogo yazyka [Women in 18th Century British Linguistics: E. L. Trail Piozzi, Author of a Dictionary of English Synonyms]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2022, iss. 2 (857), pp. 74-80. (In Russ.).
7. Germanova N.N. Elizabet Elstob protiv Dzhonatanana Svifta: spor o drevnikh i novykh i izuchenie drevneangliiskogo yazyka v Velikobritanii XVIII v. [Elizabeth Elstob vs. Jonathan Swift: The ancient vs. modern controversy and the study of Old English in eighteenth-century Britain.]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023, iss. 2 (870), pp. 21-27. (In Russ.).
8. Kosteva V.M. Narrativnyi metod v lingvoistoriografii i osobennosti ego ispol'zovaniya dlya issledovaniya nauchnogo intradiskursa [Narrative method in linguo-historiography and features of its use for the study of scientific intradiscourse]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. Iss. 14 (809), 2018, pp. 143-151. (In Russ.).
9. Kosteva V.M. Lingvistika totalitarizma v lingvofilosofskoi paradigme KhKh veka [Linguistics of totalitarianism in the linguo-philosophical paradigm of the 20th century]. Doctoral dissertation abstract. Perm', 2019 40 p. (In Russ.).
10. Kosteva V.M. Zhenshchiny-lingvisty v totalitarnykh gosudarstvakh KhKh veka [Women Linguists in the Totalitarian States of the 20th Century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2022, iss. 2 (857), pp. 81-87. (In Russ.).
11. Otechestvennye lingvisty XX v. [Domestic linguists of the twentieth century.]. Moscow, Izdatel'skii dom YaSK, 2016, 808 p. (In Russ.).
12. Radchenko O.A. Gorizonty narrativnoi lingvoistoriografii v novom stoletii [Horizons of Narrative Linguistic Historiography in the New Century]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2018, iss. 9 (801), pp. 25-39. (In Russ.).
13. Radchenko O.A. Zhenshchiny v lingvistike XIX veka: k osnovaniyam litofanicheskoj istoriografii nauki o yazyke [Women in linguistics of the 19th century: to the foundations of the lithophaneous historiography of the science of language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2021, iss. 9 (851), pp. 36-47. (In Russ.).
14. Sravnitel'nye slovari vs'kh yazykov i nar'chii, sobrannye desnitseyu Vsevysochaishei osoby. Otdelenie pervoe, sodержashchee v sebe evropeiskie i aziatskie yazyki [Comparative dictionaries of all languages and dialects, collected by the right hand of the Most High Person. The first branch, containing European and Asian languages]. Part 1, Saint Petersburg, 1787, 411 p. (In Russ.).

15. Susov I.P. Istoriya yazykoznaneya [History of linguistics]. Moscow, Vostok-Zapad, 2006, 295 p. (In Russ.).
16. Tychinina L.V. Velikaya rossiyanka: Zhizn' i deyatelnost' knyagini Ekateriny Romanovny Dashkovoï [The Great Russian Woman: The Life and Work of Princess Ekaterina Romanovna Dashkova]. Moscow, Nauka, 2002, 235 p. (In Russ.).
17. Uspenskii B.A. Kratkii ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka (XI–XIX vv.) [Brief essay on the history of the Russian literary language (XI–XIX centuries)]. Moscow, Gnozis, 1994, 240 p. (In Russ.).
18. Uspenskii B.A. Iz istorii russkogo literaturnogo yazyka XVIII - nachala XIX v. Yazykovaya programma Karamzina i ee istoricheskie korni [From the history of the Russian literary language of the 18th - early 19th centuries. Karamzin's language program and its historical roots]. Moscow, Izd-vo «Moskovskii universitet», 1985, 215 p. (In Russ.).
19. Shor E.N. Stoilo li rodit'sya, ili Ne lez' na sosnu s goloi zadnitsei [Was it worth it to be born, or Don't climb a pine tree with a bare ass]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. (In Russ.). Available at: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/42635-evgeniya-shor-stoilo-li-roditsya-ili-ne-lez-na-sosnu-s-goloi-zadnitsei.html> (accessed: 10.05.2023)
20. Yazyk: teoriya, istoriya, tipologiya [Language: theory, history, typology]. Moscow, In-t yazykoznaneya RAN, URSS, 2000, pp. 124-130. (In Russ.).
21. Hoffmann P. Weibliche Arbeitswelten in der Wissenschaft: Frauen an der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1890-1945. Bielefeld: Transcript, cop. 2011. 405 S.
22. Seiser G. Von den Bemühungen der Frauen in der Wissenschaft Fuß zu fassen. Bundesministerium für Wissenschaft und Forschung, 1994. 568 S.
23. Ayres-Bennett W, Sanson H. Women in the History of Linguistics. 2020. 672 pp.

Информация об авторе

В.М. Костева – доктор филологических наук,
профессор, кафедра германской филологии,
Российский государственный гуманитарный университет.

Information about the author

V.M. Kosteva – Grand Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Russian State University for the Humanities.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 22–30.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 20-30.

Научная статья

УДК 81`3

ИЗОМОРФИЗМ ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Влада Вячеславовна Яркова¹, Анна Сергеевна Ситькова²

^{1,2} Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь,

Россия, vladaiarkovaa@gmail.com

² sitkovaana@yandex.ru

Аннотация. Понятие изоморфизма играет важную роль в осмыслении закономерностей функционирования различных систем, в частности системы языка. В настоящей статье предпринята попытка обобщить и систематизировать накопленные знания о понятии изоморфизма с позиции философии и языкознания второй половины XX – начала XXI вв. В общенаучном контексте под изоморфизмом понимают сходство свойств, соответствие связей и отношений между объектами (системами). Данный термин встречается в разных отраслях научного знания, широко используется в естествознании, математике и логике. Во второй половине XX в. понятие изоморфизма интегрируется в разные области социально-гуманитарного знания, в том числе в философию и лингвистику. Философский контекст раскрывает сущность понятия, уточняет его дефиницию. В лингвистике данного периода наблюдается широкое распространение образов кибернетики, идей теории информации и представлений генетики. Язык рассматривается как целостная система с определенной структурой. Данные тенденции развития науки порождают у лингвистов все больший интерес к выявлению и анализу случаев изоморфизма в языке. Ученые предпринимают попытки описания внутренней организации языковой системы, изучения взаимодействия различных уровней языка, а также глубинной семантики языковых единиц. Как показал обзор научной литературы, понятие изоморфизма встречается в различных областях современных лингвистических исследований. На данный момент в языкознании не существует общепринятой дефиниции рассматриваемого нами понятия. Изоморфизм рассматривается как взаимное соответствие единиц разных уровней, так и сходство единиц одного уровня в одном или нескольких языках. Перспективы исследования видятся в выявлении и описании случаев изоморфизма функционально-семантических свойств глаголов инструментальной семантики русского, английского и немецкого языков.

Ключевые слова: изоморфизм, гомоморфизм, системный подход, система языка, философия науки, современное языкознание.

Для цитирования: Яркова В.В., Ситькова А.С. Изоморфизм формы и содержания в контексте философии и лингвистики во второй половине XX – начале XXI вв. // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 22–30.

Original article

ISOMORPHISM OF FORM AND CONTENT IN THE CONTEXT PHILOSOPHY AND LINGUISTICS FROM THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY TO THE EARLY 21ST CENTURY

Vlada V. Iarkova¹, Anna S. Sitkova²

^{1,2} Perm State University, Пермь, Россия

¹ HSE University, Пермь, Россия, vladaiarkovaa@gmail.com

² sitkovaana@yandex.ru

Abstract. Isomorphism plays a key role in understanding the functioning patterns of diverse systems, especially a system of language. This article provides a concise overview of the accumulated knowledge of isomorphism from the perspective of philosophy and linguistics spanning from the latter half of the 20th century to the early 21st century. As a rule, isomorphism is considered as the similarities of properties, connections and/or relationships between objects or systems. This term is used in various scientific domains, well researched and clearly presented in natural sciences, mathematics, and logic. Since the mid-20th century, isomorphism has integrated into humanities and social sciences, including philosophy and linguistics. Philosophers unveil the essence of the phenomenon, enhancing its definitional clarity. Language is described as a holistic system possessing a distinctive structure, since the principles of cybernetics, the concepts of information theory, and the genetic representations are widely spread in contemporary linguistics. These trends have sparked a great interest among linguists to identify and analyze various cases of isomorphism. Scholars endeavor to describe an internal organization of a language system and examine the interplay between different structural levels of a language. At present, there is no a universally accepted definition of the phenomenon in linguistics. Isomorphism can be defined as the similarities between the units of different structural levels or the similarities between the units of the same structural level of one or multiple languages. The prospects for further research lie in identifying and describing the cases of isomorphism, which instrument verbs have, in Russian, English, and German.

Keywords: isomorphism, homomorphism, systems theory, language system, philosophy of science, contemporary linguistics.

For citation: Iarkova V.V., Sitkova A.S. Isomorphism of Form and Content in the Context Philosophy and Linguistics from the Second Half of the 20th century to the Early 21st Century. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:22-30. (In Russ.).

Введение

Во второй половине XX – начале XXI вв. происходят серьезные изменения в жизни общества. Системный подход становится одним из основополагающих методологических направлений науки. В оборот вводятся новые понятия и категории, которые сосредоточены вокруг идей системы. Понятие изоморфизма играет важную роль в осмыслении закономерностей функционирования различных систем, в частности системы языка. В настоящей работе предпринимается попытка систематизации накопленных знаний о понятии изоморфизма.

Теоретической базой послужили труды отечественных и зарубежных специалистов в области истории и философии науки (Б.В. Бирюков [2019]), теории систем и системного анализа (Л. Бергаланфи [1969], И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин [1969]), теории теневых систем (В.В. Орлов [1966, 2012], В.А. Нецветаев [1967], А.Н. Коблов [1972], Г.С. Краснов [1972]), математики и логики (Ю.А. Гастев [1975]), а также исследования, рассматривающие понятие изоморфизма в разных аспектах функционирования языковой системы (В.Д. Аракин [1984, 1989], В.А. Белошарова [1967], И.Ф. Беляева [2000], М.А. Бочарова [2010], И.В. Евсеева [2016], И.В. Заманова [2020], Е. Курилович [1962], В.А. Леонтьева [2022], Э.А. Макаев [1961], Я.В. Солоковский [2009], Т.Н. Федуленикова [2006]).

Основная часть

Изоморфизм (от греч. *isos* – одинаковый и *morphe* – форма) – это «сходство свойств элементов или их совокупностей, определяющее их способность замещать друг друга в каких-нибудь соединениях; соответствие объектов (систем), тождественных по своей структуре» [Толковый... 2011: 294]. Под понятие «могут быть подведены широкие классы отношений, существующие между системами различной природы (например, отношения между фотографией и оригиналом, переводом языкового текста на другой язык и подлинником, географической картой и соответствующей местностью, движениями небесных тел и описывающей их системой дифференциальных уравнений и пр.)» [Новая... 2010: URL]. Понятие имеет широкое распространение в естественных науках, наиболее точно реализуется в математике и логике. Явление изоморфизма было открыто немецким химиком и кристаллографом Э. Митчерлихом (нем. Eilhard Mitscherlich) в 1819 г. В процессе кристаллизации кислых солей фосфорной и мышьяковой кислот ученый обнаружил, что различные по составу вещества, построенные из одинакового количества атомов, дают кристаллы одинаковой формы [Физическая... 1988: URL]. Во второй половине XX в. понятие изоморфизма интегрируется из естествознания, математики и логики в другие области научного знания, в частности в философию.

Л. фон Берталанфи рассматривает изоморфизм как руководящий принцип построения «общей теории систем» – междисциплинарной научной области, которая, в широком смысле, охватывает всю совокупность проблем, связанных с исследованием и конструированием систем. Он говорит о возможности построения единой науки на базе изоморфизма законов в различных областях [Берталанфи 1969]. Идея изоморфности законов в различных областях наук часто оказывалась в центре многочисленных дискуссий, критических обсуждений (К. Гемпель, Р. Бак, Р. Акоф и др.). Данную идею упрекали за отсутствие конструктивности, в том, что из факта установления изоморфных законов в тех или иных областях знания ничего не следует. Однако установление изоморфных отношений есть объяснение в принципе. Оно не представляет собой собственно объяснения, но все-таки лучше, чем отсутствия объяснения вообще. Наличие широких изоморфизмов в современном научном знании играет определенную эвристическую роль [Блауберг, Садовский, Юдин 1969: 22].

Представители Пермской философской школы отмечали, что изоморфизм играет важную роль при установлении закономерностей развития, перехода от низшей к более сложной, высшей форме системы. В работах В.В. Орлова, основателя философской школы Пермского университета, материальный мир рассматривается через последовательность бесконечного множества физической, химической, биологической и социальной форм материи и соответствующих им форм развития. Мир имеет послойную структуру, где высшая форма материи включает в себя всю иерархию низших форм [Орлов 2012: 199]. «В любом сложном целом имеется система (с определенной структурой), специфичная для данного уровня развития материи, и «теневая» система (подсистема), составленная эквивалентами высшего на низшем уровне» [Орлов 1966: 266].

Высшее появляется на основе низшего, оно находится в генетической и актуальной зависимости от него. В основе каждого элемента высшего лежат определенные сочетания элементов низшего уровня, которые образуют индивидуальную основу или эквивалент высшего элемента. То есть в процессе развития и включения в высший уровень множество элементов низшего уровня трансформируется, и его сочетания элементов образуют новое множество, которое состоит из неповторимых основ элементов высшего. Новое множество, или «система-двойник» [Орлов 1966: 268], и множество элементов высшего уровня имеют взаимно однозначное соответствие. Иными словами, между системами есть изоморфные

отношения. Согласно философской концепции В.В. Орлова, обнаружение теневой системы имеет принципиально важное методологическое значение, так как изучение низшего дает более глубокое понимание механизма развития, т. е. перехода от низшего к высшему, и природы высшего в целом.

Изучение изоморфизма получило распространение среди учеников, последователей В.В. Орлова. В 1967 г. в сборнике «Философия пограничных проблем науки» была опубликована статья В.А. Нецветаева. В данной работе ученый раскрыл взаимосвязи между клеткой зиготой и организмом, взяв за основу идею матричного конструирования и изоморфизма систем-двойников [Нецветаев 1967: 115–116]. В 1972 г. то же самое было предпринято А.Н. Кобловым применительно к физическим основаниям живого [Коблов 1972: 115–116] и Г.С. Красновым при анализе биологического фундамента социального прогресса [Краснов 1972: 115–152]. При рассмотрении понятия изоморфизма в контексте философии нельзя не сказать о трудах советского математика и философа Ю.А. Гастева. Впоследствии именно он стал автором словарной статьи об изоморфизме в Новой философской энциклопедии под редакцией В.С. Степина [Бирюков 2019: 88–89].

В 1975 г. Ю.А. Гастев публикует монографию под названием «Гомоморфизмы и модели: логико-алгебраические аспекты моделирования», где освещает ряд проблем логики, семиотики и методологии науки, уточняет понятия модели и процедуры моделирования с помощью понятий изоморфизма, гомоморфизма и их обобщений. Исследователь рассматривает изоморфизм буквально как «равенство (тождество) формы» [Гастев 1975: 22], говорит о полном соответствии его содержания этимологии. При этом Ю.А. Гастев считает, что понятие требует ряд уточнений. Например, в целях разрешения проблемы о «степени сходства» изоморфных систем он настаивает на необходимости рассмотрения изоморфизма как «относительного» отношения между системами объектов» [Гастев 1975: 25]. По мнению ученого, понятие изоморфизма может включать в себя не только тождество структуры, но и тождество функционирования. Как отмечает автор монографии, изоморфизм по своей сущности является целью каждой естественнонаучной теории, поскольку оно позволяет говорить о двух важных вопросах гносеологии: 1) о вопросе соответствия между реальностью и совокупностью образов реальности, возникающие в нашем сознании; 2) о вопросе соответствия совокупности наших содержательных представлений о мире и ее описанием в точных терминах.

Говоря о соответствии между совокупностями предметов внешнего мира и их образами в сознании человека, Ю.А. Гастев обращает внимание на то, что по сути они не могут быть изоморфными, так как полнота и точность воспроизведения внешнего мира в сознании человека всегда относительны. Следовательно, они должны носить более общий характер [Гастев 1975: 29–30]. И в связи с этим Ю.А. Гастев вводит более широкое понятие, понятие гомоморфизма. Гомоморфизм (от греч. *homoios* – подобный и *morphe* – форма), как и понятие изоморфизма, означает подобие строения объектов и целых систем. Однако если изоморфизм понимается как точное и «протокольное» восприятие и чаще всего предполагает равночисленность элементов множеств, то гомоморфизм есть «приблизительный изоморфизм», «изоморфизм с беглого глаза», «из окна поезда», «изоморфизм в сумерках» [Гастев 1975: 32]. Для иллюстрации различий между двумя понятиями философ приводит пример с черно-белой фотографией: «На «гомоморфной» фотографии (то есть на обычной черно-белой) темно-красное платье можно спутать с черным, а желтое – с белым. Но все-таки – не белое с черным» [там же]. Разницу между явлениями можно также проиллюстрировать примером из экономико-математического словаря Л.И. Лопатникова: «...чертеж дома в тетради и тот же чертеж на классной доске – изоморфные по отношению

друг к другу объекты. Но тот же чертеж является гомоморфной моделью по отношению к самому дому (мы видим его на плоскости, а дом – объемный, трехмерный; чертеж дает не все детали...)» [Экономико-математический... 2003: эл.р.].

В лингвистике понятие изоморфизма используется с середины XX в. Термин был введен польским языковедом Е. Куриловичем, который употребил его для обозначения структурных аналогий между звуковыми и семантическими единицами, как слог и предложение. По словам исследователя, обе единицы представляют собой иерархическую структуру с центральным, обязательным компонентом (гласной для слога и сказуемым для предложения) и маргинальными, факультативными компонентами (согласными для первой единицы и прочими членами предложения для второй) [Курилович 1962].

Э.А. Макаев в свою очередь говорит о неприменимости интерпретации данного понятия с точки зрения точных и естественных наук, настаивает на введении лингвистической дефиниции. В статье «К вопросу об изоморфизме», опубликованной в 1961 году, ученый рассматривает изоморфизм уровней языка как «однотипность отношений между языковыми единицами различных уровней» [Макаев 1961: 51]. Л. Ельмслев отмечал наличие структурного тождества плана выражения и плана содержания. Поиск общих структурных черт фонетического и семантического планов языка стал основной идеей глоссематики. В Словаре лингвистических терминов под редакцией О.С. Ахмановой дается определение *изоморфизма уровней языка*. Под изоморфизмом понимается «отсутствие качественного различия между разными уровнями («ярусами») языка» [Словарь лингвистических... 2004: 473].

С течением времени термин «изоморфизм» постепенно расширял свое значение от соответствия единиц различных уровней до соответствия единиц лишь одного уровня, что можно продемонстрировать на примере работ В.Г. Аракина. Изоморфизм в языке рассматривается как «подобие или параллелизм отдельных звеньев структуры языка, отдельных микро- или макроструктур, ее составляющих» [Аракин 1989: 23]. Исследователь отмечает подобие перфект модели «иметь + причастие II (супин)» в отдельных германских языках. По словам ученого, аналогичный изоморфизм структуры перфекта обнаруживается и в романских языках. Явление изоморфизма также прослеживается в способе образования формы будущего времени в ряде романских и украинском языках, что, по его мнению, «вряд ли может быть объяснено какими-либо генетическими связями или ареальными контактами» [Аракин 1984: 7]. Проведенный В.Г. Аракиным анализ позволяет установить общие процессы исторического развития отдельных языков, выйти за пределы генетических рамок и выявить закономерности развития языка как системы.

Изоморфизму в синтаксисе посвящены работы В.А. Белошапковой и И.Ф. Беляевой. В.А. Белошапкина говорит об изоморфизме между синтаксическими связями и отношениями, на основе которых строятся словосочетания и сложные предложения в русском языке. Исследователь приходит к выводу, что подчинительные синтаксические связи и синтаксические отношения между главной и придаточной частями аналогичны синтаксическим связям и их синтаксическим отношениями между определяемым словом и определяющей его формой косвенного падежа [Белошапкина 1967]. И.Ф. Беляева отмечает отсутствие качественного различия между межфразовыми и внутрифразовыми связями в английском языке [Беляева 2000: 144]. Проблеме изоморфизма посвящен ряд исследований в области современной лексикологии. Например, Т.Н. Федуленкова указывает на изоморфизм фразеологической единицы и ее внутренней формы в немецком, английском и шведском языках [Федуленкова 2006: 203]. И.В. Евсеева обосновывает сходства устройства разноуровневых единиц языковой системы, как многозначное производное слово, лексико-

словообразовательное гнездо и текст [Евсеева 2016]. И.В. Заманова изучает изоморфизм моделей номинации абстрактных существительных, которые выражают физическое и душевное состояния человека [Заманова 2020].

Понятие изоморфизма также встречается в отечественном переводоведении, оно связано с вопросами репрезентативности и эквивалентности перевода и оригинала. Проблему соотношения оригинала и перевода через призму изоморфизма рассматривает Я.В. Соколовский [Соколовский 2009: 129]. М.А. Бочарова проводит сравнительный анализ терминосистем различных областей науки и приходит к выводу, что между ними есть так называемый системный изоморфизм. «Наблюдения показывают, что в отраслевых терминологиях есть такие явления, которые изоморфны в том смысле, что они должны и могут рассматриваться только одними и теми же методами и сущность которых может быть понята, только если у них будет одно исходное основание. Поэтому теория изоморфизма оказывается более широкой – она способствует констатации однотипного характера некоторых явлений в разных научных сферах на основании определенного типологического признака» [Бочарова 2010: 43]. В рамках исследований в области функциональной семантики можно выделить работу В.А. Леонтьевой, где формулируется понятие контекстного изоморфизма на материале глаголов немецкого языка в художественном дискурсе. Исследователь отмечает, что в основе данного функционально-семантического тождества лежит контекстная синонимия, которая сопровождается определенными лексическими и синтаксическими маркерами [Леонтьева 2022].

Заключение

В рамках настоящего исследования нам удалось изучить понятие изоморфизма и изложить его основные принципы с позиции современной философии и языкознания. Изоморфизм рассматривается как один из важнейших системообразующих факторов. Философский контекст раскрывает сущность понятия изоморфизма, уточняет его дефиницию, вводя в научный оборот более широкое понятие, гомоморфизм. Оба понятия играют ключевую роль при описании систем, установлении закономерностей развития, затрагивают процессы выделения, систематизации и формализации абстрактных понятий.

С позиции современной лингвистики понятие изоморфизма рассматривается по-разному: оно может обозначать как взаимное соответствие единиц разных уровней, так и сходство единиц одного уровня в одном или нескольких языках. Проблема взаимодействия различных уровней языка, проблема варьирования, изучение глубинной семантики языковых единиц всегда вызывали интерес у специалистов разных областей языкознания и являются актуальными и сегодня, так как именно они способствуют пониманию языка как целостной системы. Перспективы исследования видятся в выявлении и описании случаев изоморфизма функционально-семантических свойств глаголов инструментальной семантики русского, английского и немецкого языков.

Список литературы

1. Аракин В.Д. Изоморфизм в системе глагола // Изоморфизм на разных уровнях языковой системы: Межвуз. сб. науч. тр. /; [Редкол.: Г. С. Клычков (отв. ред.) и др.]. М.: Изд-во «Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской», 1984. С. 5–12.
2. Аракин В.Д. Типология языков и проблема методического прогнозирования: Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. N 2103 «Иностр. яз.». М.: Высшая школа, 1989. 157 с.
3. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке: (Некоторые вопросы теории). М.: Просвещение, 1967. 148 с.

4. Беляева И.Ф. Изоморфизм межфразовых и внутрифразовых связей: На материале сложносочиненных предложений с союзом *and*, бессоюзных предложений и сверхфразовых единств с темпоральным значением в современном английском языке: дис. ... к. филол. н. М., 2000. 260 с.
5. Берталанфи Л. Общая теория систем – обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 30–54.
6. Бирюков Б.В. Трудные времена философии. Юрий Алексеевич Гастев: Философско-логические работы и «диссидентская» деятельность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 160 с.
7. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системные исследования и общая теория систем // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1969. С. 7–29.
8. Бочарова М.А. Явление изоморфизма в русском терминоведении // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 3. С. 40–45.
9. Гастев Ю.А. Гомоморфизмы и модели: логико-алгебраические аспекты моделирования. М.: Наука, 1975. 152 с.
10. Евсеева И.В. Изоморфизм единиц лексики, словообразования и синтаксиса // Сб. тезисов межд. науч. симпозиума «Русская грамматика 4.0». М.: Изд-во «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», 2016. С. 82–86.
11. Заманова И.В. Изоморфизм номинативных моделей абстрактных субстантивов душевного и физического состояний // Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. Сер. «Філологія», 2020. Вип. 85. С. 48–53.
12. Коблов А.Н. Соотношение физической и биологической форм материи в молекулярно-кинетическом аспекте // Философия пограничных проблем науки. 1972. Вып. 3 С. 141–159.
13. Краснов Г.С., Орлов В.В. Биология и социальный прогресс // Философия пограничных проблем науки. 1972. Вып. 5. С. 115–152.
14. Курилович Е. Понятие изоморфизма // Очерки по лингвистике: Сборник статей. М.: ИЛ, 1962. С. 21–36.
15. Леонтьева В.А. Изоморфизм модальных глаголов в художественном дискурсе: на материале современного немецкого языка: дис. ... к. филол. н. М., 2022. 221 с.
16. Макаев Э.А. К вопросу об изоморфизме // Вопросы языкознания. 1961. № 5. С. 50–56.
17. Нецветаев В.А. Концепция уровней и проблема организации живого // Философия пограничных проблем науки. 1967. Вып. 1. С. 115–116.
18. Новая философская энциклопедия. Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2001. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec884f219e418110e4f8ec> (дата обращения: 05.03.2023).
19. Орлов В.В. Основы философии: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1: Общая философия / В.В. Орлов. 5-е изд., перераб. и доп. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 2012. Вып. 1. 231 с.
20. Орлов В.В. Психофизиологическая проблема: философский очерк. Пермь: Изд-во «Пермский государственный университет», 1966. 438 с.
21. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. / О.С. Ахманова. М.: УРСС, Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
22. Соколовский Я.В. Изоморфизм фреймовой структуры концептов в дискурсе оригинала и перевода // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 129–135.
23. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник». 12011. 175 с.
24. Федуленикова Т.Н. Изоморфизм и алломорфизм аллегорических фразеологизмов в германских языках (на материале английского, немецкого и шведского языков) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 11 (61). С. 203–207.

References

1. Arakin V.D. Izomorfizm v sisteme glagola [Isomorphism in the verb system]. *Izomorfizm na raznykh urovnyakh yazykovoï sistemy*. Moscow, Izd-vo «Moskovskii oblastnoi pedagogicheskii institut im. N.K. Krupskoi», 1984, pp. 5-12. (In Russ.).
2. Arakin V.D. Tipologiya yazykov i problema metodicheskogo prognozirovaniya [Typology of Languages and the Problem of Methodological Forecasting]. Moscow, Vysshaya shkola, 1989, 157 p. (In Russ.).
3. Beloshapkova V.A. Slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke: (Nekotorye voprosy teorii) [Complex sentence in modern Russian: (Some questions of theory)]. Moscow, Prosveshchenie, 1967, 148 p. (In Russ.).
4. Belyaeva I.F. Izomorfizm mezhfrazovykh i vnutrifrazovykh svyazei: Na materiale slozhnosochinennykh predlozhenii s soyuzom and, bessoyuznykh predlozhenii i sverkhfrazovykh edinstv s temporal'nym znacheniem v sovremennom angliiskom yazyke [Isomorphism of Interphrasal and Intraphrasal Relations: On the Material of Compound Sentences with the conjunction and, Unionless Sentences and Superphrasal Units with Temporal Meaning in Modern English]. PhD thesis. Moscow, 2000, 260 p. (In Russ.).
5. Bertalanfi L. Obshchaya teoriya sistem - obzor problem i rezul'tatov [General systems theory - review of problems and results]. *Sistemnye issledovaniya: Ezhegodnik*. Moscow, Nauka, 1969, pp. 30-54. (In Russ.).
6. Biryukov B.V. Trudnye vremena filosofii. Yurii Alekseevich Gastev: Filosofsko-logicheskie raboty i «dissidentskaya» deyatelnost' [Difficult times of philosophy. Yuri Alekseevich Gastev: Philosophical and logical works and "dissident" activity]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2019, pp. 88-89. (In Russ.).
7. Blauberg I.V., Sadovskii V.N., Yudin E.G. Sistemnye issledovaniya i obshchaya teoriya sistem [Systems Research and General Systems Theory]. *Sistemnye issledovaniya: Ezhegodnik*. Moscow, Nauka, 1969, pp. 7-29. (In Russ.).
8. Bocharova M.A. Yavlenie izomorfizma v russkom terminovedenii [The phenomenon of isomorphism in Russian terminology]. *Vestnik RUDN. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*. 2010, no. 3. С. 40-45. (In Russ.).
9. Gastev Yu.A. Gomomorfizmy i modeli: logiko-algebraicheskie aspekty modelirovaniya [Homomorphisms and models: logical-algebraic aspects of modeling]. Moscow, Nauka, 1975, 152 p. (In Russ.).
10. Evseeva I.V. Izomorfizm edinits leksiki, slovoobrazovaniya i sintaksisa [Isomorphism of units of vocabulary, word formation and syntax]. *Sbornik tezisov mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Russkaja grammatika 4.0»*. Moscow, Izd-vo «Gosudarstvennyi institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina», 2016, pp. 82-86. (In Russ.).
11. Zamanova I.V. Izomorfizm nominativnykh modelei abstraktnykh substantivov dushevno i fizicheskogo sostoyanii [Isomorphism of nominative models of abstract substantives of mental and physical states]. *Vіsn. Харків. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. Сер. «Філологія»*. 2020, iss. 85, pp. 48-53.
12. Koblov A.N. Sootnoshenie fizicheskoi i biologicheskoi form materii v molekulyarno-kineticheskom aspekte [The ratio of physical and biological forms of matter in the molecular-kinetic aspect]. *Filosofiya pogranychnykh problem nauki*. 1972, iss. 3, pp. 141-159. (In Russ.).
13. Krasnov G.S., Orlov V.V. Biologiya i sotsial'nyi progress [Biology and social progress]. *Filosofiya pogranychnykh problem nauki*. 1972, iss. 5, pp. 115-152. (In Russ.).
14. Kurilovich E. Ponyatie izomorfizma [The concept of isomorphism]. *Ocherki po lingvistike: Sbornik statei*. Moscow, IL, 1962, pp. 21-36. (In Russ.).
15. Leont'eva V.A. Izomorfizm modal'nykh glagolov v khudozhestvennom diskurse: na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka [Isomorphism of Modal Verbs in Literary Discourse: Based on the Material of the Modern German Language]. PhD thesis. Moscow, 2022, 221 p. (In Russ.).
16. Makaev E.A. K voprosu ob izomorfizme [On the question of isomorphism]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1961, no. 5, pp. 50-56. (In Russ.).

17. Netsvetaev V.A. Kontseptsiya urovnei i problema organizatsii zhivogo [The concept of levels and the problem of organizing the living]. *Filosofiya pogranychnykh problem nauki*. 1967, iss. 1, pp. 115-116. (In Russ.).
18. Novaya filosofskaya entsiklopediya. Internet-versiya izdaniya: Novaya filosofskaya entsiklopediya [New philosophical encyclopedia. Internet version of the publication: New Philosophical Encyclopedia]. Institut filosofii RAN, Natsional'nyi obshchestvenno-nauchnyi fond. Moscow, Mysl', 2001. (In Russ.). Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec884f219e418110e4f8ec> (accessed: 05.03.2023).
19. Orlov V.V. Osnovy filosofii [Fundamentals of Philosophy]. Part 1, Perm', Izd-vo «Permskii gosudarstvennyi universitet», 2012, iss. 1. 231 p. (In Russ.).
20. Orlov V.V. Psikhofiziologicheskaya problema: filosofskii ocherk [Psychophysiological problem: a philosophical essay]. Perm', Izd-vo «Permskii gosudarstvennyi universitet», 1966, 438 p. (In Russ.).
21. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, URSS, Editorial URSS, 2004, 571 p. (In Russ.).
22. Sokolovskii Ya.V. Izomorfizm freimovoi struktury kontseptov v diskurse originala i perevoda [Isomorphism of the frame structure of concepts in the discourse of the original and translation]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. 2009, no. 1, pp. 129-135. (In Russ.).
23. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. RAN. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. Moscow, 2011, Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», 1175 p. (In Russ.).
24. Fedulenkova T.N. Izomorfizm i allomorfizm allegoricheskikh frazeologizmov v germanskikh yazykakh (na materiale angliiskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov) [Isomorphism and allomorphy of allegorical phraseological units in Germanic languages (on the material of English, German and Swedish languages)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006, no. 11 (61), pp. 203-207. (In Russ.).

Информация об авторах

В.В. Яркова – аспирант,

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.*

А.С. Ситкова – соискатель, преподаватель, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the authors

V.V. Iarkova – Graduate Student,
HSE University, Perm State University.

A.S. Sitkova – Applicant, Teacher,
*Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.*

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 31–38.
Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 31-38.

Научная статья
УДК 81'0:1.128

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

Юлия Евгеньевна Арекеева

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия, izh4yu@gmail.com

Аннотация. В современном мире в центре внимания когнитивной научной мысли находятся вопросы категоризации и использования категорий человеком. Повышенный интерес учёных вызывает идея категоризации как особого когнитивного процесса, способа организации понятийной системы, имеющей своим источником чувственный опыт. Оппозиция «Свой – Чужой» представляет собой одну из древнейших ментальных констант, интересующих исследователей и в наши дни, и пронизывает все сферы бытия человека. Данная категория является фундаментальной для развития этноса и позволяет индивиду структурировать пространство и определять свойства находящихся в нём объектов по отношению к самому себе или своему личному пространству. Данная оппозиция имеет социальную природу и лежит в основе формирования национальной и социальной идентичности. Проблема самоопределения человека, необходимость обозначения границ своего и чужого создают почву для философского осмысления этой категории и культурно-исторического анализа оппозиции «Свой – Чужой». В рамках философского подхода исследования оппозиции «Свой – Чужой» имеют давнюю научную традицию. С течением времени оппозиция «Свой – Чужой» принимает такие формы, как «люди – нелюди», «мы – они», «Я – Другой / Другие». Эти формы отражают изменение как самой оппозиции, так и культуры, в которой она существует. Современные философские взгляды предполагают познание мира на основе сходства, идентичности, подобия или различия. Опыт всемирной истории с её войнами, противостоянием различных сил обнаруживает деление на своих и чужих, а отражение оппозиции в различных формах межличностного и межкультурного общения, трансформация в иные дихотомические типы с характеристиками «свойственности», «чуждости» и инаковости находятся в центре внимания общественного сознания.

Ключевые слова: оппозиция «Свой – Чужой», категоризация, границы, противопоставление, свойственность, чуждость.

Для цитирования: Арекеева Ю.Е. Философское осмысление оппозиции «свой – чужой» // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 31–38.

Original article

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE OPPOSITION «FRIEND – FOE»

Julia E. Arekeeva

Udmurt State University, Izhevsk, Russia, izh4yu@gmail.com

Abstract. In the modern world, the focus of cognitive scientific thought is on the issues of categorization and use of categories by a person. The increased interest of scientists is caused by the idea of a category as a special cognitive process, a way of organizing a conceptual system that has sensory experience as its source. The opposition «Friend – Foe» is one of the oldest mental constants that are in demand even today, and permeates all spheres of human existence. This category is fundamental for the development of an ethnos and allows an individual to structure the space and determine the properties of the objects located in it in relation to himself or his personal space. The opposition has a social nature and underlies the formation of national and social identity. The problem of self-determination of a person, the need to mark the boundaries of «friends» and «foes» create the basis for the philosophical understanding of this category and the cultural and historical analysis of the opposition «Friend – Foe». Within the framework of the philosophical approach, the study of the opposition «Friend – Foe» has a long scientific tradition. Over time, the opposition «Friend – Foe» takes on such forms as «human – non-human», «we – they», «I – Other / Others», which reflect the change in both the opposition itself and the culture in which it exists. Modern philosophical views assume knowledge of the world on the basis of similarity, identity, similarity or difference. The experience of world history with its wars and confrontations reveals the division into “us” and “them”, and the reflection of the opposition in various forms of interpersonal and intercultural communication, transformation into other dichotomous types with characteristics of peculiarity, alienation and otherness are in the center of attention of public consciousness.

Keywords: opposition «Friend – Foe», categorization, boundaries, opposition, peculiarity, alienation

For citation: Arekeeva Ju.E. Philosophical understanding of the opposition «Friend – Foe». Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:31-38. (In Russ.).

Введение

В XXI в. в центре внимания когнитивных наук находятся вопросы природы мышления, мыслительной деятельности «в отношении окружающей среды», сущности процесса категоризации и его связи с мышлением. Основатель когнитивной психологии Дж. Брунер подчеркивал, «если мы хотим сказать о предмете нечто более содержательное, чем просто указать на его принадлежность к подмножеству данного множества, следует его категоризировать» [Брунер 1977: 14–15]. «Всякий раз, когда в результате какой-то операции воспринимаемый объект относится к некоторому подмножеству, налицо акт категоризации [там же]. При этом, «если бы какое-нибудь восприятие оказалось не включенным в систему категорий, то есть свободным от отнесения к какой-либо категории, оно было бы обречено оставаться недоступной жемчужиной, жар-птицей, погребённой в безмолвии индивидуального опыта» [там же].

Категоризация мира, как полагает Дж. Лакофф, лежит в основе любых мыслительных процессов, действий и речевых актов, и всякий раз, рассуждая о родах вещей, человек прибегает к помощи категорий. Любой вид целенаправленных действий также квалифицируется им как категория двигательной или другой активности. Произнося какое-либо высказывание, человек пользуется разнообразными категориями: звуков речи, слов, сочетаний слов и предложений, понятийными категориями. Без способности к категоризации люди не смогли бы существовать ни в физическом, ни в социальном плане. Поэтому для понимания того, что делает нас человеческими существами, необходимо исследовать особенности категоризации мира человеком [Лакофф 2004: 20].

Одной из базовых культурно-психологических категорий является оппозиция «Свой – Чужой». Она позволяет индивиду структурировать пространство и определять свойства находящихся в нём объектов по отношению к самому себе, к своему личному пространству. Эта оппозиция имеет социальную природу и проявляет себя в самых разных сферах жизнедеятельности, лежит в основе формирования национальной и социальной

идентичности. Противостояние «своих» и «чужих», выражавшееся в формах войны, противостояния, переселений и т. д., имеет древние корни и пронизывает различные аспекты жизни человека. Однако появление новых подходов к сущности оппозиции «Свой – Чужой» позволяет говорить о её значимости в современном мире и востребованности в рамках философских исследований.

Основная часть

Дихотомия «Свой – Чужой» в рамках философии и культурной антропологии представлена в качестве универсального понятия, которое затрагивает разные сферы человеческого бытия. Оппозиция «Свой – Чужой» носит фундаментальный характер, является важнейшей для человеческого существования. Об этом свидетельствует опыт всемирной истории и её «участие» в формировании основополагающего бинарного представления об устройстве мира. Л.Н. Гумилев писал, что общим свойством вида *Homo sapiens* является способность группироваться так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» (иногда близких, а часто довольно далёких) всему остальному миру. Противопоставление «мы – они» (*conditiosine qua pop est*) характерно для всех эпох и всех стран [Гумилев эл. р.].

Процесс осмысления дихотомии происходил с позиции положения человека в окружающем мире. Оппозиция, фактически, строилась на противопоставлении «свой мир / люди своего мира – иной мир / существа иного мира / люди из своего мира, связанные с иным миром». Так, первобытные племена, руководствуясь биологическим фактором, проводили деление на «людь – нелюдь». Позже данное противопоставление трансформировалось в оппозицию «мы – они», где последние воспринимались уже как люди с той же биологической природой [Фельде 2015: 35].

Во времена античности основной антиномией являлось противопоставление «грек / римлянин – варвар», ядром которого являлась базовая бинарная оппозиция «Свой – Чужой». Для греков принцип полярности был одним из ведущих в их способе восприятия и изображения мира. Античные авторы пользовались аналитическим приёмом – мыслить «парами оппозиций», формулируя противоположности, которые, по их мнению, структурировали мир [Видаль-Накэ 2001: 168].

Образ варвара первоначально описывал человека, не владеющего логосом, выявляя только языковое различие между «своим» и «чужим». Впоследствии, как пишет, в частности, А.В. Хазина, различия постепенно приобретали религиозные, политические и культурные смыслы, охватывая и тип питания, и манеру одеваться, и другие социально-культурные аспекты. Основу противопоставления составляли не только огромный разрыв в уровнях социального и культурного развития, и психологическая несовместимость, но и высокий уровень этнического самосознания греков, что привело к возникновению греко-варварского антагонизма: варварское – это нечто чужое, дикое, как минимум, требующее переделки; негреческое – воплощение естественного, природного и непорочного [Хазина 2012 эл. р.].

В средневековый период фундаментальная оппозиция «Свой – Чужой» являла собой сильное социальное, религиозное и культурное противопоставление между членами сообществ. По мысли В.Г. Фельде, средневековой религиозности присуща тоталитарность, то есть религия становится идеологической. Она и обозначает такие формы взаимоотношений «своего» и «чужого», как: активное противостояние; уничтожение (вплоть до физического) одного другим; стремление «своего» к мировому распространению; взаимные провокации; подавление «чужого», то есть искоренение чуждости в «чужом»; использование образа «чужого» для конструирования желаемого образа «своего»; неузнавание «своего» и самоуничтожение [Фельде 2015: 40–46].

В Новое время произошли значительные изменения в понимании того, кто есть «свой», а кто «чужой». После великих географических открытий европейцы получили возможность через рассказы путешественников расширить собственное мировоззрение и глубже понять как «чужую», так и «свою» культуру. Происходит вытеснение Бога из сфер жизни человека, на место Бога становится человек, самодостаточный, всемогущий. И теперь человек в облике «Я» задаёт координаты, точнее определяет координаты собственного «Я» и определяет пространство, которое вне этих координат, как иное / другое / чужое / чуждое и т. д. [Фельде 2015: 52].

В современной философии оппозиция «Свой – Чужой» переосмысливается как отношение «Я» к «Другому» или «Другим», что выражается как в противоборстве разных этносов, так и в проблеме социального отчуждения [Бахтин 1986; Бубер 1995; Вальденфельс 1999; Гуссерль 2010; Левинас 1999; Лотман 1996; Сартр 2000; Хайдеггер 2003 и другие].

В первой половине XX в. выдающийся отечественный учёный М.М. Бахтин подверг анализу категорию «Другого» и обосновал её значимость для самопознания личности: «Быть – значит быть для другого и через него – для себя» [Бахтин 1986: 330]. При этом «у человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит *в глаза другому* или *глазами другого*» [там же].

Учёный справедливо отмечает, что чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже. Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур.

Мы ставим перед чужой культурой новые для неё вопросы, каких она сама себе не задавала; мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого; при такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет своё единство и *открытую* целостность, но они взаимно обогащаются [Бахтин 1986: 354].

Ю.М. Лотман описал семиотическую модель оппозиции «Свой – Чужой». По его мысли, «бинарность и асимметрия являются обязательными законами построения реальной семиотической системы» [Лотман 1996: 164]. Учёным определено понятие *границы* как одного из основных механизмов семиотической индивидуальности; он раскрыл суть зеркальности «своего» и «чужого» миров. Всякая культура, по Ю.М. Лотману, начинается с разбиения мира на внутреннее – «своё» – пространство и внешнее – «их», при этом само такое разбиение принадлежит к универсалиям [Лотман 1996: 175–176].

В XX в. философией были разработаны концепты «другого», «чужого», «иногo». Немецкий мыслитель М. Хайдеггер, описывая созданное им учение о Бытии, подчеркивает, что человек может познать себя только через единство с другими, человеческое существование изначально погружено в событийность (совместность бытия). Понимание Других «подобно пониманию вообще, есть не выросшее из познания знание, а исходно экзистенциальный способ быть, впервые делающий возможными познание и знание. Знание «себя движется сначала сообразно ближайшему способу быть» сосуществующего бытия-в-мире, в «понимающем знании» того, что присутствие вместе с другими «усматривающе находит» и чем «озаботилось в окружающем мире». Из озаботившего и с его пониманием понимается заботливое озабочение. Другой разомкнут так ближайшим образом в озаботившейся заботливости» [Хайдеггер 2003: 147].

Центральными темами в этической концепции французского философа Э. Левинаса явились проблема инаковости «другого» и заикленность «Я» на самом себе. По мысли учёного, мы смотрим на себя самих глазами других людей и сравниваем себя, своё поведение с наиболее адекватным образом, чтобы дать место чужому и представить себя как самоидентификацию «Я» и чужого «Я» [Еселев 2013 эл.р.]. В феноменологии Левинаса этическое отношение заключается в радикальной щедрости «Я» в пользу «Другого» без какого-либо сведения счётов с ним.

Немецкий феноменолог Б. Вальденфельс предложил «респонзивную» модель опыта «чужого», суть которой заключается в том, что «чужое» являет себя необычным образом: «Чужое не находится где-то в другом месте, оно само определяется как *где-то в другом месте*» [Вальденфельс 1999: 127]. Философ предлагает расширить область Чужого и вывести его за рамки оппозиции.

В философии диалога М. Бубера фундаментальной является ситуация диалога и сосуществования «Я» с другой личностью в сравнении с отношениями «Я – Оно». Именно посредством диалога человек раскрывает своё истинное «Я» и смысл своего существования. Оппозиция «Свой – Чужой» выражается в философии М. Бубера как противопоставление двух моделей отношений, двух пар основных слов «Я – Ты» / «Я – Оно». В рамках отношения «Я – Ты» между человеческим и миром устанавливается сопричастность, «Я» в этой связке способно к самораскрытию. В отношении «Я – Оно» мир представляется человеку бездушным, обиденным, «Я» в этом случае не способно к развитию.

«Ты» в связке «Я – Ты» – это Другой, он и есть условие подлинности «Я». «Если Я предстою человеку как своему Ты и говорю ему основное слово Я-Ты, он не вещь среди вещей и не состоит из вещей. Этот человек не Он или Она, он не ограничен другими Он и Она; он не есть некая точка в пространственно-временной сети мира, он не есть нечто наличное, познаваемое на опыте и поддающееся описанию, слабо связанный пучок поименованных свойств. Но он есть Ты, не имеющий соседства и связующих звеньев, и он заполняет всё поднебесное пространство. Это не означает, что кроме него ничего другого не существует: но всё остальное живёт в его свете» [Бубер 1995 эл.р.].

В современных исследованиях также не угасает интерес к философскому осмыслению оппозиции «Свой – Чужой». Как отмечает К.С. Илиополова, важную роль играет анализ социокультурной жизни как системы смыслов, пространства смысловых оппозиций. Социокультурной основой общества, первичной клеточкой общественной жизни и в то же время принципом объяснения социальных процессов является выделение дуальных оппозиций, а бинарность рассматривается в широком смысле как универсальный код описания мира в целом и в любой ее подсистеме, важнейший организующий механизм любой структуры [Илиополова 2010: 4].

К.С. Илиополова выделяет четыре модели отношения «Свой – Чужой», которые позволяют понять процесс коммуникации в традиционном социуме:

- 1) рассмотрение «своего» мира как внешнего по отношению к «чужому», внутреннему;
- 2) рассмотрение «своего» мира как внутреннего по отношению к «чужому», внешнему;
- 3) описание не противостояния разных обществ, а различий внутри одного социума: периферия и центр находятся в отношениях «Свой – Чужой»;
- 4) существование целостного социокультурного универсума (например, христианского мира), в котором «чужие» могут выступать до некоторой степени как «свои», и «свои» и «чужие» могут легко меняться местами [Илиополова 2010: 8].

В работах И.В. Пахоловой содержится философский анализ оснований социокультурного опыта «чужого», рассмотрение смыслового содержания феномена «чужое» в феноменологической философии и социологии. По мысли автора, «Другое» понимается как близкое, родное, как то, что окружает с самого рождения. «Другое» начинается с семьи и расширяется до всего сообщества, связь с которым рассматривается как общность судьбы. Особо мы выделяем «иное», понимаемое как неблизкое и неродное, с которым нет общего прошлого, но возможно общее настоящее и будущее. Наконец, «чужое» мы определяем как то, что отсутствует и не совпадает в чём-то общем. Иначе говоря, «чужое» – это то, что всегда отсутствует и полагается как отсутствующее, то есть как то, что должно отсутствовать. Поскольку «чужое» всегда полагается как отсутствующее, то это значит, что с ним нельзя разделить ни прошлое, ни настоящее, ни будущее» [Пахолова 2015 эл.р.]. Учёный пишет о различии между понятиями «чужой», «иной», «другой», каждое из которых подразумевает свою структуру социальных отношений, и полагает, что подобное разграничение понятий позволяет прояснить механизмы взаимодействия сообществ с иной культурной идентификацией.

В исследовании В.Г. Фельде затрагиваются вопросы философского осмысления изменения оппозиции «Свой – Чужой» в культуре и в раскрытии её культурно-антропологических аспектов. Автор приходит к выводу, что в зависимости от типа оппозиции (мифологического, тоталитарно-религиозного или философского) происходит различное её словесное выражение: так, в философском типе оппозиция «Свой – Чужой» тождественна оппозиции «Я – Другой», при этом Другой предстает в трёх аспектах: Я, Ты, Он. Сущность Другого заключена в его инакости и, соответственно, принципиальной непознаваемости [Фельде 2015: 8–11].

Заключение

Философский подход к исследованию оппозиции «Свой – Чужой», отдельных её концептов и различных словесных вариаций имеет давнюю научную традицию. Опыт всемирной истории с её войнами, противостоянием различных сил, охватывающий жизнь человечества на протяжении не одного тысячелетия, обнаруживает деление на «своих» и «чужих», равно как и анализ этих отношений.

Оппозиция «Свой – Чужой» актуальна как объект исследования и в настоящее время: её отражение в различных формах межличностного и межкультурного общения, трансформация в иные типы оппозиции с онтологическими характеристиками свойственности, чуждости и инаковости находятся в центре внимания общественного сознания.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1977. 413 с.
3. Бубер М. Два образа веры [Электронный ресурс]. /пер. с нем. / Под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. М.: Республика, 1995. 464 с. URL: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt> (дата обращения: 15.05.2023).
4. Вальденфельс Б. Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Мотив чужого: Сб. пер. с нем., науч. ред. А.А. Михайлов; отв. ред. Т.В. Щитцова. Минск: ПроPILEI, 1999. С. 123–139.

5. Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире [Электронный ресурс] / пер. с фр.; под редакцией С. Карпюка. М.: Ладомир, 2001. 419 с. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/vidal-nake_cherniy_okhotnik/download.htm (дата обращения: 15.05.2023).
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe01.htm> (дата обращения: 15.05.2023).
7. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
8. Еселев Е.А. Проблема Другого в философии различия [Электронный ресурс] // Философская мысль. 2013. № 1. С. 175–194. URL: https://e-notabene.ru/fr/article_221.html (дата обращения: 15.05.2023).
9. Илиополова К.С. Противоречие «Свой–Чужой» в социокультурной коммуникации: социально-философский анализ: автореф. ... к. ф. н. Ростов-на-Дону, 2010. 23 с.
10. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
11. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1999. 266 с.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
13. Пахолова И.В. От «чужака» к «другому»: проблема взаимодействия сообществ в феноменологии «чужого» [Электронный ресурс] // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 7/8. С. 90–94. URL: <https://journals.eco-vector.com/2410-3764/article/view/24446> (дата обращения: 15.05.2023).
14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. М.: Республика, 2000. 639 с.
15. Фельде В.Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: дис. ... к. ф. н. Омск, 2015. 152 с.
16. Хазина А. В. Антиномия «свой – чужой» в историческом нарративе: взгляд эллинистической историографии [Электронный ресурс] // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 271–285. URL: <https://roii.ru/r/1/39.17> (дата обращения: 15.05.2023).
17. Хайдеггер М. Бытие и время [Электронный ресурс] / пер. с нем. В.В. Бибихина. Харьков: «Фолио», 2003. 503 [9] с. URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (дата обращения: 15.05.2023).

References

1. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo, 1986, 445 p. (In Russ.).
2. Bruner Dzh. Psikhologiya poznaniya. Za predelami neposredstvennoi informatsii [Psychology of knowledge. Beyond Immediate Information]. Moscow, Progress, 1977, 413 p. (In Russ.).
3. Buber M. Dva obraza very [Two types of faith]. Moscow, Respublika, 1995, 464 p. (In Russ.). Available at: <http://lib.ru/FILOSOF/BUBER/ihunddu2.txt> (accessed: 15.05.2023).
4. Val'denfel's B. Otvet chuzhomu: osnovnye cherty responzivnoi fenomenologii [Replying to the Stranger: Main Features of Responsive Phenomenology]. *Motiv chuzhogo*. Minsk, Propilei, 1999, pp. 123–139. (In Russ.).
5. Vidal'-Nake P. Chernyi okhotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire [Black hunter. Forms of thought and forms of society in the Greek world]. Moscow, Ladomir, 2001. 419 p. (In Russ.). Available at: http://www.sno.pro1.ru/lib/vidal-nake_cherniy_okhotnik/download.htm (accessed: 15.05.2023).
6. Gumilev L.N. Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. (In Russ.). Available at: <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe01.htm> (accessed: 15.05.2023).
7. Gusserl' E. Kartezijskie meditatsii [Cartesian Meditations]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2010, 229 p. (In Russ.).

8. Eselev E.A. Problema Drugogo v filosofii razlichiya [The Problem of the Other in the Philosophy of Difference]. *Filosofskaya mysl'*. 2013, no. 1, pp. 175-194. (In Russ.). Available at: https://e-notabene.ru/fr/article_221.html (accessed: 15.05.2023).

9. Iiopolova K.S. Protivorechie «Svoi-Chuzhoi» v sotsiokul'turnoi kommunikatsii: sotsial'no-filosofskii analiz [Contradiction "Own-Alien" in Socio-Cultural Communication: Socio-Philosophical Analysis]. PhD dissertation abstract. Rostov-na-Donu, 2010, 23 p. (In Russ.).

10. Lakoff Dzh. Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, fire and dangerous things: What the categories of language tell us about thinking]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 792 p. (In Russ.).

11. Levinas E. Vremya i drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka [Time and other. The humanism of another]. Saint Petersburg, Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 1999, 266 p. (In Russ.).

12. Lotman Yu.M. Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek - tekst - semiosfera – istoriya [Inside the thinking worlds. Man - text - semiosphere – history]. Moscow, «Yazyki russkoi kul'tury», 1996, 464 p. (In Russ.).

13. Pakholova I.V. Ot «chuzhaka» k «drugomu»: problema vzaimodeistviya soobshchestv v fenomenologii «chuzhogo» [From “alien” to “other”: the problem of community interaction in the phenomenology of “alien”]. *Aspirantskii vestnik Povolzh'ya*. 2015, no. 7/8, pp. 90-94. (In Russ.). Available at: <https://journals.eco-vector.com/2410-3764/article/view/24446> (accessed: 15.05.2023).

14. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoi ontologii [Being and Nothingness: An Experience of Phenomenological Ontology]. Moscow, Respublika, 2000, 639 p. (In Russ.).

15. Fel'de V.G. Oppozitsiya «svoi - chuzhoi» v kul'ture [Opposition “friend or foe” in culture]. PhD thesis. Omsk, 2015, 152 p. (In Russ.).

16. Khazina A. V. Antinomiya «svoi - chuzhoi» v istoricheskom narrative: vzglyad ellinisticheskoi istoriografii [The antinomy of "friend or foe" in the historical narrative: the view of Hellenistic historiography]. *Dialog so vremenem*. 2012, iss. 39, pp. 271-285. (In Russ.). Available at: <https://roii.ru/r/1/39.17> (accessed: 15.05.2023).

17. Khaidegger M. Bytie i vremya [Being and time]. Khar'kov, «Folio», 2003, 503 [9] p. (In Russ.). Available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/haydegger-butie_i_vremya-8l.pdf (accessed 15.05.2023).

Информация об авторе

Ю.Е. Арекеева – соискатель, старший преподаватель, кафедра романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Институт языка и литературы, Удмуртский государственный университет.

Information about the author

Ju.E. Arekeeva – Applicant, Senior Lecturer, Department of Romance Philology, Second Foreign Language and Linguodidactics, Institute of Language and Literature, Udmurt State University.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 39–47.
Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 39-47.

Научная статья
УДК 811.112.2

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АКВАКОДА

Мария Павловна Завгороднева

Языковой центр «Dialog», maria-deutsch@yandex.ru

Аннотация. В предлагаемой статье анализируются особенности таких единиц аквакода немецкой лингвокультуры как *Bach, Fluss, Meer* и *See*, зафиксированные во фразеологизмах немецкого языка. Фразеологизмы делают речь не только более выразительной, но и позволяют узнать историю народа, понять своеобразие его культуры и быта. Они наиболее восприимчивы к национальной культуре, своеобразно кодируя те или иные её проявления, так как вырастают на почве осознания реалий жизни, преданий и мифов, верований и суеверий, обычаев и установок, принципов нравственности. Образы же, запечатлённые во фразеологизмах, есть «следы» определённых пластов культуры с древнейших времён до наших дней. Это достаточно интересный материал для исследований в области сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии, этнолингвистики. Объекты окружающего нас мира (как природные, так и артефакты), помимо выполнения своих прямых функций, несут ещё дополнительные значения. Описание этих значений происходит через коды культуры. Аквакод культуры занимает среди них особое место, так как зависимость человека от водных объектов и тщательное их изучение нашли отражение в языке. Целью статьи является описание запечатленных в водных образах фразеологизмов констант культуры, необходимых для понимания особенностей немецкого менталитета в аспекте историко-этимологического и лингвокультурологического подходов. Аквакод культуры – совокупность ментальных образов, связанных с водой или водными объектами и специфические характеристики, дополняющие их природные свойства функционально значимыми для культуры смыслами.

Ключевые слова: культура, язык, код культуры, аквакод, фразеологизм, поговорка, немецкий

Для цитирования: Завгороднева М.П. Лингвокультурный потенциал аквакода // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 39–47.

Original article

THE LINGUISTIC AND CULTURAL POTENTIAL OF AQUACODE

Maria P. Zavgorodneva

language centre «Dialog», maria-deutsch@yandex.ru

Abstract. The proposed article analyses the peculiarities of such units of aquacode of German linguoculture as *Bach, Fluss, Meer* and *See*, fixed in phraseological units of the German language. Phraseological units make the speech not only more expressive, but also allow to learn the history of the people, understand the originality of its culture and everyday life. They are the most receptive to the national culture, encoding in a peculiar way its manifestations, as they grow up on the basis of awareness of the realities of life, legends and myths, beliefs and superstitions, customs and attitudes, principles of morality.. The images depicted in phraseological expressions are «traces» of certain layers of culture from ancient times to the present

day. This is quite interesting material for research in the field of comparative phraseology, linguoculturology and ethnolinguistics. The objects of the world around us (both natural and artefacts), in addition to performing their direct functions, also carry some additional meanings. These meanings are described through the codes of culture. Aquacode culture occupies a special place among them, because human dependence on water bodies and their careful study is reflected in language. The aim of the article is to describe the cultural constants captured in the water images of phraseological expressions, which are necessary for understanding the features of the German mentality in the aspect of historical-etymological and linguocultural approaches. Aquacode of culture is a set of mental images associated with water or water objects and specific characteristics, supplementing their natural properties with functionally meaningful cultural meanings.

Keywords: culture, language, code of culture, aquacode, phraseological unit, paremia, German.

For citation: Zavgorodneva M.P. The linguistic and cultural potencial of aquacode. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:39-47. (In Russ.).

Введение

Фразеология – раздел лингвистики, занимающийся изучением фразеологизмов. Под фразеологией также понимается совокупность фразеологических единиц в конкретном языке. Термины фразеология и фразеологизм впервые были использованы Шарлем Балли и советскими исследователями. Однако самой ранней работой по фразеологии считается «*Teutsche Orthographe und Phraseology*» (1607 г.) Йоханна Рудольфа Саттлера. Фразеология как раздел лингвистики является достаточно молодой наукой. Большую роль в ее развитии сыграли русские лингвисты, заложившие, начиная со второй половины XIX в., основы для развития теории фразеологии (А.А. Молотков, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов и другие). В советской лингвистике она выделилась в самостоятельный раздел лингвистики, начиная с работ В.В. Виноградова.

Изначально немецкие лингвисты занимались в основном пословицами. Старейшее полное собрание пословиц «*Der Teutschen Weißheit*» (1604 г.) было составлено Фридрихом Петерсом. Позже немецкий поэт и лингвист Юстус Георг Шоттель включил в свой сборник «*Ausführliche Arbeit von der Teutschen HauptSprache*» пословицы, а также поговорки, но не объяснил разницу между ними. В отличие от Шоттеля, теоретик немецкого языка и литературы Иоганн Кристоф Готтшед различал эти две группы, но деление было не чётким. Более четкое различие было проведено лингвистами Г. Шрадером, В. Борхардтом и А. Рихтером в их собраниях пословиц и поговорок. Позже Г. Гробер-Глюкс создал двухтомный труд, содержащий диалектные и разговорные материалы, где показал географическое распределение языкового материала в Германии и Австрии в середине 1930-х годов. Одной из первых работ, посвященных лингвистическим вопросам, является статья «*Begriff und Gebrauch der Redensart*» Карла Фридриха Шнитцера. Однако, наиболее значимой работой по методологии изучения языка признана «Принципы истории языка» Германа Пауля. Свой вклад в исследование фразеологии внесли многие лингвисты (Л.П. Смит, О. Йесперсен, Й. Бар-Хиллел, Ч.Ф. Хокетт). Более глубокие теоретические исследования по проблемам фразеологии в немецком языке проводились в основном учёными из ГДР: Р. Клаппенбахом, Э. Агриколой, Г. Виссеманном и В. Шмидтом. Комплексное изложение немецкой фразеологии было сделано И.И. Чернышевой. С начала 1970-х гг. наблюдается интенсификация исследований в этой области. Лингвисты (У. Фикс, А. Роткегель) занимались определением и классификацией фразеологизмов. В. Коллер исследовал роль фразеологизмов в тексте.

Фразеологизмы – важный объект лингвокультурологии, поскольку они зарождаются на пересечении языка и культуры, то изначально насыщены культурой, и это делает их потенциальными культураносными знаками. Фразеологизмы строятся на метафоре, то есть

принадлежат к области аналогического мышления, предполагающего сопоставление несопоставимого. Они – средство хранения и передачи культурной информации о человеке и мире; фразеологизмы «пришли» в язык из культуры, которая так «осуществляет память о себе» [Ковшова 2016: 71]. Во фразеологизмах заложен культурный смысл, который воспринимается и используется человеком и образует систему кодов культуры. В.М. Савицкий и Э.А. Гашимов в своей монографии «Лингвокультурный код (состав и функционирование)» утверждают, что в качестве культурного кода может выступать любая чувственно воспринимаемая часть действительности: небесные тела, явления природы, флора, фауна, человеческое тело и т. д.» [Савицкий, Гашимов 2005: 15].

Основная часть

В современной лингвистике выделяется целый ряд кодов культуры: костюмный [Ковшова 2015], пищевой [Андреева 2012], духовный [Изотова 2021], архитектурно-домоустроительный [Макарова 2010], анималистический [Розенкова, Шустова 2018; Шустова, Тяпугина 2020] природно-ландшафтный [Шустова, Носкова, 2019; Пинягин, Завгороднева 2021] и др.

Одно из главных мест среди других кодов занимает аквакод, так как вода – фундаментальная стихия мироздания. Вода – это среда, агент и принцип всеобщего зачатия и порождения. Текущая вода играет большую роль в жизни человека, что подтверждают различные верования и обычаи. Города и деревни строились на берегах ручьев, рек и морей. И по сей день реки дают питьевую воду, используются при поливе полей, обеспечивают рыбаков уловом. Издревле считалось, что текущая вода обладает целительной силой и уносит с собой болезни и повреждения. Поэтому в неё бросали то, что ассоциировали с расстройством здоровья: ногти или волосы больного, пластыри и тряпки, которыми была перевязана рана. В Германии существовали различные обряды излечения с помощью ручья. Врач делал надрезы на небольшой ветке, и больной, стоя спиной к ручью, должен был перекинуть её через плечо и, не оглядываясь идти домой. Считалось, что ребёнок вылечится от желтухи, если подвесить навоз жеребёнка к дымоходу, а через 9 дней выкинуть его в проточную воду. При зубной же боли, нужно было пойти к ручью, набрать в рот воды и выплюнуть её в ручей (Перевод – М.З.) [Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens 1987: 1682].

С реками были связаны различные обряды. Считалось, что повышение уровня воды в реке приводит к смерти или к голоду. В Верхней Баварии девушки в ночь, предшествующую Дню Святого Иоанна, шли к реке, касались воды ногой и говорили: «*Du, Wasserweile, ich tritt dich, du heiliger Johannes, ich bitt dich, lass mir erscheinen den Herzliebsten meinen*», чтобы увидеть лицо или силуэт своего суженого. В Восточной Пруссии существовала традиция гадания на гальке. В новогоднюю ночь девушки шли к реке, не глядя, брали горсть гальки и считали количество камней. Если количество было чётным, то считалось, что в следующем году девушку ждёт свадьба (Перевод – М.З.) [Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens 1987: 1690].

Море – важный мифологический символ, элемент сакральной топографии у многих народов. Считалось, что оно находится в центре вселенной и из него вытекают главные реки (иногда они текут из центра, отмеченного мировым деревом) [Мифы народов мира 1988: 374]. Наиболее частотными водными образами немецкой фразеологии, являются следующие: *Bach, Fluss, Meer*. В ходе исследования нами были отобраны фразеологические единицы немецкого языка, соотносимые через входящие в них лексемно-компоненты с аквакодом, был проведён их лингвокультурологический и этимологический анализ. Лексема «*Bach*» определяется словарями, как: 1) *kleiner natürlicher Wasserlauf von geringer Tiefe und Breite*; 2) *Rinnsal, das sich aus abfließendem Regenwasser, Schmutzwasser gebildet hat* [Duden 2004: 225];

3) *kleiner Fluss*; 4) *kleines Rinnsal (Blut, Schweiß)* [Wahrig 2011: 219]. Происхождение древнегерманского слова, которое встречается в названиях населённых пунктов и гидронимов неизвестно. Предположительно, ср.-в.-нем. *bach*, др.-в.-нем. *bah*, родственно со ср. ир. *bual (fließendes Wasser)* [Duden, Herkunftswörterbuch 2007: 61]. Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентами «*Bach*» в немецком языке позволил нам выделить следующие образы фразеологизмов и поговорок:

1) Упадок: *den Bach runtergehen* (досл. «спускаться вниз по ручью»; «идти на нет, рушиться»); *den Bach runter sein* («сойти на нет, разрушиться»). Данный фразеологизм следует общей метафорической схеме «верха – низа». Согласно ей, движение вверх ассоциируется с хорошей, успешной, беззаботной жизнью, а движение вниз всегда интерпретируется негативно и означает ухудшение (ср. *herunterkommen* (разоряться), *bergab gehen* (идти на спад)). Помимо этого, считается, что то, что упало в ручей, уплыло и пропало навсегда (ср. *seine Felle wegschwimmen* (терять последнюю надежду)). Согласно Хайнцу Кюпперу единица впервые зафиксирована в немецком языке около 1870 г., и более ранних свидетельств нет. Возможно, она получила широкое распространение только во второй половине XX в. (Перевод – М.З) [RID].

Seit der neue Chef da ist, geht die Firma den Bach runter [Spiegel Kultur].

Spätestens seit den Protesten im Gezi Park 2013 geht die Demokratie in der Türkei den Bach runter [DWDS, Der Spiegel, 25.07.2016 (online)].

»Mein Vater war sehr schwer krank und es hieß, entweder komme ich zurück oder das Geschäft geht den Bach runter«, denkt B[...] an den entscheidenden Anruf anno 1997 zurück [DWDS, Dresdner Neueste Nachrichten, 08.03.2014].

2) Неизбежность: *Der Krug geht so lange zum Bach / Brunnen / Wasser bis er bricht* (досл. «кувшин ходит до тех порк ручью / колодцу / воде, пока не сломается»; «повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить»). Фразеологизм несёт следующее значение – всё когда-либо подходит к концу, и зло будет наказано. Единица встречается во многих европейских языках, например, во французском – *tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle se casse*. Она зафиксирована в сборнике пословиц Себастьяна Франка «*Sprichwörter*» ещё в 1541 г. В зависимости от употребления фразеологизм может означать прямое предупреждение не чувствовать себя слишком безопасно или передаёт успокаивающую уверенность в том, что внезапные изменения должны произойти в нужный момент (Перевод – М.З) [Röhrig 2001:895]. Помимо этого «*Krug*» может символизировать женщину, как, например, в комедии Генриха фон Клейста «Разбитый кувшин». В ней под разбитым кувшином подразумевается утраченная девственность.

Der Krug geht so lange zum Brunnen, bis er bricht. Doch wir wollten es nicht so weit kommen lassen [RID].

Lautstärke, wie sie Kollege Dolinschek gezeigt hat, ändert nichts an der Tatsache, dass sich bei der FPÖ eine Panne an die andere reiht. Ein Sprichwort heißt auch: "Der Krug geht so lange zum Brunnen, bis er bricht." – Und Sie von der FPÖ stehen nun vor einem Scherbenhaufen [RID].

Лексема «*Fluss*» определяется словарями, как: 1) *größerer natürlicher Wasserlauf*; 2) *fließende Bewegung, stetiger, ununterbrochener Fortgang* [Duden 2004:560]; 3) *größerer Wasserlauf, Strom*; 4) *das Fließen, das fließende Bewegtsein, Lauf, Strömung* [Wahrig 2011: 536]. Существительное «*Fluss*» встречается только в немецком языке, ср.-в.-нем. *vluz*, др.-в.-нем. *fluz*. Этимологический словарь «Duden» возводит происхождение лексемы к германскому корню **fluti-* в значении «*Fließen, Strömung*». Только в нововерхненемецкий период у существительного «*Fluß*» появляется основное значение «*fließendes Gewässer*». «*Fluss*» почти не встречается в гидронимах, так как они образовывались путем прибавления *ach(e),-bach, -*

fliess, -wasser. Первоначальное значение «*Fließen, Strömung*» проявляется в таких фразеологизмах, как «*in Fluss geraten, kommen, sein*» и в составных существительных, как «*Ab-, Zu-, Ausfluss, Einfluss und Überfluss*» [Duden, Herkunftswörterbuch 2007: 229]. Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентами «*Fluss*» в немецком языке позволил нам выделить следующий образ фразеологизмов и паремий:

Возобновление, изменение: *etw. wieder in Fluss bringen* («возобновить»); *in Fluss kommen/geraten*: («начинаться; начинать изменяться, продвигаться»).

Метафора реки используется во фразеологизмах для обозначения конца застоя. Существующий вариант (*wieder*) *in Fluss sein* несёт значение преодоление застоя. Единицы используются для описания переговоров, бесед и схожих диалогических действий [RID].

Die Lymphdrainage stärkt das Immunsystem bei Allergien, Hauterkrankungen und Infektanfälligkeit [...] Vereinbaren Sie einen Termin, wir bringen Ihre Lymphbahnen wieder in Fluss [Lexikon].

Das Buch der Widerstände: Wie wir unser Leben wieder in Fluss bringen [Mangold 2013].

Jederzeit können wir unsere Energie mit dem Bewusstsein von Liebe, Freude und Verbundenheit wieder in Fluss bringen [Das Wörterauskunftssystem].

Лексема «*Meer*» определяется словарями как: 1) *sich weithin ausdehnende, das Festland umgebende Wassermasse, die einen großen Teil der Erdoberfläche bedeckt*; 2) *(gehoben) sehr große Anzahl, Menge von etwas; Fülle (meist in Verbindung mit dem Genitiv oder mit »von«)* [Duden 2004: 1064]; 3) *Gesamtheit der zusammenhängenden Wassermasse auf der Erdoberfläche sowie Teile davon*; 4) *grössere Wasserfläche* [Wahrig 2011: 992]. В этимологии немецкой лексемы «*Meer*» прослеживается следующее. Ср.-в.нем. *mer*, др.-в.нем. *meri*, готск. *mari* – *saiws* («*See-See*»), шведск. *mar-*, англ. *meri* и родственные слова в латинском, кельтском и балто-славянском восходят к западно-индогерманскому корню **mori-* «*Sumpf, stehendes Gewässer, Binnensee*». В германских языках сохранились существительные «*Moor*» и «*Marsch*», которые сохранили значение «*Sumpf, stehendes Gewässer*». Как первый компонент «*Meer*» встречается в названиях растений, например «*Meerrettich*» (хрен). Изначально название растения означало «*größerer Rettich*» (более большой редис), более позднее «*Rettich, der über das Meer zu uns gebracht worden ist*» (редис, привезённый из-за моря) (Перевод – М.З.) [Duden, Herkunftswörterbuch 2007: 517]. Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентами «*Meer*» в немецком языке позволил нам выделить следующий образ фразеологизмов и паремий.

Большое количество: *wie Sand am Meer* («в большом количестве»). Первое упоминание фразеологизма было зафиксировано в Библии (Ветхий Завет. Первая книга Моисея. Бытие 41, 49; Библия, Исайя 10, 22) (Перевод – М.З.) [Drosdowski, Scholze-Stubenrecht 1998: 631]. Часто в сравнениях морской песок используется для описания того, что не поддаётся подсчёту из-за очень большого количества. Только в Ветхом Завете встречается более 20 примеров этого сравнения. Например: *So schüttete Josef das Getreide auf, über die Maßen viel wie Sand am Meer, sodass er aufhörte zu zählen; denn man konnte es nicht zählen.* (Собранного Иосифом зерна было как песка в море, и он перестал вести ему счет, потому что сосчитать его было невозможно [Быт 41:49] [Библия Онлайн].

Единица добавилась к более древним германским сравнительным формам для обозначения «количества», а именно к сравнительным оборотам: «*Wassertropfen im See / im Meer*» (капля в море), и «*wie Blätter / das Laub im Wald*» (как листьев в лесу) [RID].

Es gibt heute Remakes wie Sand am Meer, die Serienflut speist sich daraus, Zwei-Stunden-Filme auf 20-Stunden-Dauerwürste auszupressen [DWDS, Die Welt, 13.02.2019]

Wie Sand am Meer? Wenn ein scheinbar unendlicher Rohstoff versiegt [Medimops]

Ralf von Maiboom ist ein liebenswürdiger Mann, Thomas. [...] Er spielt I Rostock, er spielt in Warnemünde, und seine Schulden sind wie Sand am Meer (Thomas Mann, Buddenbrooks).

Лексема «See» определяется словарями как: 1) *Meer*; 2) (*Seemannssprache*) *Seegang; Wellen; Wellengang*; 3) (*Seemannssprache*) [*Sturz*]welle, *Woge* [DOW]; 4) *große, sich brechende Welle* [Wahrig 2011: 1335]. Происхождение ср.-в.нем. *se*, др.-в.нем. *se[o]*, готск. *saiws*, «*Binnensee, Marschland*», шведск. *sjö* «*Meer, Binnensee*», англ. *sea* «*Meer*» неясно. Изначально существительное было мужского рода, но затем в западногерманских языках стало женского рода. Разница в значении *die See* («море») и *der See* («озеро») возникла в нововерхненемецкий период, но уже в средненижненемецкий период существительное *sē* было в основном женского рода (Перевод – М.З.) [Duden, Herkunftswörterbuch 2007: 750]. Проведенный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц с компонентами «*See*» в немецком языке позволил нам выделить следующий образ фразеологизмов и паремий.

Ложь, обман: *Seemannsgarn spinnen* («рассказывать небылицы»). Данная фразеологическая единица берёт свои корни из традиции моряков ремонтировать якорные канаты или плести из них рыболовные сети. Эта монотонная работа была достаточно скучной, и поэтому рыбаки рассказывали различные истории во время плетения сетей. Эти увлекательные истории были не всегда правдивыми (Перевод – М.З.) [Mangold 2013: 87].

Wir Kinder liebten es, wenn Opa loslegte und anfing Seemannsgarn zu spinnen [Spiegel Kultur].

Ohne Hektik spinnen die Instrumente ihr sparsames Seemannsgarn. Auf ihm tänzelt Rudolphs Stimme, der jene markige Männlichkeit fehlt, die nach zehn Schnäpsen ganz besonders bartstoppelig klingt [Schottel 1995].

Genau, das war der Plan. Quatsch, das ist Seemannsgarn (Sievers und die Tote im Strandkorb. ZDF, Staffel 2, Folge 2, 2019).

Заключение

Водные объекты, играя символическую роль в языковой картине мира, отражают опыт народа, говорящего на том или ином языке. Они выявляют универсальные представления об окружающем мире и специфические, присущие каждой нации, особенности мировоззрения.

Список литературы

1. Андреева Е.А. Интерпретация русских и немецких аксиологических фразеологизмов в рамках пищевого кода культуры // *Контентус. Информационная Мордовия*. 2012. № 3. С. 1–15.
2. Библия онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://bible.by/verse/1/41/49/> (дата обращения: 02.04.2023).
3. Изотова Н.Н. Коды японской культуры. М.: Изд-во «МГИМО – Университет». 2021. 301 с.
4. Ковшова М.Л. Семантика головного убора в культуре и языке: костюмный код культуры. М.: Гнозис, 2015. 368 с.
5. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: Книжный дом «Либроком», URSS, 2012. 453 с.
6. Макарова О.В. К вопросу о реализации значений единиц архитектурно-домоустроительного кода русской культуры // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. № 5. С. 87–94.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2 томах). Гл. ред. С.А. Токарев. М.: «Советская энциклопедия», 1988. Т. 2. К–Я. 719 с.
8. Носкова И.В., Шустова С.В. Природно-ландшафтный код английской культуры в лингводидактическом аспекте (на материале паремий и фразеологизмов). Монография. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2018. 128 с.

9. Пинягин Ю.Н, Завгороднева М.П. Фразеологические единицы с опорным компонентом *Вaum* // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 4–14.
10. Розенкова Х.Е., Шустова С.В. Анималистический код английской культуры в лингводидактическом аспекте. Монография. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2018. 152 с.
11. Савицкий В.М., Гашимов Э.А. Лингвокультурный код (состав и функционирование): Монография. М.: Изд-во «Московский городской педагогический университет», 2005. 170 с.
12. Шустова С.В., Тяпугина А.Е. Анимализмы в русской и английской лингвокультурах // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 45–53.
13. Bächtold-Stäubli H., Hoffmann-Krayer E. Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Band 2. Berlin: Walter de Gruyter, 1987. 1764 p.
14. Deutsches Wörterbuch. Wahrig. Herausgegebenen von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Wissen Media Verlag GmbH, Gütersloh / München (vormals Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH), 2011. 1730 p.
15. Drosowski G., Scholze-Stubenrecht W. Duden Wörterbuch der deutschen Sprache «Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten». Mannheim: Dudenverlag, 1998. 862 p.
16. Duden: das Bedeutungswörterbuch 4, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von Dr. Kathrin Kunkel-Razum. Mannheim: Dudenverlag, 2004. 1151 p.
17. Duden: das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Herausgegeben von Anette Auberle, Anette Klosa. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 957 p.
18. Duden: Duden-online-Wörterbuch [DOW]. URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 21.04.2023).
19. Grober-Glück G. Motive und Motivationen in Redensarten und Meinungen. Abeglaube, Volks-Charakterologie, Umgangsformeln, Berufsspott in Verbretung und Lebensformen. Bd.1: Textband, B2: Karenband. Elwert, 1974. 561 p.
20. Lexikon fürs Redewendungen, Redensarten, deutsche Sprichwörter und Umgangssprache [RID]. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения: апрель 2023).
21. Makisa: Therapie, Gesundheit. URL: <https://www.makisa.ch/> (дата обращения: апрель 2023).
22. Mangold R. Deutsche Redewendungen und was dahintersteckt. Stuttgart, Zürich, Wien: Verlag Das Beste GmbH, 2013. 308 p.
23. Medimops. URL: <https://www.medimops.de/> (дата обращения: 1.04. 2023).
24. National geographic. URL: <https://www.nationalgeographic.de/umwelt/2018/11/wie-sand-am-meer-wenn-ein-scheinbar-unendlicher-rohstoff-versiegt> (дата обращения: 04.04.2023).
25. Peters F. Der Teutschen Weißheit. Faksimiedruck der Auflage von 1604/05. Bern und Frankfurt a.M.: Lang, 1983. 601 p.
26. Röhrich L., Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Band 3. Freiburg: Herder spektrum, 2001. 1106 p.
27. Sattler J.R. Teutsche Orthographe und Phraseology (Nachdr. d. Ausg. Basel 1617). New York: Hildesheim, 1975. 583 p.
28. Schnitzer C.F. Begriff und Gebrauch der Redensart // Einladungsschrift zu der den 11. Sept. 1872 stattfindenden Schlussfeier des Schuljahres im Kgl. Karlsruhgynasium zu Heilbronn. Heilbronn. 1872. P. 1–9.
29. Schottel J. G., Hecht W. Ausführliche Arbeit von der teutschen HautbSprache: 1663. Berlin, Boston: Max Niemeyer Verlag, 1995. 1485 p.
30. Spiegel Kultur. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/musik/ahoi-lars-rudolph-singt-seemannslieder-a-70057.html> (дата обращения: апрель 2023 г.).
31. Wiktionary, das freie Wörterbuch. URL: <https://de.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: апрель 2023).
32. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: dwds.de (дата обращения: апрель 2023).
33. Yogastudio die Matte. URL: <https://die-matte.de/wie-deine-energie-fliesst/> (дата обращения: апрель 2023).

References

1. Andreeva E.A. Interpretatsiya russkikh i nemetskikh aksiologicheskikh frazeologizmov v ramkakh pishchevogo koda kul'tury [Interpretation of Russian and German axiological phraseological units within the food code of culture]. *Kontentus.Informatsionnaya Mordoviya*. 2012, no. 3, pp. 1-15. (In Russ.).
2. Bibliya onlain [Bible online]. (In Russ.). Available at: <https://bible.by/verse/1/41/49/> (accessed: 02.04.2023).
3. Izotova N.N. Kody yaponskoi kul'tury [Japanese culture codes]. Moskva, Izd-vo «MGIMO - Universitet», 2021, 301 p. (In Russ.).
4. Kovshova M.L. Semantika golovnogo ubora v kul'ture i yazyke: kostyumnyi kod kul'tury [Semantics of the headgear in culture and language: costume code of culture]. Moscow, Gnozis, 2015, 368 p. (In Russ.).
5. Kovshova M.L. Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii. Kody kul'tury [Linguistic and cultural method in phraseology. Culture codes]. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom», URSS, 2012, 453 p. (In Russ.).
6. Makarova O.V. K voprosu o realizatsii znachenii edinits arkhitekturno-domoustroitel'nogo koda russkoi kul'tury [To the question of the implementation of the values of the units of the architectural and house-building code of Russian culture]. *Vestnik Moskovskogouniversiteta. Ser. 9. Filologiya*. MGU im. M.V. Lomonosova, 2010, no. 5, pp. 87-94. (In Russ.).
7. Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Moscow, «Sovetskaya entsiklopediya», 1988, vol. 2, 719 p. (In Russ.).
8. Noskova I.V., Shustova S.V. Prirodno-landshaftnyi kod angliiskoi kul'tury v lingvodidakticheskom aspekte (na materiale paremii i frazeologizmov) [Natural-landscape code of English culture in the linguodidactic aspect (on the material of proverbs and phraseological units)]. Perm', ANO DPO "Permskii institut ekonomiki i finansov", 2018, 128 p. (In Russ.).
9. Pinyagin Yu.N., Zavgorodneva M.P. Frazeologicheskie edinitsy s opornym komponentom Baum [Phraseological units with the basic component Baum]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2021, no. 1, pp. 4-14. (In Russ.).
10. Rozenkova Kh.E., Shustova S.V. Animalisticheskii kod angliiskoi kul'tury v lingvodidakticheskom aspekte [Animal code of English culture in linguodidactic aspect]. Perm', ANO DPO «Permskii institut ekonomiki i finansov», 2018, 152 p. (In Russ.).
11. Savitskii V.M., Gashimov E.A. Lingvokul'turnyi kod (sostav i funktsionirovanie) [Linguistic and cultural code (composition and functioning)]. Moscow, Izd-vo «Moskovskii gorodskoi pedagogicheskii universitet», 2005, 170 p. (In Russ.).
12. Shustova S.V., Tyapugina A.E. Animalizmy v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh [Animalisms in Russian and English Linguistic Cultures]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2020, no. 3, pp. 45-53. (In Russ.).
13. Bächtold-Stäubli H., Hoffmann-Krayer E., Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. Band 2. Berlin: Walter de Gruyter, 1987. 1764 p.
14. Deutsches Wörterbuch. Wahrig. Herausgegeben von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Wissen Media Verlag GmbH, Gütersloh / München (vormals Bertelsmann Lexikon Verlag GmbH), 2011. 1730 p.
15. Drosowski G., Scholze-Stubenrecht W. Duden Wörterbuch der deutschen Sprache «Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten». Mannheim: Dudenverlag, 1998. 862 p.
16. Duden: das Bedeutungswörterbuch 4, neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Herausgegeben von Dr. Kathrin Kunkel-Razum. Mannheim: Dudenverlag, 2004. 1151 p.
17. Duden: das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Herausgegeben von Anette Auberle, Anette Klosa. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 957 p.
18. Duden: Duden-online-Wörterbuch [DOW]. URL: [http:// www.duden.de/](http://www.duden.de/) (дата обращения: 21.04.2023).
19. Grober-Glück G. Motive und Motivationen in Redensarten und Meinungen. Abeglaube, Volks-Charakterologie, Umgangformeln, Berufspott in Verbretung und Lebensformen. Bd.1: Textband, B2: Karenband. Elwert, 1974. 561 p.
20. Lexikon fürs Redewendungen, Redensarten, deutsche Sprichwörter und Umgangssprache [RID]. URL: <https://www.redensarten-index.de/suche.php> (дата обращения: апрель 2023).

21. Makisa: Therapie, Gesundheit. URL: <https://www.makisa.ch/> (дата обращения: апрель 2023).
22. Mangold R. Deutsche Redewendungen und was dahintersteckt. Stuttgart, Zürich, Wien: Verlag Das Beste GmbH, 2013. 308 p.
23. Medimops. URL: <https://www.medimops.de/> (дата обращения: 1.04. 2023).
24. National geographic. URL: <https://www.nationalgeographic.de/umwelt/2018/11/wie-sand-am-meer-wenn-ein-scheinbar-unendlicher-rohstoff-versiegt> (дата обращения: 04.04.2023).
25. Peters F. Der Teutschen Weißheit. Faksimiedruck der Auflage von 1604/05. Bern und Frankfurt a.M.: Lang, 1983. 601 p.
26. Röhrich L., Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Band 3. Freiburg: Herder spektrum, 2001. 1106 S.
27. Sattler J.R. Teutsche Orthographe und Phraseology (Nachdr. d. Ausg. Basel 1617). New York: Hildesheim, 1975. 583 p.
28. Schnitzer, C.F. Begriff und Gebrauch der Redensart // Einladungsschrift zu der den 11. Sept. 1872 stattfindenden Schlussfeier des Schuljahres im Kgl. Karls-gynasium zu Heilbronn. Heilbronn. 1872. P. 1–9.
29. Schottel J. G., Hecht W. Ausführliche Arbeit von der teutschen HautbSprache: 1663. Berlin, Boston: Max Niemeyer Verlag, 1995. 1485 S.
30. Spiegel Kultur. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/musik/ahoi-lars-rudolph-singt-seemannslieder-a-70057.html> (дата обращения: апрель 2023 г.).
31. Wiktionary, das freie Wörterbuch. URL: <https://de.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: апрель 2023).
32. Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart. URL: dwds.de (дата обращения: апрель 2023).
33. Yogastudio die Matte. URL: <https://die-matte.de/wie-deine-energie-fliesst/> (дата обращения: апрель 2023).

Информация об авторе

М.П. Завгороднева – соискатель, магистр педагогических наук,
преподаватель, языковой центр «Dialog».

Information about the author

M.P. Zavgorodneva – Applicant, Master of Education,
Teacher, Language Centre «Dialog».

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья

УДК 811.112.2'36

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТАКСИСНЫХ ДЕВЕРБАТИВОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРЕДЛОЖНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ)

Ирина Викторовна Архипова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,

irarch@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению таксисного потенциала немецких девербативных существительных, употребляемых с различными предлогами темпоральной и нетемпоральной (модальной, инструментальной, медиальной, кондициональной, каузальной и другими) семантики. Таксисная семантика немецких девербативов актуализируется при их сочетании с предлогами и «эксплицируется» в ревербализующихся предложно-именных конструкциях. Акциональные, процессуальные и статальные девербативы трансформируются в глагольные предикации с их переходом в производящий глагол тождественной семантики. Таксисные девербативы являются ревербализующими именами с абсолютным трансформационным потенциалом, а предложные конструкции с ним девербативами трансформируются в различные придаточные предложения (темпоральные, кондициональные, concessивные, каузальные, модальные, инструментальные, медиальные). При сочетании с темпоральными предлогами *während, nach, seit, vor, bis* они могут быть вербализованы в придаточные времени с союзами *während / solange, als, wenn, nachdem, seit / seitdem, bevor / ehe, bis*, а при употреблении с другими нетемпоральными предлогами – в модальные и инструментальные / медиальные придаточные с союзами *wobei u indem / dadurch (...), dass*, кондициональные придаточные предложения с союзом *wenn*, а также каузальные придаточные с союзами *weil, da* и concessивные придаточные с союзами *obwohl, obgleich, obschon, obwenn*. Ограничения трансформационных возможностей предложно-девербативных конструкций может быть связано с деривационной семантикой некоторых процессуальных девербативов. В результате исследования установлено, что трансформационные возможности немецких девербативов в составе предложных конструкций подтверждают факт актуализации различных примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных значений в высказываниях с ними.

Ключевые слова: таксис, девербатив, таксисный девербатив, таксисный потенциал, трансформационный потенциал, ревербализация, предлог, темпоральный предлог, нетемпоральный предлог, таксисный маркер, таксисное категориальное значение, примарно-таксисное значение, секундарно-таксисное значение.

Для цитирования: Архипова И.В. Трансформационный потенциал таксисных девербативов (на материале немецких высказываний с предложными конструкциями) // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 48–54.

Original article

TRANSFORMATIONAL POTENTIAL OF TAXIS DEVERBATIVES (BASED ON GERMAN STATEMENTS WITH PREPOSITIONAL CONSTRUCTIONS)

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article is devoted to the consideration of the taxis potential of German deverbative nouns used with various prepositions of temporal and non-temporal (modal, instrumental, medial, conditional, causal, etc.) semantics. The taxis semantics of German deverbatives is actualized when they are combined with prepositions and «explicated» in reverbaling prepositional-nominal constructions. Actional, procedural and static deverbatives are transformed into verbal predications with their transition into a generating verb of identical semantics. Taxis deverbatives are reverbaling names with absolute transformational potential, and prepositional constructions with it are transformed by deverbatives into various subordinate clauses (temporal, conditional, concessive, causal, modal, instrumental, medial). When combined with the temporal prepositions während, nach, seit, vor, bis, they can be verbalized into subordinate tenses with conjunctions während / solange, als, wenn, nachdem, seit / seitdem, bevor / ehe, bis, and when used with others non-temporal prepositions – into modal and instrumental / medial clauses with the conjunctions wobei and indem / dadurch (...), daß, conditional clauses with the conjunction wenn, as well as causal clauses with the conjunctions weil, da and concessive clauses with the conjunctions obwohl, obgleich, obschon, obwenn. The limitations of the transformational possibilities of prepositional-deverbative constructions may be related to the derivational semantics of some procedural deverbatives. As a result of the study, it was found that the transformational possibilities of German deverbatives as part of prepositional constructions confirm the actualization of various primary-taxis and second-taxis categorical meanings in utterances with them.

Keywords: taxis, deverbative, taxis deverbative, taxis potential, transformational potential, reverbaling, preposition, temporal preposition, non-temporal preposition, taxis marker, taxis categorical meaning, primary taxis meaning, second taxis meaning.

For citation: Arkhipova I.V. Transformational potential of taxis deverbatives (based on German statements with prepositional constructions). Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:48-54. (In Russ.).

Введение

Вопросы описания девербативных существительных в контексте их лексической и деривационной семантики изучаются в работах ряда отечественных языковедов [Архипова 2020; Болотова 2019; Бурмистрова 1985; Волкова 2015; Гаврилова 2015; Глушак, Балакирев 1980; Гутникова 2019; Зольникова, 2015; Касимова 2019; Матасова, Уфимцева 2017; Мирошникова, Матасова 2016]. В поле исследовательского внимания не попадает описание таксисного потенциала немецких девербативных имён существительных, выступающих в составе предложных конструкций в качестве прототипического средства актуализации таксисных категориальных значений одновременности и разновременности, чем обусловлена актуальность настоящего исследования.

Основная часть

В фокусе исследования находится вопрос описания таксисного потенциала немецких девербативов с учетом их трансформационных возможностей в процессе ревербализации в производящие (мотивирующие) глаголы. Материалом для исследования явились немецкие высказывания с предложно-девербативными конструкциями, полученные методом

направленной выборки из электронной базы данных Лейпцигского университета. В рамках применяемого ономато-семасиологического подхода к рассмотрению изучаемых языковых явлений в ходе данного исследования применялись гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, контекстуальный, а также трансформационный методы.

Среди таксисных девербативов немецкого языка следует выделять акциональные, процессуальные и статальные имена (ср.: *das Gehen, das Wandern, das Reiten, das Fahren, das Kommen, das Suchen, das Klingeln, das Schwirren, das Klopfen, das Verschieben, das Schlafen, das Einschlafen, die Beobachtung, die Betrachtung, das Sitzen, das Stehen, das Liegen, die Verbeugung, die Vernichtung, die Begegnung, die Beschreibung, die Eröffnung, die Verhaftung, die Verspätung, die Unterdrückung, die Überlegung, die Verzweiflung, der Abstieg, der Aufstieg, der Auszug, der Eintritt, der Einzug, der Umzug, der Angriff, der Besuch, der Verhör, der Schlag, der Sprung, der Wurf, der Ruck* и другие). Таксисные девербативы в максимальной степени сохраняют семантику производящих (мотивирующих) глаголов и характеризуются, как правило, абсолютными трансформационными возможностями, позволяющими «осуществлять» их ревербализацию.

Таксисные девербативы сохраняют семантику производящего их глагола в различной степени, отличаясь разной степенью вербогенности и таксисности (ср.: *das Laufen* → *laufen, das Tauchen* → *tauchen, das Schwimmen* → *schwimmen, das Sitzen* → *sitzen, die Betrachtung* → *betrachten, die Eröffnung* → *eröffnen, die Verhaftung* → *verhaften, der Verhör* → *verhören*). Ср.:

(1) *Beim Laufen, Schwimmen und Tauchen* wird die Fitness getestet (LC).

(2) Merkel verfolgt den Großen Zapfenstreich *im Sitzen* (LC).

(3) *Bei Betrachtung der Unterwäsche* wirkt nicht nur deren Optik und Schnitt für heutige Verhältnisse alles andere als anziehend (LC).

(4) *Seit der Eröffnung ihres Salons* hat sie einen mit drei Kilo Haaren gefüllten Sack nach Frankreich gesandt (LC).

(5) *Nach der Verhaftung und dem Verhör* wird Konstantin wegen Handels mit Drogen angeklagt (LC).

В примерах (1–3) акциональные девербативы *das Laufen, das Schwimmen, das Tauchen*, статальный девербатив *das Sitzen* и процессуальный девербатив *die Betrachtung* употребляются с предлогами *bei, in* в темпоральном значении. Данные девербативы являются вербогенными и таксисными и участвуют в актуализации примарно-таксисных категориальных значений одновременности. В примерах (4–5) акциональные девербативы *die Eröffnung, die Verhaftung, der Verhör* в сочетании с темпоральными предлогами *seit, nach* реализуют примарно-таксисные категориальные значения нестрогого (контактного) и строгого (дистантного) следования. Темпоральные предлоги *seit* и *nach* выступают в качестве соответствующих таксисных маркеров следования.

Кроме того, некоторые девербативы могут полностью утрачивать акциональную семантику производящего глагола, употребляясь для обозначения конкретного предмета, результата или же места действия (ср.: *das Essen* в значении «еда, пища»; *das Schreiben* в значении «письмо, бумага, письменный документ» и другие). Они утрачивают при этом вербогенность, таксисность и способность к ревербализации, например:

(6) *Bei leckerem Essen und netten Gesprächen* hatten alle Anwesenden wie immer einen unterhaltsamen Abend (LC).

(7) *Bei feinem Essen* entstehen Kontakte zwischen Vertretern verschiedener Religionen (LC).

(8) *Im Schreiben seines Anwalts* stellt Nüßlein die fragliche Tätigkeit als Hilfe in der Pandemie dar (LC)

(9) *In dem anonymen Schreiben*, das handschriftlich verfasst ist, wird gefordert, dass solche Aktionen aufhören müssten (LC).

В вышеприведённых примерах (6–9) девербативы *das Essen* и *das Schreiben* теряют свою акциональность и таксисность и употребляются в конкретно-предметном значении «еда, пища» и «письмо, письменный документ».

Таксисные категориальные значения девербативных существительных, актуализируемые в высказываниях с темпоральными и нетемпоральными предлогами, «эксплицируются» в ревербализующихся предложно-именных конструкциях. Акциональные, процессуальные и другие девербативы с максимальной степенью вербогенности и таксисности трансформируются в глагольные предикации с «обратным их переходом» в соответствующий производящий глагол аналогичной семантики. Таксисные девербативы являются ревербализующими именами с абсолютным трансформационным потенциалом. Предложные конструкции с таксисными девербативами могут быть трансформированы в различные придаточные предложения (темпоральные, кондициональные, каузальные, concessивные, модальные, инструментальные и другие).

При сочетании с темпоральными предлогами *während, nach, seit, vor, bis* таксисные девербативы могут быть трансформированы в придаточные времени с союзами *während / solange, als, wenn, nachdem, seit / seitdem, bevor/ehe, bis*. Девербативы, употребляемые с нетемпоральными предлогами модальной, инструментальной / медиальной, кондициональной, каузальной, concessивной и другой семантики поддаются трансформации в модальные и инструментальные / медиальные придаточные с союзами *wobei* и *indem / dadurch (...), dass*, кондициональные придаточные предложения с союзом *wenn*, а также каузальные придаточные с союзами *weil, da* и concessивные придаточные с союзами *obwohl, obgleich, obschon, obwenn* и другими. Ср.:

(10) *Bei dem Klingeln der Schelle* kam uns Frau Beauregard aus der Küche entgegen... (LC).
→ *Als die Schelle klingelte*, kam uns Frau Beauregard aus der Küche entgegen...

(11) *Endlich, nach langem Suchen*, entdeckte er etwas halbwegs Annehmbares (LC). → *Endlich, nachdem er lange gesucht hatte*, entdeckte er etwas halbwegs Annehmbares.

(12) *Vor dem Einschlafen* fügte sie in Gedanken Sätze über Stefan hinzu (LC). → *Bevor sie einschlief*, fügte sie in Gedanken Sätze über Stefan hinzu.

(13) Große Starenzüge strichen in keilformiger Ordnung *mit lautem Schwirren* über die Felder (LC). → Große Starenzüge strichen in keilformiger Ordnung, *wobei sie laut schwirrten*, über die Felder.

(14) *Bei genauerem Betrachten ihrer Auswahl* fällt allerdings auf, dass vor allem junge Frauen unter den Kandidatinnen sind (LC). → *Wenn man genauer betrachtet*, fällt allerdings auf, dass vor allem junge Frauen unter den Kandidatinnen sind.

(15) *Durch das Verschieben der Fahrbahnachse* entsteht mehr Raum für Gehwege (LC). → *Dadurch, dass die Fahrbahnachse verschoben wird*, entsteht mehr Raum für Gehwege.

(16) Staatschef Alijew steht *wegen der Unterdrückung der Opposition* in seinem Land in der Kritik (LC). → Staatschef Alijew steht, *weil er von der Opposition unterdrückt wird*, in seinem Land in der Kritik.

(17) *Trotz der Verspätung* ist das Flaggschiff auf der Höhe der Zeit (LC). → *Obwohl / obgleich / obschon man sich verspätet hat*, ist das Flaggschiff auf der Höhe der Zeit.

В приведённых примерах (10–12) ревербализуемые таксисные девербативы акциональной и процессуальной семантики *das Klingeln, das Suchen, das Einschlafen* употребляются с темпоральными предлогами *bei, nach, vor*. Их трансформационно-таксисный потенциал позволяет получить в качестве ревербализующихся конструкций

темпоральные придаточные с союзами *als, bevor, nachdem*. В высказывании (13) итеративно-акциональный девербатив *das Schwirren* в сочетании с предлогом *mit* в модальном значении актуализирует итеративно-модально-таксисное значение одновременности, что подтверждается его трансформацией в модальное придаточное предложение с союзом *wobei*. В примере (14) ревербализуемая предложно-девербативная конструкция на основе процессуального отглагольного имени *das Betrachten* (см.: *bei genauerem Betrachten ihrer Auswahl*) трансформируется в кондициональное придаточное предложение с союзом *wenn*. Посредством данной конструкции в примере (14) актуализовано кондиционально-таксисное категориальное значение одновременности. В высказывании (16) с акциональным девербативом *die Unterdrückung* с каузальным предлогом *wegen* реализовано каузально-таксисное значение одновременности. Предложно-девербативная конструкция *wegen der Unterdrückung der Opposition* трансформируется в каузальное придаточное предложение с союзом *weil*. В примере (17) с помощью акционального ревербализуемого девербатива *die Verspätung* с concessивным предлогом *trotz* актуализовано concessивно-таксисное значение одновременности. Предложно-девербативная конструкция *trotz der Verspätung* трансформируется в придаточное предложение concessивной семантики.

Девербативы с минимальной степенью вербогенности таксисности могут приобретать в процессе деривации неакциональные «опредмеченные» значения». Ср.:

(18) Die Königstochter kam selbst in den Garten herab und sah *mit Verwunderung*, da? der Jungling vollbracht hatte, was ihm aufgegeben war (LC).

(19) Nur eine Tüte mit Bonbons legte Felix *mit Verachtung* bei Seite ... (LC).

(20) Fritzi hat *in ihrer Verzweiflung* Kai zu Hilfe gerufen (LC).

(21) Aktivisten reagieren *mit Genugtuung* (LC).

В вышеприведённых примерах (18–21) процессуальные девербативы на *-ung* (см. *die Verwunderung, die Verachtung, die Verzweiflung, die Genugtuung*) характеризуются дополнительными семами «результативное состояние» или «психическое / физическое ощущение (чувство)», получаемыми ими в процессе деривации в силу словообразовательной семантики суффикса *-ung*. В связи с этим их трансформация осложняется и может «требовать» введение некоторого родового слова типа «*der Zustand*» (состояние) или «*das Gefühl*» (чувство), ср.: *in ihrer Verzweiflung* → *im Zustand der Verzweiflung*; *mit Genugtuung* → *mit dem Gefühl der Genugtuung*. В примерах (18–21) «осложнённая» трансформация процессуально-результативных девербативов с предлогами *mit* и *in* в модальном и медиальном значениях подтверждает факт актуализации таких секундарно-таксисных категориальных значений одновременности как модально-таксисные (см.: высказывания 18–20) и медиально-таксисное (см.: высказывание 21).

Заключение

Таксисный потенциал немецких девербативных существительных, употребляемых с различными предлогами темпоральной и нетемпоральной семантики, связан с их ревербализуемостью и трансформационными возможностями. Таксисная семантика немецких девербативов с предлогами «эксплицируется» в ревербализующихся предложно-именных конструкциях. Акциональные, процессуальные и статальные девербативы трансформируются в глагольные предикации с их переходом в производящий глагол тождественной семантики. При сочетании с темпоральными предлогами они трансформируются в темпоральные придаточные, а при употреблении с другими обстоятельственными предлогами – в модальные, инструментальные, медиальные, кондициональные, каузальные и concessивные придаточные предложения. Ограничение

трансформационного потенциала некоторых предложно-девербативных конструкций обусловлено «осложнённой» деривационной семантикой процессуальных девербативов на *-ung*. Трансформационные возможности немецких предложно-девербативных сочетаний специфицируют актуализацию примарно-таксисных и секундарно-таксисных категориальных значений одновременности и разновременности.

Список литературы

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 2020а. 173 с.
2. Болотова Е.В. О словообразовательной тенденции отглагольных существительных в немецкоязычных газетных текстах // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4. № 1. С. 108–112.
3. Бурмистрова Е.Г. Структурно-семантические особенности субстантивной группы с ядром-процессуальным существительным // Структурно-семантические аспекты романо-германских языков на морфологическом и синтаксическом уровнях: Межвуз. сб. науч. тр. / Ред.кол.:В.А. Ковин (отв. ред.) и другие. Киров: Изд-во «Кировский государственный педагогический университет», 1985. С. 74–77.
4. Волкова И.В. О статусе отглагольных имен в современном немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. 34. С. 147–154.
5. Гаврилова Е.Н. Проявление процессуальной лексической тождественности девербативов в семантико-грамматическом аспекте // Современное общество: проблемы, идеи, инновации. 2015. № 4. С. 116–119.
6. Глушак Т.С., Балакирев В.Ф. О статусе отглагольных существительных в языке (на примере производных с суффиксом *-ung*) // Иностранные языки в школе. 1980. № 5. С. 17–22.
7. Гутникова А.В. Анализ семантической структуры безаффиксных именных производных в средневерхненемецком языке // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 25–29.
8. Зольникова Н.Н. Словообразовательные модели отглагольных существительных немецкого языка // Наука и культура России. 2015. Т. 1. С. 225–229.
9. Касимова Г.К. Девербативы со значением «носитель процессуального признака» // Развитие значений производных слов как особый номинативный процесс (на материале многозначных отглагольных и отсубстантивных имён). Пенза: Изд-во «Пензенский артиллерийский инженерный институт», 2019. С. 132–160.
10. Матасова О.В., Уфимцева О.А. Девербативы в германских языках: сопоставительный анализ на материале немецкого и английского // Язык. Социум. Культура. Саратов: Изд-во «Саратовский социально-экономический институт (филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова)», 2017. С. 24–28.
11. Мирошникова З.А., Матасова О.В. Сопоставительный анализ деривационных рядов девербативов (на материале русского и немецкого языков) // Наука и общество. 2016. № 1 (24). С. 101–108.

Список сточников

1. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 15.12. 2022).

References

1. Arkhipova I.V. Kategoriya taksisa v raznostrukturnykh yazykakh [The category of taxis in multi-structural languages]. Monografiya. Novosibirsk, 2020a, 173 p. (In Russ.).
2. Bolotova E.V. O slovoobrazovatel'noi tendentsii otglagol'nykh sushchestvitel'nykh v nemetskoyazychnykh gazetnykh tekstakh [On the word-formation tendency of verbal nouns in German-language newspaper texts]. Doklady Bashkirskogo universiteta. 2019, vol. 4, no. 1, pp. 108-112. (In Russ.).

3. Burmistrova E. G. Strukturno-semanticheskie osobennosti substantivnoi gruppy s yadrom-protsessual'nym sushchestvitel'nym [Structural and semantic features of a substantive group with a core-procedural noun]. *Strukturno-semanticheskie aspekty romano-germanskikh yazykov na morfologicheskom i sintaksicheskom urovnyakh*. Kirov, 1985, pp. 74-77. (In Russ.).
4. Volkova I.V. O statuse otglagol'nykh imen v sovremennom nemetskom yazyke [On the Status of Verbal Names in Modern German]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*. 2015, 34, pp. 147-154. (In Russ.).
5. Gavrilova E.N. Proyavlenie protsessual'noi leksicheskoi tozhdestvennosti deverbativov v semantiko-grammaticheskom aspekte [Manifestation of procedural lexical identity of deverbatives in the semantic-grammatical aspect]. *Sovremennoe obshchestvo: problemy, idei, innovatsii*. 2015, no. 4, pp. 116-119. (In Russ.).
6. Glushak T.S., Balakirev V.F. O statuse otglagol'nykh sushchestvitel'nykh v yazyke (na primere proizvodnykh s suffiksom -ung) [On the status of verbal nouns in the language (on the example of derivatives with the suffix -ung)]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1980, no. 5, pp. 17-22. (In Russ.).
7. Gutnikova A.V. Analiz semanticheskoi struktury bezaffiksnykh imennykh proizvodnykh v sredneverkhnenemetskom yazyke [Analysis of the Semantic Structure of Nominal Derivatives Without Affixes in Middle High German]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2019, no. 1 (52), pp. 25-29. (In Russ.).
8. Zol'nikova N.N. Slovoobrazovatel'nye modeli otglagol'nykh sushchestvitel'nykh nemetskogo yazyka [Word-building models of German verbal nouns]. *Nauka i kul'tura Rossii*. 2015, vol. 1, pp. 225-229. (In Russ.).
9. Kasimova G.K. Deverbativy so znacheniem «nositel' protsessual'nogo priznaka» [Deverbatives with the meaning "bearer of a procedural feature"]. *Razvitie znachenii proizvodnykh slov kak osobyi nominativnyi protsess (na materiale mnogoznachnykh otglagol'nykh i otsubstantivnykh imen)*. Penza, 2019, pp. 132-160. (In Russ.).
10. Matasova O.V., Ufimtseva O.A. Deverbativy v germanskikh yazykakh: sopostavitel'nyi analiz na materiale nemetskogo i angliiskogo [Deverbatives in the Germanic Languages: A Comparative Analysis Based on the Material of German and English]. *Yazyk. Sotsium. Kul'tura*. Saratov, 2017, pp. 24-28. (In Russ.).
11. Miroshnikova Z.A., Matasova O.V. Sopostavitel'nyi analiz derivatsionnykh ryadov deverbativov (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Comparative analysis of derivational series of deverbatives (based on the Russian and German languages)]. *Nauka i obshchestvo*. 2016, no. 1 (24), pp. 101-108. (In Russ.).

List of sources

1. LC – Laboratorija korpusnoj lingvistiki Lejpcigskogo universiteta [LC - Corpus Linguistics Laboratory of the University of Leipzig]. (In Russ.). Available at: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (accessed: 15.12.2022).

Информация об авторе

*И.В. Архипова – доктор филологических наук, профессор,
кафедра романо-германских языков,
Новосибирский государственный педагогический университет.*

Information about the author

*I.V. Arkhipova – Grand Ph. D. (Philology), Professor,
Department of Romano-Germanic Languages
Novosibirsk State Pedagogical University.*

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 15.05.2023.

Научная статья

УДК 811.112.2

АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИЙ ИНТЕНСИВНОСТИ И ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ЭМОТИВНО-КАУЗАТИВНОМ КАТЕГОРИАЛЬНОМ СЕМАНТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

Надежда Павловна Сюткина

Пермский государственный национальный исследовательский университет,

Пермь, Россия, nad975@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается категория интенсивности и аспекты её взаимодействия с эмотивно-каузативным семантическим комплексом. Категориальный семантический комплекс понимается нами как «совокупность семантических категорий, функционально объединённых общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью – актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий. Как показало исследование, в результате такого межкатегориального взаимодействия возникает эмотивно-интенсивно-каузативный категориальный семантический субкомплекс, прагматический потенциал которого определяется его экспрессивным характером. Предметом исследования в данной статье является взаимосвязь и взаимодействие функционально-семантической категории интенсивности и прагматической категории экспрессивности. Вопрос о разграничении категорий интенсивности и экспрессивности остаётся дискуссионным, поскольку, с одной стороны, они тесно взаимодействуют, с другой стороны, природа этих категорий отличается. Их отличия и их взаимодействие и обуславливают некое подчинение категории интенсивности в прагматическом плане. При этом средства интенсификации становятся инструментом для создания экспрессивных высказываний. Экспрессивным высказывание становится путём усиления его эмотивного и оценочного потенциала, что, в свою очередь, достигается с помощью интенсификации. В случае актуализации эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса речь идёт о взаимодействии категорий каузативности и эмотивности. Это взаимодействие мы наблюдаем при реализации когнитивного сценария каузации эмоциональной модификации, который предполагает наличие двух обязательных участников – каузатора и объекта каузации. Вопрос разграничения категорий интенсивности и экспрессивности остаётся дискуссионным, поскольку, с одной стороны, они тесно взаимодействуют, с другой стороны, природа этих категорий отличается, что обуславливает некое подчинение категории интенсивности в прагматическом плане, средства интенсификации становятся неким механизмом для создания экспрессивных высказываний.

Ключевые слова: категория интенсивности, эмотивные каузативы, эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс, межкатегориальное взаимодействие, интенсификация, экспрессивность.

Для цитирования: Сюткина Н.П. Аспекты взаимодействия категорий интенсивности и экспрессивности в эмотивно-каузативном категориальном семантическом комплексе // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 55–62.

Original article

ASPECTS OF INTERACTION OF THE CATEGORIES OF INTENSITY AND EXPRESSION IN THE EMOTIONAL-CAUSATIVE CATEGORICAL SEMANTIC COMPLEX

Nadezhda P. Siutkina

Perm State University, Perm, Russia, nad975@yandex.ru

Abstract. The article deals with the category of intensity and aspects of its interaction with the emotive-causative semantic complex. The categorical semantic complex is understood by us as "a set of semantic categories functionally united by a common goal, a common purpose, a common intentionality – the actualization of such meanings that arise at the intersection of two or more categories. As a result of such intercategorical interaction, an emotive-intensive-causative categorical semantic subcomplex arises, the pragmatic potential of which is determined by its expressive nature. The subject of research in this article is the relationship and interaction of the functional-semantic category of intensity and the pragmatic category of expressiveness. The issue of distinguishing between the categories of intensity and expressiveness remains debatable, since, on the one hand, they closely interact, on the other hand, the nature of these categories is different, which leads to some subordination of the category of intensity in pragmatic terms, the means of intensification become a tool for creating expressive statements. An utterance becomes expressive by strengthening its emotive and evaluative potential, which is achieved through intensification. In the case of actualization of the emotive-causative categorical semantic complex, we are talking about the interaction of the categories of causativity and emotivity. We observe this interaction during the implementation of the cognitive scenario of causation of emotional modification, which assumes the presence of two mandatory participants – the causator and the object of causation. The issue of distinguishing the categories of intensity and expressiveness remains debatable, since, on the one hand, they closely interact, on the other hand, the nature of these categories is different, which leads to a certain subordination of the category of intensity in pragmatic terms, the means of intensification become a mechanism for creating expressive statements.

Keywords: intensity category, emotive causatives, emotive-causative categorical semantic complex, intercategorical interaction, intensification, expressiveness.

For citation: Siutkina N.P. Aspects of interaction of the categories of intensity and expression in the emotional-causative categorical semantic complex. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:55-62. (In Russ.).

Введение

В фокусе нашего внимания находится эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс (о категориальных семантических комплексах см. например: [(таксисный – Архипова 2021а, 2021б, 2021в, 2021г, 2021д; 2022 а, 2022б; Архипова, Шустова 2021 а, б; инструментальный – Шустова 2021, Шустова, Третьякова 2021, 2022 а, 2022б; эмотивно-каузативный – Сюткина, Шустова 2020, 2021])). Категориальный семантический комплекс понимается нами как «совокупность семантических категорий, функционально объединенных общей целью, общим предназначением, общей интенциональностью – актуализацией таких значений, которые возникают на пересечении двух и более категорий» [Сюткина 2020: 35]. Категориальный семантический комплекс возникает при реализации нескольких категориальных ситуаций [Архипова, Шустова 2021 а, б; Бондарко 2002; Сюткина, Шустова 2020, 2021; Сюткина 2020]. В случае актуализации эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса речь идёт о взаимодействии категорий каузативности и эмотивности. Это взаимодействие мы наблюдаем при реализации когнитивного сценария каузации эмоциональной модификации, который предполагает

наличие двух обязательных участников – каузатора и объекта каузации [Сюткина, Шустова 2020; Шустова 2020]. Первый оказывает эмоциональное воздействие на второго, в результате чего происходит модификация его эмоционального состояния. Поскольку речь идёт об эмоциональном воздействии, то ещё одним участником такого сценария становится показатель интенсивности эмоционального воздействия. Интенсивность выражения эмоций является одной из основных характеристик категориальной эмоциональной ситуации. Здесь уместно вспомнить, что В.И. Шаховский выделил такой параметр, как *плотность эмоций*: «продукт интенсивности и продолжительности эмоций, он зависит от плотности и интенсивности их стимуляции, которая может быть измерена специальными приборами (по физиологическим показателям) или непосредственно в речи по интонации и эффекту их воздействия на получателя (по текстовым параметрам)» [Шаховский 2009: 30–31]. «Экспериментально установлено, что эмоция может иметь различную степень интенсивности и это» находит своё отражение «в лексике, синтаксисе, интонации» [там же].

Основная часть

Категория интенсивности рассматривается нами как функционально-семантическая. А.В. Бондарко рассматривает категории как «основные инвариантные категориальные признаки (семантические константы), выступающие в тех или иных вариантах в языковых значениях и функциях» [Бондарко: эл. ресурс]. В единстве со средствами выражения в языке семантическая категория рассматривается как соответствующее функционально-семантическое поле – «группировка разноуровневых средств языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 2002: 15]. Рассматриваемая категория интенсивности – это «семантическая категория прагматического характера, являющаяся производной, с одной стороны, от категорий количественности и качественности, а с другой – от особой прагматической категории, содержание которой может быть осмысленно в рамках когнитивной лингвистики при помощи понятий «выделенность» и «выдвижение» [Родионова 2005: 156]. Семантическим содержанием категории интенсивности является «мера проявления признака, её можно понимать как степень его проявления» [Родионова 2005: 159]. Высокая степень проявления признака с прагматической точки зрения служит для усиления воздействующей силы высказывания, для создания яркого образа. Тем самым, интенсифицирующие средства служат инструментом для категорий эмотивности и оценочности, а они, в свою очередь, приводят к повышению экспрессивности высказывания. «Между экспрессивностью и интенсивностью могут находить сходство по причине того, что у них совпадает функциональный аспект. Обе эти категории в совокупности создают прагматический эффект выразительности и образительности речи, выполняют функцию не просто сообщения, но усиленного воздействия на адресата» [Туранский 1990: 19]. Здесь уместно вспомнить, что «экспрессив – языковая единица, основной семиологической функцией которой является экспрессия, то есть усиление воздействующей силы за счёт сем усиления, образности и других» [Шаховский 2019: 24–25]. А под экспрессивной функцией языковых и речевых единиц понимается «функция... повышающая за счёт большого арсенала средств и приёмов воздействующую, то есть прагматическую силу слова, словосочетания или высказывания, имеет фактор адресата и преследует» цель – произвести «определённый эффект воздействия на него» [Шаховский 2019: 27].

Обратимся к эмотивным каузативам, которые содержат в своём значении сему интенсивности. Для анализа в рамках данной статьи мы обратились к базовым эмотивным каузативам, актуализирующим негативную модификацию эмоциональной сферы, а именно к тем, которые образуют ядерную зону указанного семантического поля. Это

лексемы *беспокоить, мучить, раздражать, обижать, надоедать* [Сюткина 2020: 88]. Далее, с помощью словаря синонимов русского языка [СС: эл. ресурс] мы произвели синонимический анализ и осуществили выборку тех синонимов, которые имеют в своём семантическом потенциале сему интенсивности, и получили следующие синонимические ряды:

беспокоить – тревожить, напрягать, надоедать, будоражить, сверлить, тормошить, досаждать, бередить, выводить из равновесия, донимать, мучить, грызть, обременять, колготить, полошить, булгачить, баламутить, докучать, тяготить, зудеть, жужжать (СС);

мучить – напрягать, затруднять, теревить, настораживать, надоедать, грызть, обременять, достать, докучать, тяготить, зудеть, жечь, трепать, задира́ть, тарабарить (СС);

раздражать – доставать, заводит, доводить, дергать, как бельмо на глазу, напрягать, бесить, злить, возмущать, досаждать, коробить, бередить, гневить, горячить, растревлять, раздирать, сидеть в печенках, лишать покоя, выводить из терпения, капать на мозги, быть бельмом на глазу, приводить в гнев, играть на нервах, трепать нервы, стоять костью поперек горла, приводить в состояние досады, зацеплять, раззуживать, донимать, взвинчивать, электризовать, заколеба́ть, будоражить, взбудораживать (СС);

обижать – жалить, оскорблять, нападать, поносить, язвить, ранить, притеснять, шпынять, мордовать, задира́ть, тиранить, теснить, бранить, попрекать, оскорбить, унижать, уязвить, порицать, бередить, конфузить, напускаться, пронимать, накидываться, набрасываться, кидаться, прищемлять, сверлить, грызть (СС);

надоедать – доставать, приставать, напрягать, бомбить, изводить, донимать, осажда́ть, прилипать, компостировать мозги, зудеть, досажда́ть, раздража́ть, докуча́ть, парить, допекать, полоскать башку, полоскать мозги, капать на мозг, канифолить мозги, торчать над душой, капать на мозги, хавать мозги, набивать оскомину, мозолить глаза, путаться под ногами, стоять над душой, не давать проходу, буравить мозг, манать, преследовать, доконать, дёргать, навязываться, дрючить, вязаться, долбить, наседа́ть, гвоздить, жужжать (СС).

В качестве примера приведём дефиниции некоторых из этих глаголов: Так, **«тревожить»** – *внушать тревогу, приводить в состояние тревоги, волнения* (ТС). Тревога же – *это беспокойство, сильное душевное волнение, смятение (обычно в ожидании опасности, чего-нибудь неизвестного)* (ТС). Как мы видим, сема интенсивности содержится в определении каузируемой эмоции – сильное волнение.

Следующий глагол **«напрягать»** – *напрячь что, натягивать, настренивать, наляцать, усиленно гнуть что упругое; тянуть как веревку; напрягать силы, усиливаться, стараться изо всех сил* (ТС). Дефиниции показывают нам наличие значения «усиления», то есть интенсификации.

«Надоедать» – 1. *Становиться неинтересным, скучным от однообразия, утомительной повторяемости; докучать, досажда́ть.* 2. *Становиться неприятным вследствие однообразия, длительного действия* (ТС). В этой лексеме интенсивность связана со значениями повторяемости и длительности.

«Теребить» – *дергать, постоянно трогать, не оставляя в покое; постоянно обращаться к кому-нибудь с какими-нибудь, преимущественно мелкими, делами, не давая покоя, мешая сосредоточиться на чем-нибудь, отвлекая от серьезного дела* (ТС). Здесь мы наблюдаем наличие значения длительности, реализуемое семой «постоянно». То есть интенсификацию мы можем представить в виде шкалы градуирования «никогда – иногда – всегда – постоянно».

Если проанализировать глаголы, отобранные нами по принципу наличия семы интенсивности, то можно увидеть, что интенсификация значения происходит за счёт усиления образности и метафоричности (*сверлить, бередить, грызть, зудеть, жужжать, жечь, заводить, горячить, расстрелять, взвинчивать, электризовать, набрасываться* и другие), задействия фразеологических единиц (*сидеть в печенках, капать на мозги, быть бельмом на глазу, играть на нервах, стоять костью поперек горла, сверлить череп, портить кровь, портить нервы, колоть глаза, выносить мозг* и др.); такие единицы часто носят разговорный характер или относятся к сленговым словам (*теребить, драконить, манать, колебать, доконать, дёргать, дрючить, вязаться, долбить, гвоздить* и другие). Это придаёт таким лексемам выраженный экспрессивный характер: *Похоже, противник решил его задергать такими поездками туда-сюда – глядишь, и он где-то ошибется* (NG); *Так сынок с полгода его теребил-теребил, а потом перестал, понял, что отцу не до него. Теперь по большей части или со мной, или сам с собой играет* (NG); *Но если глупостью постоянно капать на мозги, то какие мозги не поглупеют? Дедушка придерживается сугубо нашего державного правила: если и давать кому деньги, то они должны стрелять* (NG); *Присел рядом, что явно не свидетельствует о том, что разговор выйдет коротким. Задумал основательно прожужжать мне мозги* (NG).

Следует отметить, что в приведённых примерах мы наблюдаем актуализацию двойной интенсификации – глагол-интенсификат сопровождается интенсификатором, что призвано увеличить иллокутивную силу высказывания.

Заключение

Мы проанализировали эмотивные каузативы, имеющие в своём семантическом потенциале сему интенсивности. Лексемы, имплицитно несущие в своей семантике значение интенсивности, называются интенсификатами. Синонимический анализ позволяет нам сделать вывод, что эмотивные каузативы-интенсификаты имеют экспрессивный характер. Таким образом, мы можем установить взаимосвязь и взаимодействие функционально-семантической категории интенсивности и прагматической категории экспрессивности на семантическом уровне, в рамках эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса.

Вопрос о разграничении категорий интенсивности и экспрессивности остаётся дискуссионным, поскольку, с одной стороны, они тесно взаимодействуют, с другой стороны, природа этих категорий отличается, что обуславливает некое подчинение категории интенсивности в прагматическом плане, средства интенсификации становятся неким механизмом для создания экспрессивных высказываний.

Список литературы

1. Архипова И.В. Концессивный таксис в разноструктурных языках // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021а. № 2. С. 59–66.
2. Архипова И.В. Таксисный потенциал предлогов нидерландского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021б. № 3. С. 45–51.
3. Архипова И.В. Таксис и финальность: вопросы межкатегориальной связи // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021в. № 4. С. 68–74.
4. Архипова И.В. Итеративная таксисная категориальная ситуация: вопросы описания и структурирования (на примере разноструктурных языков) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 46–53.

5. Архипова И.В. Кондициональный таксис (на материале разноструктурных языков) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021д. № 4. С. 4–10.
6. Архипова И. В. Актуализация таксиса как результат межкатегориальных взаимодействий // Евразийский гуманитарный журнал. 2022а. № 4. С. 4–12.
7. Архипова И. В. Таксис и финальность: вопросы межкатегориальной связи // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022б. № 5. С. 60–68.
8. Архипова И.В. Функционально-таксисная нагрузка итеративных и мультипликативных девербативов (на материале немецкого языка) // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 9. С. 51–58.
9. Архипова И.В., Шустова С.В. Семантический потенциал таксисных предлогов немецкого языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2021а. № 2. С. 21–37.
10. Архипова И.В., Шустова С.В. Категориальная семантика примарного таксиса // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021б. № 1. С. 51–58.
11. Бондарко А.В. Введение. Основания функциональной грамматики [Электронный ресурс]. 1987. URL: http://iling.spb.ru/grammar/bondarko_1987.pdf (дата обращения: май 2023).
12. Бондарко А.В. Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященных юбилею Г.А. Золотовой. М.: Эдиторал УРСС. 2002. С. 15–21.
13. Лукьянова Н.А. Экспрессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Новосибирск: Изд-во «Новосибирский государственный педагогический университет», 1991. С. 3–23.
14. Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб.: Наука. 2005. С. 150–169.
15. СС – Словарь синонимов русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://sinonim.org> (дата обращения: апрель 2023).
16. Сюткина Н.П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2020. 176 с.
17. Сюткина Н.П. Потенциал эмотивных каузативов с позиций функционального подхода // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 54–59.
18. Сюткина Н.П., Шустова С.В. Рацио и эмоцио в грамматике: эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс // Ratio at Emotio: Рациональное и эмоциональное в языке и речи. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2020. С. 73–168.
19. Сюткина, Н. П., Шустова С.В. Функциональные аспекты эмотивно-каузативного категориального семантического комплекса // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2021. Т. 9. № 1(17). С. 127–142.
20. ТС – Толковые словари [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: май 2023).
21. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высшая школа, 1990. 172 с.
22. Шаховский В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–42.
23. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 2019. 206 с.
24. Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: Динамический подход. Издание 3. М.: Ленанд, 2020. 248 с.
25. Шустова С.В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89.
26. Шустова С.В., Третьякова Д.Д. Глаголы с инкорпорированным актантом-инструментом в русском языке // Евразийский гуманитарный журнал. 2022 а. № 1. С. 26–33.

27. Шустова С.В., Третьякова Д.Д. Инкорпорация как средство реализации ролевой категории (на материале глаголов немецкого языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2022 б. № 4. С. 69–76.

28. Ngram – Исследовательский ресурс Google Books Ngram Viewer [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения: май 2023).

References

1. Arkhipova I.V. Kontsessivnyi taksis v raznostrukturnykh yazykakh [Concessive taxis in multi-structural languages]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2021a, no. 2, pp. 59-66. (In Russ.).
2. Arkhipova I. V. Taksisnyi potentsial predlogov niderlandskogo yazyka [Taxis potential of Dutch prepositions]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2021b, no. 3, pp. 45-51. (In Russ.).
3. Arkhipova I. V. Taksis i final'nost': voprosy mezhkategorial'noi svyazi [Taxis and Finality: Issues of Intercategorical Relationship]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2021v, no. 4, pp. 68-74. (In Russ.).
4. Arkhipova I.V. Iterativnaya taksisnaya kategorial'naya situatsiya: voprosy opisaniya i strukturirovaniya (na primere raznostrukturnykh yazykov) [Iterative taxis categorical situation: questions of description and structuring (on the example of languages with different structure)]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2021, no. 1, pp. 46-53. (In Russ.).
5. Arkhipova I.V. Konditsional'nyi taksis (na materiale raznostrukturnykh yazykov) [Conditional taxis (on the basis of languages with different structures)]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2021d, no. 4, pp. 4-10. (In Russ.).
6. Arkhipova I.V. Aktualizatsiya taksisa kak rezul'tat mezhkategorial'nykh vzaimodeistvii [Actualization of Taxis as a Result of Intercategorical Interactions]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2022a, no. 4, pp. 4-12. (In Russ.).
7. Arkhipova I.V. Taksis i final'nost': voprosy mezhkategorial'noi svyazi [Taxis and Finality: Issues of Intercategorical Relationship]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2022b, no. 5, pp. 60-68. (In Russ.).
8. Arkhipova I.V. Funktsional'no-taksisnaya nagruzka iterativnykh i mul'tiplikativnykh deverbativov (na materiale nemetskogo yazyka) [Functional-taxis load of iterative and multiplicative deverbatives (based on the German language)]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2023, no. 9, pp. 51-58. (In Russ.).
9. Arkhipova I.V., Shustova S.V. Semanticheskii potentsial taksisnykh predlogov nemetskogo yazyka [The Semantic Potential of German Taxis Prepositions]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2021a, no. 2, pp. 21-37. (In Russ.).
10. Arkhipova I.V., Shustova S.V. Kategorial'naya semantika primarnogo taksisa [Categorical semantics of primary taxis]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2021b, no. 1, pp. 51-58. (In Russ.).
11. Bondarko A.V. Vvedenie. Osnovaniya funktsional'noi grammatiki [Introduction. Foundations of Functional Grammar]. 1987. (In Russ.). Available at: http://iling.spb.ru/grammar/bondarko_1987.pdf (accessed: mai 2023).
12. Bondarko A.V. Kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki [Categories in the Functional Grammar System]. *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta. Sbornik statei, posvyashchennykh yubileyu G.A. Zolotovoi*. Moscow, Editorial URSS. 2002, pp. 15-21. (In Russ.).
13. Luk'yanova N.A. Ekspressivnost' kak semanticheskaya kategoriya [Expressivity as a semantic category]. *Yazykovye kategorii v leksikologii i sintaksise*. Novosibirsk, 1991. С. 3-23. (In Russ.).
14. Rodionova S.E. Semantika intensivnosti i ee vyrazhenie v sovremennom russkom yazyke [The semantics of intensity and its expression in modern Russian]. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Polevye struktury*. Saint Petersburg, Nauka, 2005, pp. 150-169. (In Russ.).
15. SS - Slovar' sinonimov russkogo yazyka [SS - Dictionary of synonyms of the Russian language]. (In Russ.). Available at: <https://.sinonim.org> (accessed: aprel' 2023). (In Russ.).

16. Syutkina N.P. Funktsionirovanie emotivnykh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse [Functioning of emotive causatives in the categorical semantic complex]. Perm', ANO DPO «Permskii institut ekonomiki i finansov», 2020, 176 p. (In Russ.).
17. Syutkina N.P. Potentsial emotivnykh kauzativov s pozitsii funktsional'nogo podkhoda [The Potential of Emotive Causatives from the Functional Approach]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2021, no. 1, pp. 54-59. (In Russ.).
18. Syutkina N.P., Shustova S.V. Ratsio i emotsio v grammatike: emotivno-kauzativnyi kategorial'nyi semanticheskii kompleks [Ratio and emotion in grammar: emotive-causative categorical semantic complex]. *Ratio at Emotio: Ratsional'noe i emotsional'noe v yazyke i rechi*. Saint Petersburg, Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2020, pp. 73-168. (In Russ.).
19. Syutkina N.P., Shustova S.V. Funktsional'nye aspekty emotivno-kauzativnogo kategorial'nogo semanticheskogo kompleksa [Functional aspects of the emotive-causative categorical semantic complex]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 2021, vol. 9, no. 1(17), pp. 127-142. (In Russ.).
20. TS - Tolkovye slovari [TS - Explanatory Dictionaries]. (In Russ.). Available at: <https://dic.academic.ru/> (accessed mai 2023).
21. Turanskii I.I. Semanticheskaya kategoriya intensivnosti v angliiskom yazyke [Semantic category of intensity in English]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 172 p. (In Russ.).
22. Shakhovskii V. I. Emotsii kak ob"ekt issledovaniya v lingvistike [Emotions as an object of study in linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki*. 2009, no. 9, pp. 29-42. (In Russ.).
23. Shakhovskii V.I. Kategorizatsiya emotsii v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language]. Moscow, Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2019, 206 p. (In Russ.).
24. Shustova S.V. Funktsional'nye svoistva kauzativnykh glagolov: Dinamicheskii podkhod [Functional Properties of Causative Verbs: A Dynamic Approach]. Moscow, Lenand, 2020, 248 p. (In Russ.).
25. Shustova S.V. Instrumental'nost' v kauzativnoi situatsii [Instrumentality in a causative situation]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*. 2021, no. 3, pp. 82-89. (In Russ.).
26. Shustova S.V., Tret'yakova D.D. Glagoly s inkorporirovannym aktantom-instrumentom v russkom yazyke [Verbs with an incorporated actant-instrument in Russian]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2022 a, no. 1, pp. 26-33. (In Russ.).
27. Shustova S.V., Tret'yakova D.D. Inkorporatsiya kak sredstvo realizatsii rolevoi kategorii (na materiale glagolov nemetskogo yazyka) [Incorporation as a means of implementing the role category (on the basis of German verbs)]. *Evrasiiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2022 b, no. 4, pp. 69-76. (In Russ.).
28. Ngram – Исследовательский ресурс GoogleBooksNgramViewer [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.com/ngrams> (дата обращения май 2023).

Информация об авторе

Н.П. Сюткина – кандидат филологических наук,
доцент, кафедра лингвистики и перевода,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

N.P. Syutkina – Ph. D. (Philology),
Associate Professor, Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 20.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 63–68.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 63-68.

Научная статья

УДК 811; 161.1

ИССЛЕДОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ЖЕНСКОГО И МУЖСКОГО ПОЛА В СУБСТАНДАРТНОЙ ЛЕКСИКЕ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Ирина Васильевна Лыскова

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия,

irina_polulyah@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной для сегодняшнего социума и для сегодняшней науки о языке проблеме – проблеме номинации мужчин и женщин в субстандартной лексике. Неразрывная связь культуры и языка отражает языковую картину мира любого народа, что, несомненно, вызывает огромный интерес к изучению особенностей, стереотипов и поведения двух полов. Лексика – это пласт языка, который хранит общественно-исторический опыт народа. В данной статье автор описывает влияние лексики, а именно субстандартной лексики, на формирование языковой картины мира нации. Автор приводит различные взгляды исследователей и даёт обобщенную характеристику термину «субстандарт». Субстандартная лексическая единица является элементом языка, характеризуется образно-стилистической окраской и отражается в менталитете носителей того или иного языка, так как связана с живой коммуникацией. Именно поэтому исследование субстандартной лексики сегодня приобретает особую актуальность, являясь одним из компонентов формирования языковой картины мира. Основное содержание исследования составляет сопоставительный анализ наименований лиц женского и мужского пола в субстандарте английского и русского языков. В статье описаны часто употребляемые виды метафорического переноса номинаций «мужчина» / «женщина» в субстандартной лексике сопоставляемых языков. Автором были взяты словари английского языка «NTC's Thematic Dictionary of American Slang» и русского языка «Русская феня». Выбор словарей обоснован тем, что данные словари содержат лексику разговорного регистра, которая часто употребляется в речи носителей. На основании анализа наименований лиц женского и мужского пола, выбранных из данных словарей, автором были сделаны выводы по исследуемой теме.

Ключевые слова: субстандарт, семантические особенности, метафора, стереотип, языковая картина мира, мужчина, женщина.

Для цитирования: Лыскова И.В. Исследование наименований мужского и женского пола в субстандартной лексике английского и русского языков: сопоставительный анализ // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 63–68.

Original article

THE STUDY OF FEMININE AND MASCULINE NAMES IN ENGLISH AND RUSSIAN SUB-STANDARD VOCABULARY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Irina V. Lysikova

Astrakhan State University V.N. Tatishcheva, Astrakhan, Russia,
irina_polulyah@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem that is relevant for today's society and for today's science of language - the problem of the nomination of men and women in sub-standard vocabulary. The inextricable link between culture and language reflects the linguistic picture of the world of any people, which undoubtedly arouses great interest in the study of the characteristics, stereotypes and behavior of the two sexes. Vocabulary is a layer of the language that stores the socio-historical experience of the people. In this article, the author describes the influence of vocabulary, namely substandard vocabulary, on the formation of the language picture of the world of the nation. The author gives different views of researchers and gives a generalized description of the term "sub-standard". A sub-standard lexical unit is an element of the language, characterized by figurative and stylistic coloring and reflects in the mentality of the speakers of a particular language, as it is associated with live communication. That is why the study of sub-standard vocabulary today is of particular relevance, being one of the components of the formation of a linguistic picture of the world. The main content of the study is a comparative analysis of the names of female and male persons in the sub-standard of the English and Russian languages. The article describes the frequently used types of metaphorical transfer of the nominations "man" / "woman" in the substandard vocabulary of the compared languages. The author studied the dictionaries of the English language "NTC's Thematic Dictionary of American Slang" and the Russian language "Russian Fenya". The choice of dictionaries is justified by the fact that these dictionaries contain colloquial vocabulary, which is often used in the speech of native speakers. Based on the analysis of the names of female and male persons selected from these dictionaries, the author made conclusions on the topic under study.

Keywords: substandard, semantic features, metaphor, stereotype, linguistic picture of the world, man, woman.

For citation: Lysikova I.V. The study of feminine and masculine names in English and Russian sub-standard vocabulary: a comparative analysis. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:63-68. (In Russ.).

Введение

С самых древних времён известно, что общество «включает в себя два начала: мужское и женское». Мужское начало – агрессивное, отстранённое и дерзкое, в то время как женское – эмоциональное, хитрое и послушное. Социальное поведение мужчин и женщин, взаимоотношения между полами, их образы, особенности и стереотипы, каким должен быть мужчина и какой должна быть женщина в человеческом обществе перевели «проблему пола из области биологии в сферу культуры и социальной жизни», что не могло не отразиться в лингвистических исследованиях [Лысикова, Файзиева 2023: 59]. Так, мужчины и женщины, являясь частью культуры, отражают языковую картину мира любой нации. Наименование лиц мужского и женского пола относятся к лексическому составу языка, который исторически, культурно и генетически представляет собой древний пласт языка.

Настоящая статья посвящена изучению проблем наименований лиц женского и мужского пола в субстандартной лексике английского и русского языков. Изучением проблем гендерной лингвистики и субстандартной лексики занимались многие учёные-лингвисты [Блумфильд 1968; Гальперин 1956; Быков 2001; Горошко 1999; Кирилина 2005; Лакофф 2004; Кирилина, Томская 2005 и другие]. Тем не менее номинация мужского и женского пола в субстандартном пласте лексики в английском и русском языках не была предметом отдельного изучения, что обуславливает актуальность данной статьи.

Термин «субстандарт» появился впервые в работах Л. Блумфильда, ещё в 1930 г. и вскоре получил широкое распространение в языкознании. В настоящее время нет единого определения, что такое субстандартная лексика, каждый учёный, занимающийся её

исследованием, понимает этот термин по-своему. По мнению В.Б. Быкова, субстандарт – это «нормативная подсистема национального языка, в которой преобладают некодифицированные, узуальные нормы» [Быков 2001: 13]. Г.В. Рябичкина и Е.В. Метельская рассматривают субстандарт как «совокупность лексических единиц, относящихся к внелитературному пласту, представленному разговорным речевым регистром, просторечием, жаргонизмами, сленгизмами, арготизмами, вульгаризмами и другими языковыми категориями, выходящими за пределы литературного языка» [Рябичкина, Метельская 2011: 7].

Е.М. Хакимова считает, что субстандартные лексические единицы – это элементы, имеющие функции стилизации и создающие языковую картину мира [Хакимова 2012]. Так, на основе приведённых определений можно сделать вывод, что субстандартные языковые единицы – это нелитературная лексика, чаще используемая в определённых кругах общения и интерпретирующая лингвокультурные концепты.

Объектом изучения в нашей статье стали субстандартные лексические единицы, номинирующие «мужчину» и «женщину» в английском и русском языках, предметом исследования явились семантические особенности их употребления в субстандартной лексике данных языков.

Цель настоящей статьи – выявить общие и отличительные черты в наименовании лиц женского и мужского пола в субстандартной лексике английского и русского языков. Материалом исследования послужила сплошная выборка лексических единиц со значением «мужчина» и «женщина» из словарей субстандартной лексики английского и русского языков.

Так, основными источниками выборки стали словари: «NTC's Thematic Dictionary of American Slang» (Richard A. Spears) и «Русская феня» (В.Б. Быков). Нами были взяты данные словари, так как они охватывают лексику разговорного регистра, тем самым являясь наиболее употребимой в речи носителей языка. В английском языке нами были проанализированы 156 лексических единиц и 144 лексических единиц в русском языке.

Данные лексические единицы были отобраны независимо от контекста, в отобранный материал не включались фразеологические сочетания. За единицу семантического анализа мы брали слово в одном значении, обозначающем «мужчину» или «женщину». Проанализировав 156 единиц субстандартной лексики английского языка и 144 единиц субстандартной лексики русского языка, мы заметили, что значительная часть данной лексики относится к номинации женщины.

Основная часть

Появление субстандартной лексики зачастую происходит в следствие переноса одного понятия на другое, такой перенос носит название метафорический. Известно, что метафора является источником пополнения словаря любого языка. Определений метафоры существует большое количество.

В своём исследовании мы придерживаемся определения метафоры, данного Ю.Д. Апресяном. Учёный под метафорой понимает «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений, для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименовании другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Апресян 1966: 296].

Рассмотрим главные метафорические переносы номинаций «мужчина» / «женщина» в субстандартной лексике сопоставляемых языков.

1. Метафорический перенос зоонимного вида

Данный вид является самым многочисленным. С помощью переноса характеристик животного на мужчину и женщину даются следующие оценки: а) **внешности**

- ср.: англ. – *cow (a fat or ugly woman)*,
 – *fox (an attractive girl)*,
 – *bear (an ugly woman)*,
 – *worm (a repellent person, usually a male.)*;
 русск. – *жаба, выдра (некрасивая девушка)*,
 – *волк (привлекательный мужчина)*.

б) черт характера

- ср.: англ. – *dumb ox (a large and stupid person, usually a man)*,
 – *animal (a male who acts like a beast in terms of manners, cleanliness, or sexual aggressiveness)*,
 – *pussycat (a timid male)*;
 русск. – *кобра, змея, змеюка (злая женщина)*.

в) ума, интеллекта

- ср.: англ. – *monkey (a silly woman)*,
 – *dumb ox (a large and stupid person, usually a man)*;
 русск. – *курица (глупая женщина)*.

г) поведения

- ср.: англ. – *wolf (a bold and aggressive male)*.
 – русск. – *кобель (гулящий мужчина)*.

В приведённых примерах можно заметить, что образ злой и агрессивной женщины в русском языке передаётся с помощью животных – рептилий, в английском языке в данном словаре не были найдены лексические единицы с похожей семантикой. Глупость женщины и мужчины передаётся с помощью таких лексических единиц как *monkey* (дослов. обезьяна, перенос. знач. глупая женщина), *dumbox* (дослов. тупой бык, перенос. знач. глупый мужчина), *курица* (глупая женщина).

2. Метафорический перенос предметного вида

Метафоры данного типа основываются на переносе смысла от различных объектов или предметов:

а) предметы быта

- ср.: англ. – *alarm clock (a grumpy woman)*,
 – *rag-top (an ugly woman)*,
 – *carpet-dragger (a handsome man)*,
 – *fat bag (a fat woman)*.
 русск. – *каблук, тряпка (мужчина, который управляется женщиной)*,
 – *кастрюля (сварливая женщина)*,
 – *авоська (полная женщина)*.

б) игрушки

- русс. – *погремушка (девушка), пупсик (перенос на мужчину или женщину)*.

в) инструменты

- англ. – *battle-ax (a belligerent (old) woman)*.

Представленные примеры свидетельствуют о том, что образ женщины, передаваемый с помощью метафорического переноса предметного вида, отражает определенный стереотип мышления, в котором женщина должна быть подчиненной, ее утилитарная ценность мала. Этот стереотип подчеркивает особенности потребительского взгляда на женщину.

Оценка внешнего вида в английском и русском языках также формируется на основе функциональных качеств предметов быта. Так, англ. *fatbag* (дослов. толстая сумка) и русск. *авоська* имеют значение «толстая женщина», что говорит о сравнении женщины с хозяйственной сумкой большого размера.

3. Гастрономические метафоры

Метафоры данного вида основаны на образе женщины, как сексуального объекта. Женщина – это то, что мужчина может «потреблять», женщина рассматривается как инструмент для удовлетворения потребностей мужчины.

Ср.: англ. *cheese, sugar, candy*; русск. *булочка, конфетка, шоколадка*.

Заключение

Проведенный сопоставительный анализ наименований лиц женского и мужского пола в субстандартной лексике английского и русского языков позволил нам сделать следующие выводы. Метафора является основным способом образования субстандарта в номинации мужчин и женщин в сопоставляемых языках. Выявленные лексические единицы имеют яркое оценочное значение.

В английском и русском языках метафорический перенос образуется по единым видам, но отличается своей продуктивностью. Самыми распространёнными метафорическими переносами в английском и русском языках представлены номинация мужчины и женщины через образы животных, предметов быта.

Таким образом, несмотря на то, что многие метафоры, с помощью которых обозначаются мужчины и женщины, по существу, похожи, их образы представлены в субстандартной лексике сопоставляемых языков неравнозначно.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М.: Просвещение, 1966. 302 с.
2. Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 608 с.
3. Быков В.Б. Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта. Автореф. ... к. филол.н. М., 2001. 30 с.
4. Гальперин И.Р. О терминологии «Сленг» / Ахманова С.О., Н.А. Баскаков // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 107–114.
5. Горошко Е.И. Пол, гендер, язык // Женщина. Гендер. Культура. М.: МЦГИ, 1999. С. 98–110.
6. Кирилина А. В. Гендер и язык. М.: Языки славянских культур, 2005. 624 с.
7. Кирилина А.В., Томская М.В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 3–4.
8. Лакофф Дж. Женщина, огонь и опасные предметы: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуговского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.
9. Лысикова И.В., Файзиева Г.В. Генезис проблематики гендерных исследований в лингвистике // Вестник Калынского университета. № 1(57). 2023. С. 59–65.
10. Рябичкина Г. В., Метельская Е. В. Словарь субстандартной лексики (жаргон, арг, сленг) русского и английского языков. Астрахань: Изд. Сорокин, 2011. 156 с.
11. Хакимова Е. М. Лексический субстандарт в функциональном аспекте // Вестник ЮУрГУ. 2012. № 25. С. 86–92.

References

1. Apresyan Yu.D. Idei i metody sovremennoi strukturnoi lingvistiki [Ideas and methods of modern structural linguistics]. Moscow, Prosveshchenie, 1966, 302 p. (In Russ.).
2. Blumfil'd L. Yazyk [Language]. Moscow, Progress, 1968, 608 p. (In Russ.).

3. Bykov V.B. Leksikologicheskie i leksikograficheskie problemy issledovaniya russkogo substandarta [Lexicological and lexicographic problems of the study of the Russian substandard]. PhD dissertation abstract. Moscow, 2001, 30 p. (In Russ.).
4. Gal'perin I.R. O terminologii «Sleng» [About the terminology "Slang"]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 1956, no. 6, pp. 107-114. (In Russ.).
5. Goroshko E.I. Pol, gender, yazyk [Gender, gender, language]. *Zhenshchina. Gender. Kul'tura*. Moscow, MTsGI, 1999, pp. 98-110. (In Russ.).
6. Kirilina A. V. Gender i yazyk [Gender and language]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2005, 624 p. (In Russ.).
7. Kirilina A.V., Tomskaya M.V. Lingvisticheskie gendernye issledovaniya [Linguistic Gender Studies]. *Otechestvennye zapiski*. 2005, no. 2, pp. 3-4. (In Russ.).
8. Lakoff Dzh. Zhenshchina, ogon' i opasnye predmety: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Woman, fire and dangerous objects: what the categories of language tell us about thinking]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004, 792 p. (In Russ.).
9. Lysikova I.V., Faizieva G.V. Genesis problematiki gendernykh issledovaniy v lingvistike [The Genesis of Gender Studies in Linguistics]. *Vestnik Kalym'skogo universiteta*. No. 1(57), 2023, pp. 59-65. (In Russ.).
10. Ryabichkina G. V., Metel'skaya E. V. Slovar' substandartnoi leksiki (zhargon, argo, sleng) russkogo i angliiskogo yazykov [Dictionary of substandard vocabulary (jargon, slang, slang) of Russian and English]. Astrakhan'; Sorokin, 2011, 156 p. (In Russ.).
11. Khakimova E. M. Leksicheskii substandart v funktsional'nom aspekte [Lexical substandard in functional aspect]. *Vestnik YuUrGU*. 2012, no. 25, pp. 86-92. (In Russ.).

Информация об авторе

И.В. Лыскова – аспирант, кафедра английской филологии,
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева.

Information about the author

I.V. Lysikova – Postgraduate Student,
Department of English Philology,
Astrakhan State University V.N. Tatishcheva.

Статья поступила в редакцию 15.04.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

The article was submitted 15.04.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 20.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 69–81.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 69-81.

Научная статья

УДК 81'26

РОЛЬ ПОЛИКОДОВОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ КАЛАМБУРОВ В АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТСЕРИАЛА «THE EPIC TALES OF CAPTAIN UNDERPANTS»)

Александра Геннадьевна Неклюдова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
neklyudova95@mail.ru

Аннотация. Повышение производства аудиовизуальной продукции, появление новых способов её трансляции и, соответственно, развитие новых типов аудиовизуального перевода приводит к расширению рынка сферы этого вида перевода и росту его влияния. Однако при всём размахе практики аудиовизуального перевода работ по данной тематике в отечественной науке пока не так много. Одним из самых значительных и многообещающих векторов исследований является поликодовая природа аудиовизуального произведения, в рамках которого оно перестаёт рассматриваться с точки зрения исключительно лингвистики. В данной статье эта характеристика изучается в контексте формирования, интерпретации и, главное, перевода каламбуров в детском мультсериале – контенте, одним из ключевых особенностей которого является насыщенность игрой слов и шутками. Автор показывает, что как все кодовые системы, все вербальные и невербальные составляющие, сливаются в неразрывное смысловое единство, а вытекающие из них ограничения на перевод действуют одновременно и в совокупности – хоть и с разной долей участия каждый раз. Чтобы верно «передать в другой язык и культуру» каламбур, переводчику необходимо проанализировать каждый компонент смыслового целого во взаимодействии с остальными компонентами. Если проигнорировать хоть один из них, распадётся весь смысловой конструкт. Неполно переведённый каламбур теряет комический эффект, разрывает логическое повествование и может даже исказить восприятие всего произведения. Все ограничения на перевод объединяет личность переводчика – внешние и внутренние факторы его рабочего состояния. Необходимо понимать, что успех перевода зависит не от количества наложенных рамок, а от умения переводчика в этих рамках действовать.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, поликодовость, перевод каламбуров, перевод под дубляж, личность переводчика.

Для цитирования: Неклюдова А.Г. Роль поликодовости при переводе каламбуров в аудиовизуальном произведении (на материале мультсериала «The epic tales of captain underpants») // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 69–81.

Original article

THE ROLE OF POLYCODING IN TRANSLATION OF PUNS IN AUDIOVISUAL PRODUCT ON THE BASIS OF THE CARTOON SERIES «THE EPIC TALES OF CAPTAIN UNDERPANTS»

Alexandra G. Nekludova

Perm State University, Perm, Russia, neklyudova95@mail.ru

Abstract. The increase of audiovisual content production, appearing of new ways of its broadcast, and, logically, development of new types of audiovisual translation cause this translation sphere expansion and its stronger influence. However, for all this impressive scope of audiovisual translation practice, in Russia the number of research dedicated to it could be higher. One of the most significant and perspective directions is a polycoding nature of an audiovisual product which is not already analyzed exclusively from the point of view of linguistics. In this article the characteristic is studied in the context of forming, interpretation, and, particularly, translation of puns from a cartoon series, because one of the key features of this type of content is abundance of puns and jokes. The author shows that all code systems, all verbal and nonverbal components, merge into a dissoluble semiotic unit as well as all translation restrictions resulted from them act simultaneously and in aggregate. Although the extent of each one participation is different every time. In order to render a pun into other language and culture, translator must analyze every semiotic component not individually and one by one, but as a result of their interaction. If he/she ignores even one component, the whole semiotic construction will be destroyed. Incompletely translated pun will lose its comic effect, break the narration logic, and even can distort the understanding of a whole story. All translation restrictions are united by the individuality of translator, that is, both external and internal factors of their working state. It is necessary to understand that the success of translation does not depend on the number of restrictions, it depends on the skill of translator to work under and in spite of these restrictions.

Keywords: audiovisual translation, polycoding, pun translation, dubbing, translator individuality.

For citation: Nekludova A.G. The role of polycoding in translation of puns in audiovisual product on the basis of the cartoon series «The Epic Tales of Captain Underpants». Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:69-81. (In Russ.).

Введение

Общемировые затраты на производство развлекательного контента растут из года в год, причём размах развития этой сферы уже измеряется даже не в миллиардах, а триллионах долларов. По прогнозам ежегодного обзора всемирной индустрии развлечений и медиа (Global Entertainment and Media Outlook), которое проводит международная аудиторская компания Pricewaterhouse Coopers (PwC), несмотря на ощутимый спад в 2020 г. из-за пандемии, положение дел за пару лет выровнялось, и к 2026 г. оборот средств должен составить около трех триллионов долларов [Perspectives from the Global Entertainment, Media Outlook 2022–2026... эл. р.].

Объёмы аудиовизуальной продукции, которая занимает более половины исследуемых в этом обзоре медийных секторов, уже давно превысили спрос потребителей и до сих пор продолжают расти, а соответственно, расширяется и рынок аудиовизуального перевода. Несмотря на уход большей части западных компаний из-за санкций, российский рынок перевода быстро восстанавливается за счёт незападного контента (Китай, Турция, Корея, Бразилия, Индия и т. д.).

В плане определения терминологии мы в нашем исследовании отдаём предпочтение термину «аудиовизуальный перевод» (далее АВП) и согласны с предложением Р.А. Матасова считать этот термин гиперонимом по отношению к термину «кино/видео перевод» [Матасов 2009: 7]. Наш выбор можно аргументировать развитием в последние годы новых видов контента с трансляцией на самых разных площадках (социальные сети, стриминговые платформы и т. д.) и, соответственно, новых типов АВП, который к настоящему моменту уже включает перевод не только кино- и видеопродукции, но и перевод манипулятивных аудиовизуальных сообщений (новости, реклама), аудиовизуальную локализацию видеоигр,

аудиодескрипцию (лаконичное описание происходящего на экране для слабовидящих), создание субтитров для слабослышащих, локализацию виртуальной, дополненной реальности и т. д. Всё вышесказанное обуславливает актуальность нашего исследования.

С увеличением объёма продукции и развитием новых типов аудиовизуального перевода данная сфера заявляет о себе всё громче и увереннее, и научный интерес к её теоретическому базису и потенциалу начал укрепляться в академической среде и проявляться во всё возрастающем числе исследований. Однако, как отмечает А.В. Козуляев, «основной проблемой большинства современных российских работ по тематике АВП является именно отход от анализа практической стороны работы аудиовизуальных переводчиков и стремление к теоретическому моделированию ситуации на основании частных допущений, вырванных из контекста целостной профессиональной деятельности» [Козуляев 2019: 29]. Наше исследование посвящено анализу перевода каламбуров в детском мультсериале, выполненном ранее самим автором статьи, и изучению роли поликодовости в их формировании, интерпретации и возможности передачи в принимающую культуру.

Основная часть

Несмотря на то, что количество исследований по тематике АВП продолжает неуклонно расти, на внушительную их часть, как предупреждает Е.Д. Малёнова [Малёнова 2017: 34], до сих пор влияет *текстоцентрический* подход, в рамках которого аудиовизуальное произведение изучается с точки зрения исключительно лингвистики. Однако в последние годы всё же наблюдается постепенный возврат к взглядам Московско-Тартуской семиотической школы, которая рассматривала кинотекст, не как лингвистическое, а как семиотическое понятие.

Авторы современных исследований [Матасов 2009; Корячкина 2015; Кустова 2015; Козуляев 2019 и другие] уже не пытаются отнести язык аудиовизуального произведения только к устной или только к письменной речи, а выводят их в *отдельный* тип речи, который обладает свойствами и устной, и письменной речи, но не сводится ни к одной из них. Обратившись к работам зарубежных учёных, у которых, стоит признать, разработанность теоретического базиса АВП сейчас намного глубже, чем в отечественной науке, мы видим, что эту особенную характеристику обозначают термином «искусственная устность» или «псевдоустность» (*prefabricatedorality*): «мы имеем дело с необычным устным типом речи, чья спонтанность и естественность на самом деле достигается путём тщательного планирования» [Baños-Piñero, Chaume 2009... эл. р.]. Данная характеристика логично присуща и сценарию аудиовизуального произведения. Получается, что при переводе «псевдоустность» языка оригинала передаётся средствами «псевдоустности» языка перевода, а переводчика в таком случае можно назвать «вторым сценаристом», который не переводит, а, скорее, *воссоздает* диалоги аудиовизуального произведения в псевдоустном речевом регистре языка перевода таким образом, чтобы реципиент воспринимал их как реалистичные и естественные [Сергеенков 2015; Baños-Piñero, Chaume 2009; Zabaldebeascoa 2008;]. Как можно более точная имитация этого устного разговорного стиля является «ведущей тенденцией» в современном аудиовизуальном переводе [Корячкина 2015: 95].

Аудиовизуальный перевод в псевдоустном речевом регистре выполняется в *письменной* форме, но предназначен для *устного* воспроизведения. Он не может считаться законченным, пока его не озвучат актеры, и не наложат на видеоряд в устном формате (перевод под закадровое озвучивание, дубляж), в графическом формате (субтитры) или особом устно-графическом формате (виртуальная, дополненная реальность). Информация поступает к реципиенту через множество сенсорных каналов и в виде различных кодовых систем, то есть

аудиовизуальное произведение по своей сути обладает поликодовостью (мульти-модальностью). Этой отличительной характеристике уделяется основное внимание в работах западноевропейской переводческой школы: аудиовизуальное произведение по своей природе мультимодально, поскольку и для его создания, и интерпретации необходимо обращение к целому ряду семиотических кодов – и вербальных, и невербальных, как пишет Л.П. Гонзалез [Pérez-González 2011: 13]. Информация передаётся реципиенту по четырем каналам: вербальному аудиальному (звучащая речь), невербальному аудиальному (шумомузыкальный ряд), вербальному визуальному (надписи), невербальному визуальному (видеоряд, кинесика). Комплексному пониманию всего множества кодов способствует их «единая смысловая направленность» и «единая коммуникативная цель» [Кустова 2015: 281].

На основе взаимодействия различных кодовых систем и синтезируемых ими смыслов и должна строиться стратегия перевода аудиовизуального произведения. К. Райс ещё в 1971 г., тоже назвав аудиовизуальное произведение мультимодальным, поставила вопрос о создании отдельного подхода к переводу подобного контента [Reiss 1971]. Любое аудиовизуальное произведение, вне зависимости от жанра, призвано оказать на реципиента конкретное воздействие, которое создаётся только через весь комплекс информационных потоков [Chaume 2012]. Переводчик не может «выполнить коммуникативную цель» и вызвать планируемый отклик у зрителей из принимающей культуры, концентрируясь на каком-то одном компоненте произведения, например, вербальном, как полагали авторы ранних отечественных исследований по АВП.

Невербальная составляющая, в частности, видеоряд, напротив, занимает главенствующее положение по отношению к произносимой вербальной. Это положение доказали в ходе исследования представители барселонской школы аудиовизуального перевода. Результаты эксперимента показали, что при просмотре художественного аудиовизуального произведения около двух третей внимания и перцептивной деятельности уходит на дешифровку визуального потока, и лишь треть – вербально-текстового [Remael, Orero, Carroll 2012]. При этом нужно понимать, что визуальный контекст, равно как и шумомузыкальный, неизменен как в исходнике, так и в переводе, переводчик не в силах его изменить и обязан учитывать, а часто даже *подчиняться*. Шумомузыкальная и визуальная составляющая могут диктовать переводчику, как строить свой перевод, противоречить им или игнорировать транслируемые ими смыслы он не имеет права.

В данной статье мы хотели исследовать поликодовость аудиовизуального произведения на примере каламбуров, определить какую роль она играет при формировании, интерпретации и переводе оных под дубляж.

В науке до сих пор нет единого и однозначного понимания термина «каламбур». Одни учёные приравнивают его к «игре слов» [Влахов, Флорин 1980; Галь 2016], другие разводят эти понятия [Сазонова 2004]. В этом исследовании мы придерживаемся мнения о том, что эти термины – синонимичны. Согласно «Большой советской энциклопедии», каламбур – это «стилистический оборот речи или миниатюра определённого автора, основанные на комическом использовании одинакового звучания слов, имеющих разное значение, или сходно звучащих слов или групп слов, либо разных значений одного и того же слова или словосочетания» [БСЭ... эл. р.]. Передача этого стилистического приёма на язык перевода является, пожалуй, одной из самых сложных задач для переводчиков. Этот насущный вопрос не могла обойти, например, легендарная переводчица и редактор Н.И. Галь в своей книге «Слово живое и мертвое». Она писала, что каламбур необходимо выдерживать в «духе» произведения, которое переводится в данный момент. Каламбур должен быть естественным продолжением речи персонажа и передан элементами, присущими конкретно ему/ей [Галь

2016]. Главной целью использования каламбура является создание комического эффекта, который он вызывает, будучи одной из форм лудической языковой деятельности. А фактором, обеспечивающим каламбуру успех, оказывается «непредсказуемость того или иного звена в цепи речи» [Иванова 2016: 122]. Данный эффект неожиданности в каламбуре аудиовизуального произведения может основываться и на лингвистических, и экстралингвистических особенностях произведения, которые накладывают ограничения на перевод.

Г. Готтлиб выделил три группы ограничений, с которыми можно столкнуться в процессе перевода каламбура в аудиовизуальном произведении: 1) языковые, проистекающие из специфики исходного и переводящего языков; 2) медийные, связанные с аудиальным и визуальным информационными потоками; 3) человеческие, идущие от самого переводчика, его опыта, творческого потенциала и навыков [Gottlieb 1997: 219]. Г. Готтлиб рассматривал данные ограничения на примере каламбуров в субтитрах, однако, мы считаем, что все они присущи в том числе каламбурам в переводе, который накладывается на видеоряд в устном формате. Однако к ним необходимо добавить четвёртую группу ограничений, связанных с процессом укладки: в дубляже, в частности, реплики в переводе должны звучать ровно столько, сколько они звучат в оригинале, и совпадать с видеорядом и артикуляцией персонажей. То есть текст создаётся таким образом, чтобы актер при озвучивании успевал произнести реплики вместе с персонажем, чтобы он был уложен по артикуляции (в липсинге) или совпадать по слоговым смыкам («упрощённая» дубляжная укладка, практикуемая для анимационного контента), и чтобы он соответствовал невербальным составляющим (видеоряду, шумомузыкальному ряду).

В силу одновременности развертывания разных информационных потоков, задействования и слухового, и зрительного рецептивного канала, игнорировать ту или иную составляющую смыслового единства – значит, разорвать логическое повествование произведения и нарушить целостность его восприятия. Исследуем все группы ограничений перевода каламбуров в аудиовизуальном произведении на примере перевода под дубляж детского мультсериала. Огромное значение при переводе мультсериалов имеет «искусственная вселенная», в которой происходит действие произведения, и знание её свойств и законов её существования, а также фигурирующих и упоминаемых из сезона в сезон персонажей: их внешние характеристики, личностные характеристики, прошлое, убеждения, надежды и т. д. – от чего зависит их язык и особенности языкотворчества. Непонимание «вселенной», тенденций развития ее персонажей и истории, в целом, может привести к искажению произведения в языке перевода. Поэтому переводчику нужно быть готовым к тому, что информации придётся обрабатывать и анализировать очень много, в том числе в силу того, что создатели детских мультсериалов, как правило, стараются сделать свою игровую вселенную как можно более разнообразной, необычной и детальной, поскольку игра является основным средством познания мира у их целевой аудитории – детей.

Одной из ключевых характеристик такого контента оказывается его насыщенность разнообразными аллюзиями, неологизмами, каламбурами, шутками и т. д. И мало какой мультсериал может сравниться по количеству шуток, основанных на игре слов, с американским мультсериалом «The Epic Tales of Captain Underpants» (Эпические истории капитана Подштанника). На русский язык его переводила студия локализации «Кириллица» по заказу телеканала СТС Kids. Первоисточник мультсериала – серия иллюстрированных детских романов, написанных американским писателем и иллюстратором Дэвидом Пилки. В серии 12 книг, которые были переведены более чем на 20 языков и проданы по всему миру тиражом более 80 миллионов экземпляров. В 2017 г. кинокомпания «Dream Works

Animation» сняла по мотивам книг полнометражный мультфильм «Капитан Подштанник: Первый эпический фильм», который заслужил позитивные отзывы критиков и зрителей. А в 2018–2020 гг. компания выпустила 4 сезона сериала, которые транслировались на стриминговой платформе Netflix.

В центре сюжета два закадычных друга, Джордж Бирд и Харольд Хатчинс, возрастом примерно десяти лет, и злобный и глупый директор их школы мистер Крупп, которого пара шалопаев однажды случайно научилась гипнотизировать в супергероя капитана Подштанника – центрального и любимого персонажа комиксов их собственного сочинения. Каждую серию друзья из-за своего неуёмного любопытства, жажды приключений, тяги к экспериментам и абсолютного отсутствия страха и дальновидности попадают в неприятности, сражаются с чудными монстрами и спасают свою родную школу, город и даже мир, поскольку очень часто их приключения грозят закончиться концом света.

Каждую серию Джордж и Харольд придумывают новый комикс, злодеи из которых по самым разным причинам всё время появляются в реальной жизни и создают водоворот событий, затягивающий в себя всех персонажей. Вселенная мультсериала построена по абсурдным законам, каждая история развивается по абсурдной логике, и каждый персонаж (особенно злодеи) абсурден до нелепости: директор принимает ванны с гуакамоле и смывает в унитазе негодных ему сотрудников; у одноклассника Джорджа и Харольда в подмышках растут овощи, а одноклассница – «очеловеченная» обезьяна; дети делают вручную подкопы на километр глубиной для секретных встреч, наделяют речью животных и играют в волейбол пчелиными гнездами; здесь есть ручной вай-фай, завуч, умеющий превращаться в звезду, и мускулистая белка, которая просто от скуки спасла человечество от гибели. В общем, это *детская* вселенная, которая могла родиться в недрах только детской фантазии – ведь источником и причиной всех историй является воображение и комиксы Джорджа и Харольда. Всё начинается с них. Это вселенная, где все возможно, где нет физики, логики и прочих «докучливых», «занудных» законов и правил. Каждое новое явление, каждый персонаж, предмет – а их несчётное количество – облачается в уникальную и красочную словесную и визуальную форму. Поэтому, чтобы верно передать дух этого мира в принимающую русскую культуру, переводчику в первую очередь необходимо осознать весь накал его нелепости, окунуться с головой в абсурд историй, граничащий с безумием, расширить границы собственной фантазии до неожиданных пределов, можно сказать, вернуться ментально в своё прошлое детское «я», воображение которого не знало пределов.

Кроме того, необходимо понять, что абсурд, парадокс, ирония – это первооснова юмора, фундамент шуток в этом мультсериале, и чтобы их перевести, нужно обладать чувством юмора и, кстати говоря, недюжинными познаниями в американской истории и культуре, к которым делаются бесчисленные отсылки. Причём в большинстве случаев имя, название или формулировка упоминаемых личностей, локаций, предметов, выражений и т. д. намеренно искажается с целью создания комического эффекта, из-за чего узнать ту или иную отсылку было бы невозможно без фоновых знаний (впрочем, небольшую помощь потенциальным переводчикам мультсериала оказали составители скриптов серий: некоторые аллюзии снабжались комментариями-подсказками). Всё вышесказанное можно назвать человеческими ограничениями третьей группы по классификации Г. Готлиба. Если бы переводчик не разбирался в исходной культуре, не понимал юмора, не был готов работать более воображением, чем разумом, и, разумеется, не обладал достаточным опытом в АВП (подобный контент был бы не под силу начинающему переводчику), то не только каламбуры и шутки мультсериала, но всё произведение, в целом, оказалось бы потерянным для принимающей русской культуры, несмотря на фактическое наличие перевода.

Перейдём с общих на более частные наблюдения и обратимся к каламбурам, на примере которых изучим, как взаимодействуют кодовые системы, и какие ограничения они накладывают на перевод (сезон 3, серии 2, 3; сезон 4, серия 3).

В 3 сезоне действие происходит в лагере, где класс Джорджа и Харольда проводит летние каникулы. Во 2 серии 3 сезона мальчики пытаются всеми силами выпроводить злобного директора Круппа и его глупых помощников Минеров, которые отравляют им весь отдых. С Минерами им предлагает помочь одноклассница Эрика, не по годам умная девочка, которая любит вести себя, как шпионка. В частности, в начале исследуемой сцены она неожиданно посреди разговора мальчиков спускается откуда-то с потолка на веревке. Далее мы наблюдаем следующий диалог.

Таблица 1. Оригинальный диалог из 2 серии 3 сезона «Эпических историй капитана Подштанника»

Персонаж	Текст реплик
ERICA	I've been pretending to be a foreign company all day to mess with Krupp. What else can you do around here? As for the Meaners, I've got their number.
GEORGE	Seven?
HAROLD	Twelve?
ERICA	It's a figure of speech.
HAROLD	Is the figure fifty-four?
GEORGE	Is the figure thirty-two?
ERICA	It's a figure of speech.
HAROLD	Is the figure twenty-eight?
GEORGE	Is the figure thirty-nine?
ERICA	It's a figure of speech.
HAROLD	Six hundred and five?
GEORGE	Is it ninety-two?
ERICA	It's a figure of speech.
GEORGE	Seven?
HAROLD	Twelve?

В диалоге находятся даже два каламбура. В первом случае обыгрывается прямое и переносное значение фразеологизма «to get someone's number» (досл. заполучить чей-то номер; перен. разобраться в характере человека, обнаружить его слабости). Каламбур подкрепляется видеорядом (медийное ограничение): Эрика держит в руке телефон, с которого названивала директору Круппу, чтобы его разыграть. Мальчики понимают фразеологизм буквально и поэтому начинают перечислять числа, им интересно, что за номер (number) у Минеров. Эрика отвечает, что её слова – это «фигура речи». Однако слово «figure» в английском языке обладает несколькими значениями, включая значение «число» – это синоним слова «number». Поэтому Джордж и Харольд продолжают угадывать числа. С каждым новым предположением снова заявляет о себе невербальная составляющая диалога: выражение лица у Эрики становится всё более раздражённым, а у мальчиков – недоумённым. Перед нами пример каламбуров, чья актуализация происходит, по большей части, вербально. Визуальная составляющая играет в них второстепенную роль, «поддерживает» игру слов. Однако в рамках быстрого диалога на перевод оказывает давление ограничение по укладке текста под дубляж.

Числительные в английском языке звучат на порядок короче, чем в русском. Перевод двузначных и трехзначных чисел не влезает во время произнесения реплик в оригинале. Сокращение числа до более простых или однозначных на протяжении всего диалога сделало бы его алогичным в контексте угадывания номера телефона. К тому же, диалог построен по кольцевой композиции, которая несёт на себе определённую долю юмора сцены: начинается с чисел «Seven? Twelve?» и через продолжительное перечисление ими же и завершается – мальчики остаются в крайнем недоумении.

В игру вступают и языковые ограничения: в русском языке выражению «to get someone's number» нет эквивалента-фразеологизма, включающего бы смысловую единицу «чисел». Добавление пояснений, как это часто практикуется в письменном переводе, невозможно в переводе аудиовизуальном, поскольку мы ограничены временем произнесения реплики, её артикулированием и видеорядом. Так что и приём описания, который делает текст перевода более пространным, не подходит: пока актёр зачитывал бы длинную, включающую в себя все смыслы оригинала, реплику, уже началась бы новая сцена. А если оформить примечание графически, в виде субтитра, например, то его чтение снизило бы необходимое воздействие на зрителя, которое должно быть *немедленным*. В случае с «figure of speech» мы имеем полное совпадение, у нас существует точно такое же выражение «фигура речи», однако у слова «фигура» нет значения «числа».

Итак, мы не можем использовать числительные из-за языкового ограничения и ограничения по укладке, но должны в силу видеоряда оправдать наличие телефона у Эрики и яркие реакции всех троих персонажей на протяжении диалога и особенно в его конце. Поэтому переводчик обращается к принципу свободы творчества в заданных рамках. Как писали С. Влахов и С. Флорин, «в очень многих случаях, когда нет возможности путём «пословного» перевода достаточно чётко передать «каламбурность» сочетания, переводчик не переводит тот оборот, который даётся ему автором подлинника, а создаёт свою игру слов, близкую, напоминающую по тем или иным показателям авторский каламбур, но свою, создаваемую иногда на совсем иной основе и проводимую совсем другими средствами» [Влахов 1986: 166]. Принято решение сохранить выражение «фигура речи» – в целом, оно не характерно для речи десятилетних детей, но присуще речи конкретно Эрики, развитой не по годам девочки. Но первый каламбур и актуализацию второго необходимо изменить.

Фразеологизму «to get someone's number» существует эквивалент «раскусить человека», который в буквальном значении вызывает комический эффект. От числительных в последующем диалоге мы отказываемся, однако, обыгрываем несколько значений слова «фигура». Во-первых, добавляем значение «телосложения», а во-вторых, сохраняем «математичность»: заменяем числа на геометрические фигуры. В результате получаем следующий перевод.

Таблица 2. Перевод диалога из 2 серии 3 сезона
«Эпических историй капитана Подштанника»

Персонаж	Текст реплик
ЭРИКА	Я весь день притворялась иностранным продавцом, чтобы взбесить Круппа. Что ещё тут делать? Что до Минеров, я их <i>раскусила</i> .
ДЖОРДЖ	<i>Насквозь?</i>
ХАРОЛЬД	<i>Зубами?</i>
ЭРИКА	Это <i>фигура</i> речи.
ХАРОЛЬД	А какая у них <i>фигура</i> ?
ДЖОРДЖ	Они очень <i>упитанные</i> .
ЭРИКА	Фигура речи.
ХАРОЛЬД	Типа как круглая?
ДЖОРДЖ	Или квадратная?
ЭРИКА	Фигура <u>речи</u> .
ХАРОЛЬД	Ну так круглая?
ДЖОРДЖ	Или квадратная?
ЭРИКА	Фигура речи.
ДЖОРДЖ	Овал?
ХАРОЛЬД	Треугольник?

Мы даже сохраняем кольцевую композицию оригинального диалога. В переведённом диалоге нет обоснования наличия телефона, однако, мы считаем, что его упоминания в первой реплике Эрики, в которой она говорит, что названивала Круппу, вполне достаточно для логики повествования. Хотя стоит признать, что эта небольшая часть смысла всё же теряется при переводе.

Переходим к следующим примерам. Любопытно, что каламбуры из 3 серии 3 сезона и 3 серии 4 сезона можно объединить на основании того, что в них обыгрывается один и тот же фразеологизм «run/drive something/someone into the ground» (досл.: заездить что-либо в землю, довести кого-либо до земли; перенос.: использовать что-либо до последнего, пока не сломается/износится), и он изменяется по одной и той же схеме: в силу сюжета в обоих выбранных сценах фигурирует лошадь / конь, и поскольку в английском языке выражение «ездить на лошади» («ride a horse») неизменяемая коллокация, глагол во фразеологизме заменяется под эту деталь. Однако перевод у этих каламбуров – разный. Вербальная составляющая – одинакова в обоих случаях, тем не менее, и там, и там доминирующее положение занимают уже *невербальные* компоненты, и разная информация, транслируемая кодами, делает разными итоговый смысл. Разберём каждый каламбур по-отдельности.

В 3 серии 3 сезона мистер Крупп устраивает для детей соревнование, а призом в нём объявляет некую коробку с секретом, которая первая попалась ему под руку, пока он пытался найти, чем замотивировать участников. Что находится внутри этой коробки, он и сам не знает, и когда приходит время вручить приз победителю, Крупп в силу своей жадной натуры передумывает её отдавать. Рассказчик – важный персонаж в мультсериале, чей голос за кадром комментирует происходящее в сериях – произносит следующую реплику.

Таблица 3. Оригинальная реплика из 3 серии 3 сезона
«Эпических историй капитана Подштанника»

Персонаж	Текст реплик
NARRATOR	That's when Krupp realized the mystery box was a <i>winning horse</i> . And when you've got a winning horse, you <i>ride it into the ground</i> .

В первой реплике мы видим устойчивое выражение «a winning horse» (животное, вещь или человек, которые одержали победу в чём-либо и сулят великие свершения в будущем, и в то же время являются призом), которое и вводит смысловую единицу «коня / лошади» и задаёт преобразование фразеологизма в следующем предложении. На экране мы наблюдаем, как от крупного плана призового кубка камера переходит на общий план, на котором мистер Крупп, держа кубок в руке, гордо восседает на коне, стоящем в выкопанной яме. Причём картинка – статична, единственное, что на ней двигается, это глаза моргающего коня. Обыгрывается прямое и переносное значение, и актуализацию данный фразеологический каламбур получает за счёт *визуальной* составляющей. На перевод накладывается медийное ограничение: необходимо передать не только смысл «приза», «чего-либо выигрышного», но и обосновать появление коня на экране и того факта, что конь стоит в яме – причём в идеале каламбуром, тоже играющим прямым и переносным значением. В русском языке нет эквивалента-фразеологизма выражению «run/drive some thing in to the ground», а стратегия «пословного» перевода («заездить победившую лошадку до земли», «въехать на победившей лошади в землю») привела бы к потере «каламбурности» и, в целом, к бессмысленности реплики. Перевести обще, например, «держаться за приз до последнего», означало бы снова потерю игры слов и, что ещё важнее, несоответствие видеоряду. У зрителей невольно возник бы вопрос, а причём тут конь и яма. К медийному ограничению добавляется языковое. В результате выбран следующий перевод.

Таблица 4. Перевод реплики из 3 серии 3 сезона
«Эпических историй капитана Подштанника»

Персонаж	Текст реплик
РАССКАЗЧИК	Тогда до Круппа вдруг дошло, что коробка была <i>ценным трофеем</i> . И <i>чтоб ему провалиться</i> , если он с ней расстанется.

Разговорное выражение «чтоб мне провалиться» эмоционально насыщено и передаёт крайнюю степень как положительных реакций, вроде удивления, так и негативных, например, досада или раздражение. Добавив это словосочетание к кадру, где конь с седоком стоит в яме, куда они теоретически могли «провалиться», выходит его буквальное значение, за счёт чего и создаётся «каламбурность». А передаче смысловой единицы «конь» помогает, как ни удивительно, снова видеоряд: мы видим гордо восседающего на коне персонажа с призом в руках. Переводчик делает расчёт на то, что зрителям, глядя на экран, придёт в голову слэнговое выражение «быть на коне» (быть крутым, быть победителем), которое популярно среди молодежи. Требование совпадения при укладке слоговых смыслов в данном случае облегчается тем фактом, что голос звучит за кадром, и зритель не видит рта рассказчика. Таким образом, переданы все смыслы оригинала: конь, яма, приз, за который нужно держаться и ни за что не упустить, и подобран перевод, укладывающийся по времени произнесения оригинала.

А теперь изучим третий каламбур из 3 серии 4 сезона. Класс Джорджа и Харольда отправили в космос в рамках научного эксперимента. В выбранной серии корабль летит на поиски базы инопланетян, которые похитили одноклассника мальчиков, путь к ней должен занять целых три месяца, поэтому всю команду корабля, детей и школьный персонал погрузили в анабиоз. Джордж и Харольд просыпаются раньше времени и расценивают такое стечение обстоятельств, как отличную возможность повеселиться – поскольку все взрослые спят. В какой-то момент они решают разрисовать стекла криокапсул, в которых видно лицо спавшего внутри. Капсул – несколько десятков, и мальчики изукрасили все. Сидя у последней, они довольно хихикают, отдуваются от усталости, и Джордж произносит следующую фразу.

Таблица 5. Оригинальная реплика из 3 серии 4 сезона
«Эпических историй капитана Подштанника»

Персонаж	Текст реплик
GEORGE	Whew, we rode that horse into the ground.

После реплики следует мини-сценка, в которой оба мальчика верхом на лошади въезжают на бешеной скорости в землю. Важное отличие от предыдущего случая в том, что в этот раз мы видим не статику, а динамику: оба мальчика скачут галопом, конь громко ржёт, вокруг них клубы пыли, и мы наблюдаем не результат фразеологизма (конь уже в земле), а процесс (въезжают в землю). Поэтому вариант с глаголом «проваливаться» отпадает. Кроме того, подобные повторы при переводе, если только это не литературный приём, крайне нежелательны, это выдаёт скудость языкового запаса переводчика.

Оба случая использования фразеологизма разнятся ещё и тем, что во второй раз его действие направлено на одушевлённое лицо (мальчиков), в отличие от неодушевленного приза. В русском языке существует фразеологизм «довести до ручки», который в определённом контексте может стать эквивалентом оригинального выражения. Но несмотря на то, что русский фразеологизм имеет в том числе значение «довести кого-либо / себя до состояния крайней усталости», эта усталость является, скорее, душевной, то есть падает жизненный дух человека, а подобная негативная коннотация совершенно не подходит по

смыслу для исследуемой сцены мультсериала, где мальчиков окутывает приятная усталость, а грудь распирает от чувства глубокого удовлетворения. К тому же, данное выражение абсолютно не согласуется с видеорядом (ручек в каком бы то ни было виде не показано).

Укладка в данном случае усложняется, поскольку теперь персонаж находится в кадре. Кроме того, реплика начинается с реакции – усталого вздоха, который чётко обозначен на видео. Несмотря на то, что оригинальная аудиодорожка полностью заглушается, и теоретически можно бы «удлиннить» текстовую часть реплики за счёт междометия, в дубляже подобное не практикуется. Одной из ключевых особенностей записи под дубляж является то, что все реакции (смех, вздох, крик и т. д.) должны отыгрываться, а значит, нужно вписываться в заданные оригиналом для текста временные рамки. Приёмы пояснения и описания сразу отпадают.

Мы снова сталкиваемся сразу с несколькими видами ограничений с доминирующим положением медийного, и снова решение подсказывает видеоряд. Получаем следующий результат.

Таблица 6. Перевод реплики из 3 серии 4 сезона «Эпических историй капитана Подштанника»

Персонаж	Текст реплик
ДЖОРДЖ	<i>(Выдыхает)</i> По проказам мы всех обскакали».

Глагол «обскакать» имеет переносное значение «обыграть», «опередить», «превзойти», он создаёт необходимую «каламбурность» в совокупности с видеорядом и несёт в себе обоснование появившегося коня. А то обстоятельство, что персонажи въезжают на скакуне в землю, не вызывает недоумения благодаря общему духу абсурда и извечной гиперболизации, к которым постоянно обращаются создатели мультсериала.

Заключение

В ходе нашего исследования мы выяснили, что язык аудиовизуального произведения, безусловно, является отдельным типом речи, обладающим свойствами устной и письменной речи, не сводимым однако ни к одной из них. Главными причинами такого выделения этого типа становятся две основные характеристики АВП: псевдоустность и поликодовость. Чтобы верно интерпретировать аудиовизуальное произведение, вызвать впоследствии планируемую авторами реакцию целевой аудитории и найти средства передачи заложенного смысла в псевдоустном регистре речи, аудиовизуальный переводчик должен анализировать информацию, поступающую от всех действующих в произведении кодовых систем, от всех вербальных и невербальных компонентов, составляющих неразрывное целое. Переводчик не переводит, а воссоздаёт аудиовизуальное произведение на языке перевода, из-за чего его часто и называют «вторым сценаристом».

Эксперименты западноевропейской переводческой школы доказали примат видеоряда над вербальной составляющей в ходе восприятия контента зрителями, но аудиовизуальный переводчик – зритель особенный (не зритель даже, а член команды создателей – «второй сценарист») и в силу своей профессиональной задачи – передачи произведения в другой язык и культуру – анализирует *все* информационные потоки, уделяя каждому компоненту одинаковый объём внимания. В ходе этого анализа мы видим, что несмотря на то, что в образовании смысла участвуют все кодовые системы, степень участия каждого кода разнится.

Мы провели исследование на примере каламбуров, однако, считаем, что сделанные выводы по процессу перевода относятся и к аудиовизуальному произведению, в целом. Ряд кодовых систем, а также сама личность переводчика, накладывает на перевод ряд ограничений: языкового, медийного, человеческого характера, а также «из требований укладки». Медийные ограничения занимают важное, а порой главенствующее положение, в силу неизменности

видеоряда и шумомзыкального ряда. Это данность, с которой приходится считаться. Ярким примером такого доминирования можно назвать каламбуры, чья актуализация происходит за счёт визуальной составляющей. Но при этом визуальный ряд может выполнять и поддерживающую роль. Укладка необходима для всех аудиовизуальных произведений, чей перевод накладывается в устном формате, различается только степень её строгости в зависимости от типа АВП. В дубляже она усложняется за счёт необходимости совпадения артикуляции и отыгрывания реакций. Языковые ограничения встречаются наиболее часто, но актуализация каламбуров также не может осуществляться только через вербальную составляющую. Все компоненты связаны между собой. Если убрать один, рассыплется весь конструкт. Кодовые системы и вытекающие из них ограничения всегда действуют в совокупности. Вербальное едино с невербальным, и вместе они создают требования для укладки. А все ограничения объединяет переводчик, который обладает навыком творить в налагаемых рамках. Однако мы не согласны с мыслью, что подобная уникальная ограниченность приводит к значительным потерям и неполноте результата такого вида перевода и даже часто – невозможности его осуществления. Следует рассматривать данные рамки не как препятствие, а как *вызов* творческому потенциалу переводчика. При таком количестве ограничений найти решение намного сложнее, но найти его – возможно. Главное ограничение производит не вербальная или невербальная составляющая, а личность переводчика: его опыт, готовность обрабатывать огромные объёмы информации, его умение анализировать материал всесторонне и его нацеленность идти до конца.

Список литературы

1. Корячкина А.В. Художественный (постановочный) кинофильм как дискурс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3 ч. Ч. III. С. 91–97.
2. Кустова О.Ю. Поликодовость текста как фактор стратегии перевода кинофильма // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 29 янв. 2015 г.) / редкол. О.Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 279–282.
3. Малёнова Е.Д. Теория и практика аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт // Коммуникативные исследования. 2017. № 2 (12). С. 32–46.
4. Сергеевков С.А. Киноперевод – взгляд за кулисы // Мосты. 2015. № 2 (46). С. 58–63.
5. Baños-Piñero R., Chaume F. Prefabricated Orality: A Challenge in Audiovisual Translation [Электронный ресурс] // inTRALinea Special Issue: The Translation of Dialects in Multimedia. URL: <http://www.intralinea.org/specials/article/1714> (дата обращения: 20.04.2023).
6. Zabalbeascoa P. The nature of the audiovisual text and its parameters / P. Zabalbeascoa // The Didactics of Audiovisual Translation / ed. by J. Díaz-Cintas. 2008. P. 21–37.
7. Audiovisual Translation and Media Accessibility at the Crossroads: Media for All 3 / ed. by Aline Remail, Pilar Orero, Mary Carroll. Hague: Rodopi, 2012.
8. Chaume F. Audiovisual Translation: Dubbing // Translation Practices Explained series. Routledge: London, 2012. 235 p.
9. Gonzalez L.P. Audiovisual Translation // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 2011. P. 13–20.
10. Gottlieb H. You got the picture? On the polysemiotics of subtitling wordplay // Traductio: essays on punning and translation / ed. D. Delabastita. Manchester, 1997. P. 207–232.
11. Reiss K., Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen. - Munich: Hueber, 1971. 124 p.
12. Perspectives from the Global Entertainment & Media Outlook 2022-2026. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/tmt/media/outlook/outlook-perspectives.html> (дата обращения: 20.04.2023).

References

1. Koryachkina A.V. Khudozhestvennyi (postanovochnyi) kinofil'm kak diskurs [Artistic (staged) film as a discourse]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, 2015, no. 3 (45), part. III, pp. 91-97. (In Russ.).
2. Kustova O.Yu. Polikodovost' teksta kak faktor strategii perevoda kinofil'ma [Polycode Text as a Factor of Film Translation Strategy]. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy: ot teorii k praktike*. Cheboksary, TsNS «Interaktiv plus», 2015, pp. 279-282. (In Russ.).
3. Malenova E.D. Teoriya i praktika audiovizual'nogo perevoda: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt [Theory and practice of audiovisual translation: domestic and foreign experience]. *Kommunikativnye issledovaniya*. 2017, no. 2 (12), pp. 32-46. (In Russ.).
4. Sergeenkov S.A. Kinoperevod - vzgljad za kulisy [Film translation - a look behind the scenes]. *Mosty*. 2015, no. 2 (46), pp. 58-63. (In Russ.).
5. Baños-Piñero R., Chaume F. Prefabricated Orality: A Challenge in Audiovisual Translation [Электронный ресурс] // inTRAlinea Special Issue: The Translation of Dialects in Multimedia. URL: <http://www.intralinea.org/specials/article/1714> (дата обращения: 20.04.2023).
6. Zabalbeascoa P. The nature of the audiovisual text and its parameters / P. Zabalbeascoa // *The Didactics of Audiovisual Translation* / ed. by J. Díaz-Cintas. 2008. P. 21–37.
7. *Audiovisual Translation and Media Accessibility at the Crossroads: Media for All 3* / ed. by Aline Rемаel, Pilar Orero, Mary Carroll. Hague: Rodopi, 2012.
8. Chaume F. *Audiovisual Translation: Dubbing* // Translation Practices Explained series. Routledge: London, 2012. 235 p.
9. Gonzalez L.P. *Audiovisual Translation* // Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London: Routledge, 2011. P. 13–20.
10. Gottlieb H. You got the picture? On the polysemiotics of subtitling wordplay // *Traductio: essays on punning and translation* / ed. D. Delabastita. Mancheste, 1997. P. 207–232.
11. Reiss K., *Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen*. - Munich: Hueber, 1971. 124 p.
12. *Perspectives from the Global Entertainment & Media Outlook 2022-2026*. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/tmt/media/outlook/outlook-perspectives.html> (дата обращения: 20.04.2023).

Информация об авторе

А.Г. Неклюдова – преподаватель,
кафедра лингвистики и перевода,

Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

A.G. Nekludova – Senior Lecturer,
Department of Linguistics and Translation,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 82–91.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 82-91.

Научная статья

УДК 811.581'255:[81'27+316.7]

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА И КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

Татьяна Дмитриевна Попкова¹, Фэн Вэнь²

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, tatyana3@mail.ru

² Российский университет дружбы народов, Китай, Циндао, 10422228133@pfur.ru

Аннотация. С позиции культурологии переводческий дискурс представляет собой сложный процесс сопряжения различных национальных культурных сфер (в нашем случае – кардинально отличающихся – китайской и русской), что требует особого внимания к интерпретации не только единиц текста, но в целом его содержания. Важность этого фактора для переводческого дискурса при анализе текстов и контекстовых структур китайского языка сегодня несомненна в связи с повышением интереса российских исследователей к современной и классической литературе Китая, а также необходимостью определения степени достоверности используемых источников в научно-исследовательских работах. В статье рассматривается влияние различий китайской и российской культур на стратегию перевода. Цель статьи состоит в анализе переводческой эквивалентности как основного показателя степени адекватности текста, полученного в результате перевода, первичному тексту. Авторы раскрывают национально-культурные различия двух языков, а также методы перевода, учитывающие различия в культурах двух стран, которые оказывают существенное воздействие на качество перевода. Использование комплексной переводческой экспликации позволяет объяснять значения слов в оригинальном тексте на примере традиционных для китайской культуры образов дракона и бамбука, широкая интерпретация которых раскрывает многообразие контекстов переводческого дискурса. Основные выводы исследования конкретизируют различие и сходство смысловых ассоциаций двух языков. Такой подход поможет лучше понять языковые особенности культуры обеих стран.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, национально-культурные различия, методы стратегии перевода, культура.

Для цитирования: Попкова Т.Д., Фэн Вэнь. Стратегии перевода и культурные различия (на материале китайского языка) // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 82–91.

Original article

TRANSLATION STRATEGIES AND CULTURAL DIFFERENCES (BY THE MATERIAL OF THE CHINESE LANGUAGE)

Tatyana D. Popkova¹, Feng Wen²

¹ Perm State University, Perm, Russia, tatyana3@mail.ru

² Peoples' Friendship University of Russia, China, Qingdao, 10422228133@pfur.ru

Abstract. From the point of view of cultural studies, translation discourse is a complex process of combining various national cultural spheres (in our case, radically different – Chinese and Russian), which requires special attention to the interpretation of not only the units of the text, but its content as a whole. This article examines the impact of differences between Chinese and Russian cultures on translation and translation strategies. The importance of this factor for the translation discourse in the analysis of texts and contextual structures of the Chinese language today is undoubtedly due to the increased interest of Russian researchers in modern and classical literature of China, as well as the need to determine the degree of reliability of the sources used in research works. The aim of the article is to analyse translation equivalence as the main indicator of the degree of adequacy of the resulting text to the primary text. The authors reveal the national-cultural and natural differences between the two languages, as well as their methods of translation, considering the cultural differences of the two countries, which have a significant impact on the quality of translation. The use of complex translation transformation explication makes it possible to explain the meanings of words in the original text on the example of dragon and bamboo images, which are traditional and typical for Chinese culture. The semantic meaning and interpretation of these images allow us to see the diversity of contexts translation discourse. The main findings of the study concretise the differences and similarities of the semantic associations of the two languages. Such an approach will help to better understand the linguistic features of the cultures of both countries.

Keywords: Chinese, Russian, national and cultural differences, methods of translation strategy, culture.

For citation: Popkova T.D., Feng Wen. Translation Strategies and Cultural Differences (by the material of the Chinese Language). Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:82-91. (In Russ.).

Введение

Культурная парадигма науки о переводе была разработана на рубеже XX–XXI вв. Её основные принципы были сформулированы в работах российских и зарубежных лингвистов (Н. Хомского, З. Харриса, Э. Хэппа, Э. Эндрюс, Е. Максимова, Л.С. Бархударова, В.Н. Комисарова, Т.А. Казакова и другие). Для практики и теории современного переводоведения характерен повышенный интерес к проблеме *моделирования* перевода, в лингвистической, коммуникативной структурной, деятельностной сферах. Это, в свою очередь, влияет на алгоритмы перевода и его когнитивных установок и, безусловно, связано с компетенциями переводчиков. А.Д. Швейцер, в частности, предлагает рассматривать перевод как *процесс межкультурной коммуникации*, в процессе которого на основе целенаправленного анализа исходного текста создаётся вторичный текст, заменяющий первичный в иной языковой и культурной среде: «Какой бы “лингвистичной” ни была теория перевода, она не может не обрастать междисциплинарными связями с науками, изучающими социокультурные, психологические и иные аспекты речевой деятельности» [Швейцер 1988: 13]. М. Бейкер указывает на повышение интереса в науке к саморефлексии, метаязыку и метатеориям: «Каждый язык предлагает нам немного другой угол зрения, и их соотношение даёт нам больше возможностей. Языковые различия как таковые можно рассматривать, как неотъемлемую часть способности понимать этот мир и взаимодействовать с ним» [Бейкер 2008: 7].

С позиции культурологии переводческий дискурс представляет собой сложный процесс сопряжения различных национальных культурных сфер (в нашем случае – кардинально отличающихся – китайской и русской), что требует особого внимания к интерпретации не только единиц текста, но в целом его содержания. Китайский исследователь Лоу Юйле подчеркивал, что «порядок определённого языкового контекста определяет природу понятий, а не оторванный от языкового контекста абстрактный анализ некоторых слов» [Лоу Юйле 2023: 54]. Ж. Делиль обосновал восемь культуроформирующих функций перевода, среди которых мы будем ориентироваться на одну: «культуроформирующий фактор перевода» [Delisle 2014: 37–60].

Важность этого фактора для переводческого дискурса при анализе текстов и контекстных структур китайского языка сегодня несомненна в связи с повышением интереса российских исследователей к современной и классической литературе Китая, а также необходимостью определения степени достоверности используемых источников в научно-исследовательских работах. «В современных реалиях особенно остро встаёт вопрос о необходимости выстраивания диалога между культурами и понимания архетипических представлений, заложенных в сознании человека и этнической общности» [Арекеева, Шустова 2023: 33].

Основная часть

В настоящее время усилился обоюдный интерес китайских и российских учёных к сопоставительному анализу лингво-культурологических единиц. Современная китайская теория перевода глубоко связана с традиционными культурными ценностями, этикой и эстетикой [Song, Wang 2004]. Подобный подход расширяет как теорию, так и практику переводческого дискурса. «Культура включает в себя все продукты, которыми пользуется человеческое общество<...> не только материальные вещи, такие как города, организации, школы, но и нематериальные вещи, такие как мысли, привычки, языки...» [Дэн Яньчан, Лю Жунцин 2006: 108].

Основной целью переводческой работы является «достижение достоверности и адекватности» текста перевода оригинальному тексту, соответствие языковым нормам, преодоление / конкретизация различий семантических лексем и фразеологизмов, а также грамматики и стилистики, точность передачи информации, заложенной в исходном тексте.

Исследуя значение устойчивых словосочетаний, выражаемых в конкретных образах, следует применять *нарративный подход*, который позволяет рассматривать конкретный культурный феномен в различных социокультурных контекстах: «Нарратив – это, неизбежным образом, языковая структура» [Серенков 2016: 380]. Помогает в переводческом процессе и использование *семиотического метода*, который позволяет раскрывать различные устойчивые фразеологизмы в российской и китайской культурах.

Обосновать сходство и различие символического значения объекта в процессе переводческих трансформаций позволяют методы исследования трех основных уровней языка: лексического, грамматического и комплексного (лексико-грамматический) [Комисаров 1990].

Влияние национально-культурных различий на перевод. В национальных языках отражаются реалии, которые проявлены в материальной культуре, ментальности, мировосприятии, мировоззрении, исторических контекстах, традициях: «Язык тесно связан с культурой, а вопрос о сопоставлении языков близок к вопросу о сопоставлении культур» [Бейкер 2008: 24]. Китайский и русский языки принадлежат к двум разным языковым семьям: русский язык принадлежит к славянским языкам индоевропейской языковой семьи, в то время как китайский язык относится к сино-тибетской (китайско-тибетской) языковой семье. Это выражается в различиях моделей мира двух культур и проявляется в специфике национальных семантических единиц. В ходе тысячелетнего развития сформировались национальные языковые культуры, которые значительно отличаются друг от друга, что создаёт специфические трудности в переводе (смысловые конструкции не являются эквивалентными). Как представляется, «культуры различных типов в процессе своего исторического развития обнаруживают множество отличительных черт, которые объясняются региональной, национальной дифференциацией и различием конкретных исторических процессов в государстве [Лоу Юйле 2023: 144].

Наиболее ярким выразителем языковых национально-культурных различий являются мифы и мифологические символы, в которых отражены ментальность, духовность, иррациональность мира. Изображение мира в устойчивых словесных символах разных народов характеризует идеалистическое сознание, отражающее познание мира, что «является в то же время соприкосновением с миром иным» [Флоренский 1994: 178]. Склонность народов к символическому отражению тех или иных явлений окружающего мира имеет в своей основе мифологическое мировоззрение, которое сформировалось «в силу способности и склонности людей поэтически смотреть на всё окружающее и метафорически приписывать одним объектам свойства других объектов» [Георгиевский 1892: V].

Культуры Китая и России различны, поэтому многие названия предметов, образов и символов, бытующие в языках двух стран, имеют неодинаковые значения.

Рассмотрим в качестве примера китайского дракона – древнейшего волшебного существа в мире, образу которого насчитывается 8000 лет. Дракон – воплощение доброго начала, энергии «ян». Прообразом дракона, считают первочеловека Пань-гу (盘古), который имел тело змеи, а голову дракона. Образ дракона тесно связан с космогонией. Словосочетание «дракон (державший во рту) свечу» (Джу-лунь – 烛龙) объясняло появление северного сияния; согласно мифологии, дракон освещал полярные страны. Источником ветра считался «дух-дракон» (Шэнь-лунь – 神龙). Пар, поднимающийся с поверхности земли и превращающийся в облака, символизировал взлетающих драконов Юнь-чи («облачного (безрогатого) дракона» – 云螭) и Юнь-ци «облачного (рогатого) дракона» – 云虬). Драконом, производящим дождь, называли Хэй-луня («черный дракон» – 黑龙). Управителями водных стихий – морей, рек, озер – выступали три дракона: Хуань-лунь («желтый дракон» – 黄龙), Цзао-лунь («змеевидный дракон» – 蛟龍) и Пань-лун («извивающийся дракон» – 盤龍).

Представления китайцев о духах-драконах как правителях земных вод, живущих в «особых дворцах, приличных правителям людей» [Георгиевский 1892: 49], послужило основанием для называния драконом (龍) Императора и, как следствие, образ мифического существа трансформировался в благородный и драгоценный символ Императора Древнего Китая. Здесь «усматривается аналогия между драконом, поднимающимся с земли до небес, и государем – «Сыном Неба» – стоящим превыше всех людей в империи» [там же: 52].

Образ дракона вошёл в перечень главных культурных символов Китая и стал нарицательным во многих речевых конструктах. Многие китайские идиомы связаны с образом дракона, например: 龙飞凤舞 («Дракон летит», «Феникс танцует») – так говорят о красивой каллиграфии, характеризуя стремительные движения руки и изысканный почерк мастера; 龙马精神 («Лошадь с духом дракона») – так характеризуют наличие у человека в старости сильного духа.

Слово «дракон» присутствует и в повседневной разговорной речи китайцев:

- в названиях разнообразных предметов, еды (например, водопроводных кранов, выполненных в виде дракона; 龙须面 – «лапши с драконьей бородой» – традиционного блюда провинции Шаньдун, тонкой и длинной лапши, которая действительно внешне напоминает бороду дракона);

- в названиях праздников, например, 龙抬头 – праздника «Лунтайтоу» – традиционного китайского фестиваля, который проводится во второй день второго месяца китайского календаря (название переводится как «Дракон, поднимающий голову») и символизирует начало сезона дождей; дракон считается божеством, отвечающим за дождь, который имеет большое

значение для сельского хозяйства); праздника начала лета «Двойная пятерка» (端午), который отмечается пятого числа пятого месяца; наиболее известное его название – «Праздник драконьих лодок»;

– в архитектуре и каллиграфии, на фресках и рекламных плакатах, в фольклоре и поэзии (например, 九龙壁 – «Стена девяти драконов» на территории императорского дворца Гугун в Пекине).

При переводе слова «дракон» на русский язык часто возникают разночтения, искажающие смысл символа. Например, выражение 亚洲四小龙 («четыре дракона в Азии») часто используется для описания четырех регионов Азии (Южной Кореи, Сингапура, Тайваня и Гонконга), которые развиваются наиболее быстрыми темпами. Однако для русского человека эта фраза оказывается малопонятна, так как при переводе на русский язык слово «дракон» традиционно переводилось как «тигр» [Лю Вэй 2003: 2].

В русской традиционной культуре есть несколько персонажей, которые выполняют аналогичные функции и которых при переводе на китайский язык нередко называют «драконами». Образы таких «драконов» в русской культуре столь же многообразны, как и в китайской. Важной особенностью этих существ является способность извергать огонь в случае нападения. Одним из таких древних славянских персонажей является многоглавое Чудо-Юдо, которое может выступать как в качестве положительного или отрицательного персонажа, так и олицетворять нейтральную силу. Пол Чуда-Юда мог меняться от мужского к женскому и даже среднему. Этот персонаж обладал способностью к регенерации – на месте отрубленной головы у него сразу же вырастала новая. Он жил на морском дне или за рекой Смородиной (воспринимавшейся в качестве границы между мирами живых и мертвых), которую можно перейти только по Калинову мосту; у него есть каменный дворец, в котором живут жены-колдуньи и мать-змеица. По мнению А.Н. Афанасьева, Чудо-Юдо символизировало мифического змея или дракона, олицетворявшего грозную тучу. Его полет ассоциируется с молнией, а когда он опускается на землю, то раздаются оглушительный гром и рассыпаются искры.

Другой вариант русского дракона – трехглавый (6, 9, 12-главый) огнедышащий Змей Горыныч, который во всех былинах выступает как несущий зло персонаж. Его жилище – горы, в пещерах которых он хранит сокровища – молодильные яблоки, живую воду; он владеет знаниями целебных и приворотных трав, а также охраняет вход в мир мертвых, а в некоторых легендах прячет царевну из «тридесятого царства» [Афанасьев 1995: 184]. В былинах XI в. описывается, как Змей Горыныч похищает красивых девушек, чтобы запугать народ. На юге Змея считали виновником засухи и пытались отогнать его.

В повседневной речи русских людей слово «дракон» практически не используется, так как данный персонаж является представителем злого начала; отсутствует этот образ и в народных поговорках и пословицах. Негативная оценка персонажа отражается в поучительной фразе «Если есть на свете дьявол, то не козлоногий рогач, а он дракон о трёх головах, и головы эти – хитрость, жадность, предательство». С трудом, но удалось найти пословицу о змее, напоминающей дракона: «Сваху лукавая – змея семиглавая» [Иллюстров 2019: 280].

Один из первых русских богатырей носил имя Горыня (Горыныч, Вернигора, Вергогор): это был горный великан, охраняющий тёмное царство, способный превращаться в Змея; он обладал необычной силой, был способен выворачивать из гор огромные камни и скалы, обрушивая их на своих неприятелей. Этимология имени Горыныч обнаруживается в словах «гореть» и «гора». Горыня – образ, олицетворяющий стихию природы.

Есть и другие имена у этого персонажа – Огненный змей, Огняник, Летавец; он умеет превращаться в красивого юношу, обладающего богатырской силой и имеющего несметные сокровища.

Другие варианты дракона в русской мифологии: Полоз – царь всех змей и драконов русской земли (след, который он оставляет после себя, указывает на залежи драгоценных камней и металлов); змей Велес (или Цмок) – покровитель земледелия и скотоводства (он закрывает небо дождевыми тучами и выгоняет на небесные пастбища облачные стада); Сем – покровитель и охранник дома и его обитателей; Чернобог – тысячеголовый змей – бог крепкого телесного здоровья, бог войны, храбрости и военных действий, бог победы и другие.

Образ дракона есть и в греческой мифологии, откуда он и был привнесён в русские фольклорные источники, связанные с сюжетом о подвиге святого Георгия (его изображение сейчас находится на гербе Москвы и является частью государственного герба России, символизирующего историческую драму народа, противостоящего Мировому Злу) [Драконы Древней Руси 2023].

Сопоставляя образы дракона в культурах Китая и России, мы можем увидеть как их сходство, так и различие. Сходство проявляется в природной принадлежности этого персонажа к природным стихиям – воде, воздуху, огню, а также местам их обитания, среди которых горы – одно из самых распространённых жилищ. Эти существа способны летать, проявляют необычные волшебные качества и воздействуют на жизнь людей. Имеются и принципиальные различия этих персонажей: в китайской мифологии дракон – это существо, олицетворяющее небесную силу, несущее благо и справедливость, и поэтому используется в качестве нарицательного образа, ассоциирующегося с высоким статусом человека и олицетворяющего изящный стиль в искусстве; в славянской мифологии это олицетворение зла, разрушения, неуправляемой силы. Учитывая разницу в трактовке образа дракона, переводчику в каждом отдельном примере необходимо обязательно давать соответствующие пояснения.

Влияние природных факторов на перевод. Китай и Россия находятся в разных географических и климатических условиях, что определяет различие в фауне и флоре. Это отражается на всех аспектах жизни, в том числе и на культуре. Например, в китайской культуре в качестве метафоры часто используется слово «бамбук». Это растение ассоциируется с такими личностными проявлениями человека, как скромность и честность. Выдающемуся китайскому поэту Су Ши (苏轼) принадлежат следующие слова: «宁可食无肉, 不可居无竹。无肉使人瘦, 无竹使人俗» («Лучше жить без мяса, чем без бамбука. Отсутствие мяса делает человека худым, а отсутствие бамбука – вульгарным») [Символы и аллегории китайского сада 2023]. Сравнение с бамбуком можно обнаружить в пословице 胸有成竹 – «Иметь готовый план в голове», которая подразумевает умение человека планировать, находить способы решения задачи, то есть всегда быть в полной готовности к действиям. Другие свойства бамбука – олицетворение стойкости, гармонии и умиротворенности, высоких духовных качеств, способность противостоять бедам и несчастьям – выражены в пословице: «Дворец встал прочно, его не вырвать из земли, как корни бамбуковой рощи». Аналогом может служить русская пословица: «Держись за дубок: дубок в землю глубок».

Е.С. Есенеева приводит ряд интерпретаций этого образа: с бамбуком сравнивают талантливого человека, наделённого исключительными качествами: «Бамбуковая стрела с юго-востока» («东南竹箭»); он рассматривается в качестве символа детства: непорочности, непосредственности и дружбы: «Зеленые сливы и бамбуковые лошадки» (青梅竹马»)

[Есенева 2022: 15–17]. Другим примером служит фраза: «Молодой бамбук после дождя» («雨后春笋»), смысл которой заключается в фиксации быстроты развития событий, аналогично звучит русская пословица: «Растут, как грибы после дождя».

Методы перевода с учётом культурных различий. Культурные различия существуют объективно, и поэтому в процессе перевода необходимо это учитывать и повышать эффективность перевода, используя национальный эквивалент. Перевод – это, по сути, исследовательская работа, сочетающая в себе технологию, искусство и язык. Наличие культурных различий между двумя странами очень важно учитывать переводчику: «Китайская культура обладает особой эстетической ценностью, поэтому теория перевода на китайский язык неизбежно будет глубоко проникнута духом традиционной китайской эстетики и культуры, демонстрируя отличительные культурные характеристики традиционной китайской эстетики» [Сун Хуа, Ван Чжэнжэнь 2004: 108]. Для корректной работы с культурными различиями при переводе следует использовать следующие методы.

(1) *Вольный перевод.* Этот метод перевода воспроизводит основную информацию оригинала с возможными отклонениями – добавлениями, пропусками и т. п.; при этом перевод текста осуществляется на более высоком уровне, чем тот, который необходим для передачи неизмененного содержания при соблюдении норм переводящего языка [Паршин 2019: 6].

Например, китайская поговорка гласит: «一山不容二虎'» («Два тигра в одной горе не живут»). В китайской культуре тигр – символ силы и смелости, однако этот персонаж не имеет такого значения в русской культуре, а близкое ему по функциям в русской культуре – медведь, поэтому поговорку можно перевести как «Два медведя в одной берлоге не живут».

(2) *Транскрипция.* Этот метод чаще используется для перевода имен собственных. Слова в транскрипции обозначают только произношение и не имеют особенного смысла (например, столица России – Москва – транслитерируется по-китайски как 莫斯科 [Mòsīkē]), а также не несут какого-либо иного дополнительного значения. Приведем другой пример: слово «водка» на китайский язык транслитерируется как 伏特加 [Fútèjiā]. По причине взаимопроникновения китайской и российской культур китайцы могут понять его значение без дополнительного комментария.

Китайцы, жившие в Харбине, Даляне и других северных городах Китая, в начале XX в. использовали и другие трансформированные русские слова: *квас* – гэвасы, *капитан* – гэбидань, *хлеб* – леба, *платье* – булацзе.

В русском языке происходят аналогичные процессы: названия китайских продуктов часто переводятся на русский язык транскрипцией (粉条 – фунчоза, 豆腐 – тофу, 包子 – баоцзы и т. п.). Русскоязычные люди, проживавшие в Китае, часто прибегали к трансформированным китайским словам: *чифан* (есть, принимать пищу) – *чифанить*, *чифальня*; *гуньян* (девушка) – *куня*.

(3) *Объяснительный перевод.* Объяснение является текстом, который делает понятным то, что в трудно осмысляется по причине семантических различий слов и выражений. Это относится не только к переводу с одного языка на другой, но и к пояснениям, комментариям. Объяснения широко используются в просторечиях, идиомах. Чем более национально окрашены слова в тексте, тем ярче они отражают индивидуальность писателя: в этом случае перевод, как правило, требует особых разъяснений или комментариев.

Например, русская пословица гласит: «В Тулу со своим самоваром не ездят». Смысл данной пословицы – «делать что-либо лишнее, бесполезное», но китайцы, незнакомые с русской культурой, непонимают, что город Тула считается родиной самоваров.

Другой пример. Китайская поговорка «捡了芝麻，丢了西瓜» («Семечки кунжута собрали, а арбуз потеряли»), имеет смысл: «Из-за малого потерять большое». В русской культуре арбуз никак не соотносится с кунжутом и, естественно, понять эту китайскую поговорку трудно. Добавление комментария «Излишне заботиться о мелочах, забывая о главном» поможет понять русскому человеку смысл этой поговорки. В качестве аналога можно привести пословицу «Вместе с водой выплеснуть и ребёнка» или фразу из басни И. Крылова «А слона-то я и не приметил».

Заключение

Китайский и русский языки имеют разные культурные контексты, что закономерно приводит к многочисленным интерпретациям, использующимся в процессе перевода. Адекватное восприятие и понимание китайских образов возможно только при условии учёта историко-культурного контекста (высказываний известных людей, явных и скрытых цитат из легенд, преданий и т. п.) и этимологии языковых единиц (в том числе архаизмов и древних иероглифов). Стратегии перевода с китайского языка на русский предполагают вариативность в выборе методов и техник перевода с тем, чтобы получить наиболее качественный, репрезентативный вторичный текст. Наряду с семантическими различиями понятий можно указать на сходство в смысловых ассоциаций двух языков:

- многие образы носят символический характер, отражая ассоциативный ряд, существующий в сознании носителей языка (например, наделение человека свойствами и характеристиками объектов природы или, наоборот, очеловечивание природных явлений);

- образы и символы, характерные для обеих культур отражают национальную языковую картину мира и особенности мировоззрения носителей языка, раскрывают систему ценностей и особенности мировосприятия;

- тождественные по смыслу выражения (паремии) отражают глубинные связи общечеловеческой культуры.

Учитывая эти и другие факторы, влияющие на качество перевода, переводчики должны применять корректные методы перевода в соответствии с культурными контекстами, что помогает преодолевать смысловые препятствия, вызванные национальными различиями.

Список литературы

1. Арекеева Ю.А., Шустова С.В. Моделирование ассоциативно-вербального поля категории «свой» в сознании носителей русского языка // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 33–42.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т. Т. 2. М.: Современный писатель, 1995. 396 с.
3. Бейкер М. Атомы языка. Грамматика в темном поле сознания / пер. с англ. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 272 с.
4. Горыня [Электронный ресурс] // Древнерусский словарь. URL: <https://drevnerus.ru/gorynya/> (дата обращения: 27.03. 2023).
5. Драконы Древней Руси [Электронный ресурс]. URL: <https://banallex.livejournal.com/555228.html> (дата обращения: 26. 03.2023).
6. Есенева Е.С. Китайские фразеологизмы с фитонимом «бамбук». Роль символического образа в интерпретации национальной картины мира / Е.С. Есенева, Д.В. Зубкова, Е.С. Асташова // Юный ученый. 2022. № 6 (58). С. 15–17.
7. Иллюстров И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок / Сост., предисл. и алфавит. указ. И.Н. Кузнецов / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Русская цивилизация, 2019. 912 с.

8. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
9. Лоу Юйле. Духовные основы китайской культуры / пер. с кит. Д.С. Топоровой, К.С. Титова, Н.Н. Рыбалко; науч. ред. д. филос. н., проф. А.И. Кобзев. М.: Шанс, 2023. 392 с.
10. Паршин А. Теория и практика перевода. М.: Наука, 2019. 205 с.
11. Серенков Ю.С. Нарратив в поле культурологического интереса: находки и перспективы // Культура и цивилизация. 2016. Т. 6. № 5А. С. 377–389.
12. Символы и аллегории китайского сада [Электронный ресурс].
URL.: <http://ru.gbtimes.com/kultura/simvoly-i-allegorii-kit>. (дата обращения 25.03.2023).
13. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. С. 17.
14. Флоренский П.А. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1. 806 с.
15. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction, Editura Universitatii din Suceava. – Roumanie. 2014. № 21. С. 37–60.
16. 邓炎昌, 刘润清. 语言与文化—英汉语言文化对比 [M]. 外语教学与研究出版社, 2006:78. [Дэн Яньчан, Лю Жунцин. Язык и культура – Сравнение английского и китайского языков и культур [M]. Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2006. С. 78. (In Chinese)].
17. 刘巍, 浅淡汉俄文化差异对翻译中词语理解的影响[D], 北京师范大学, 2003:2-7.[D] [Лю Вэй. Влияние различий в китайской и русской культурах на понимание слов в переводе] // Пекин: Пекинский педагогический университет, 2003. С. 2–7. (In Chinese)].
18. 宋华, 王正仁. 从中国传统美学看中国翻译理论的“向心”文化特征[J]. 太原师范学院学报(社会科学版), 2004(1):108-110. [Song H., Wang Z. From the Perspective of Traditional Chinese Aesthetics on the «Central» Cultural Feature of Chinese Translation Theory // Journal of Taiyuan Normal University (Social Science Edition). China. 2004. № 1. pp. 108-110. (In Chinese)].

References

1. Arekeeva Yu.A., Shustova S.V. Modelirovanie assotsiativno-verbal'nogo polya kategorii «svoi» v soznanii nositelei russkogo yazyka [Modeling the associative-verbal field of the category "one's own" in the minds of native speakers of the Russian language]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2023, no. 1, pp. 33-42. (In Russ.).
2. Afanas'ev A.N. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predanii i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugikh rodstvennykh narodov [Poetic views of the Slavs on nature: the experience of a comparative study of Slavic legends and beliefs in connection with the mythical tales of other related peoples]. Vol. 2, Moscow, *Sovremenniy pisatel'*, 1995, 396 p. (In Russ.).
3. Beiker M. Atomy yazyka. Grammatika v temnom pole soznaniya [Atoms of language. Grammar in the dark field of consciousness]. Moscow, *Izd-vo LKI*, 2008, 272 p. (In Russ.).
4. Gorynya [Gorynya]. *Drevnerusskii slovarik*. (In Russ.). Available at: <https://drevnerus.ru/gorynya/> (accessed: 27.03.2023).
5. Drakony Drevnei Rusi [Dragons of Ancient Rus']. (In Russ.). Available at: <https://banallex.livejournal.com/555228.html> (accessed: 26.03.2023).
6. Eseneeva E.S. Kitaiskie frazeologizmy s fitonimom «bambuk». Rol' simvolicheskogo obraza v interpretatsii natsional'noi kartiny mira / E.S. Eseneeva, D.V. Zubkova, E.S. Astashova [Chinese phraseological units with the phytonym "bamboo". The role of the symbolic image in the interpretation of the national picture of the world]. *Yunyi uchenyi*. 2022, no. 6 (58), pp. 15-17. (In Russ.).
7. Ilyustrov I. Zhizn' russkogo naroda v ego poslovitsakh i pogovorkakh. Sbornik russkikh poslovits i pogovorok [The life of the Russian people in its proverbs and sayings. Collection of Russian proverbs and sayings]. Moscow, *Russkaya tsivilizatsiya*, 2019, 912 p. (In Russ.).
8. Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]. Moscow, *Vysshaya shkola*, 1990, 253 p. (In Russ.).

9. Lou Yuile. Dukhovnye osnovy kitaiskoi kul'tury [Spiritual Foundations of Chinese Culture]. Moscow, Shans, 2023, 392 p. (In Russ.).
10. Parshin A. Teoriya i praktika perevoda [Theory and practice of translation]. Moscow, Nauka, 2019, 205 p. (In Russ.).
11. Serenkov Yu.S. Narrativ v pole kul'turologicheskogo interesa: nakhodki i perspektivy [Narrative in the Field of Cultural Interest: Findings and Perspectives]. *Kul'tura i tsivilizatsiya*. 2016, vol. 6, no. 5A, pp. 377-389. (In Russ.).
12. Simvoly i allegorii kitaiskogo sada [Symbols and allegories of the Chinese garden]. URL.: <http://ru.gbtimes.com/kultura/simvoly-i-allegorii-kit>. (accessed: 25.03.2023).
13. Shveitser A.D. Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty [Translation theory: status, problems, aspects]. Moscow, Nauka, 1988, 215, pp. 17. (In Russ.).
14. Florenskii P.A. Sobranie sochinenii [Collected Works]. Moscow, Mysl', 1994, vol. 1. 806 p. (In Russ.).
15. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction // Atelier de traduction, Editura Universitatii din Suceava. – Roumanie. 2014. № 21. С. 37–60.
16. 邓炎昌, 刘润清. 语言与文化—英汉语言文化对比 [M]. 外语教学与研究出版社, 2006:78. [Дэн Яньчан, Лю Жунцин. Язык и культура – Сравнение английского и китайского языков и культур [M]. Издательство по преподаванию и исследованию иностранных языков, 2006. С. 78. (In Chinese)].
17. 刘巍, 浅谈汉俄文化差异对翻译中词语理解的影响[D], 北京师范大学, 2003:2-7.[D] [Лю Вэй. Влияние различий в китайской и русской культурах на понимание слов в переводе] // Пекин: Пекинский педагогический университет, 2003. С. 2–7. (In Chinese)].
18. 宋华, 王正仁. 从中国传统美学看中国翻译理论的“向心”文化特征[J]. 太原师范学院学报(社会科学版), 2004(1):108-110. [Song H., Wang Z. From the Perspective of Traditional Chinese Aesthetics on the «Central» Cultural Feature of Chinese Translation Theory // Journal of Taiyuan Normal University (Social Science Edition). China. 2004. № 1. pp. 108-110. (In Chinese)].

Информация об авторах

Т.Д. Попкова – доктор культурологии, доцент, кафедра педагогики,
Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Фэн Вэнь – аспирант, кафедра общего и русского языкознания,
Российский университет дружбы народов.

Information about the authors

T.D. Popkova – Grand Ph. D. (Cultural Studies), Associate Professor,
Department of Pedagogy,

Perm State University;

Feng Wen – Postgraduate Student,
Department of General and Russian Linguistics,
Peoples' Friendship University of Russia.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 92–103.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 92-103.

Научная статья

УДК 82.091

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ В ТЕКСТАХ М.В. ЛОМОНОСОВА, А.С. ПУШКИНА И М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Илья Юрьевич Роготнев

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
rogotnev05@mail.ru

Аннотация. В настоящей работе литературные произведения М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина и М.Е. Салтыкова рассматриваются как высказывания политико-богословского характера. Понятие «политическая теология» интерпретируется в рамках традиции, заложенной текстами К. Шмитта, – как открытая проблема, в свете которой политические феномены обнаруживают религиозные импликации. Показано, что политическая теология Ломоносова, Пушкина и Салтыкова разворачивается в поле вопросов, которые были поставлены Томасом Гоббсом в трактате «Левиафан». Ломоносовские духовные и панегирические тексты конструируют абсолютистскую парадигму, в которой условием блага и порядка является не только признание политического суверена, но и трепет перед божественной властью. Пушкин в «Медном всаднике» обращается к темной, inferнальной изнанке государственного порядка. Салтыков-Щедрин реализует большой комплекс мотивов политической философии, делая их теологическим основанием образ антихриста. В произведениях русских писателей мощь власти обрушивается на своевольный разум подданного, спасает людей от их собственного неразумия. Архетипической фигурой суверена неизменно предстает в русской политической теологии Петр Великий. Ломоносов, Пушкин и Салтыков актуализируют богословский аспект в идеологической проблематике «Левиафана». При этом если Ломоносов устанавливает взаимодействие суверена как земного бога с Богом Всевышним, то Пушкин мыслит власть мирскую в конфликте с Богом-Творцом, а Салтыков делает земного царя представителем сатаны. От Ломоносова к Салтыкову усиливается не только inferнальный характер Левиафана-государства, но и когнитивные недостатки подданного, компенсировать которые призвана конструкция абсолютной власти. Политические теологии русских авторов рассматриваются в статье не как динамические моменты эволюции русской политической мысли, но как различные варианты реализации политико-теологической темы, заданные структурой гоббсовской идеологической проблематики.

Ключевые слова: политическая теология, «Левиафан», Книга Иова, идеологическая проблематика, русская литература, власть.

Для цитирования: Роготнев И.Ю. Политическая теология в текстах М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 92–103.

Original article

POLITICAL THEOLOGY IN THE TEXTS OF M.V. LOMONOSOV, A.S. PUSHKIN AND M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

Ilya Yu. Rogotnev

Perm State University, Perm, Russia, rogotnev05@mail.ru

Abstract. In the present work, the literary texts of M.V. Lomonosov, A.S. Pushkin and M.E. Saltykov are considered as statements of a political and theological nature. The concept of “political theology” is interpreted within the framework of the tradition laid down by the texts of Carl Schmitt – as an open problem, in the view from which political phenomena reveal religious implications. The political theology of Lomonosov, Pushkin and Saltykov unfolds in the field of questions that were posed by Thomas Hobbes in the treatise “Leviathan”. Lomonosov's spiritual and panegyric texts construct an absolutist paradigm, in which the condition for good and order is not only the recognition of a political sovereign, but also awe of divine power. Pushkin in *The Bronze Horseman* refers to the dark, infernal underside of the state order. Saltykov-Shchedrin implements a large complex of motives of political philosophy, creating the image of the Antichrist as the theological basis of political reality. In the works of Russian writers, the power falls upon the willful mind of the subject, saving people from their own folly. The archetypal figure of the sovereign invariably appears in Russian political theology as Peter the Great. Lomonosov, Pushkin and Saltykov actualize the theological aspect in the ideological problems of Leviathan. At the same time, if Lomonosov establishes the interaction of the sovereign as an earthly god with Immortal God, then Pushkin thinks of civil power in conflict with God the Creator, and Saltykov makes the earthly king a representative of Satan. From Lomonosov to Saltykov, not only the infernal nature of the *Leviathan-as-state* increases, but also the cognitive shortcomings of the subject, which the construction of absolute power is called upon to compensate for. The political theologies of Russian authors are considered in the article not as dynamic moments in the evolution of Russian political thought, but as different variants of the implementation of the political and theological theme, given by the structure of Hobbesian ideological issues.

Keywords: political theology, *Leviathan*, *Book of Job*, ideological issues, Russian literature, the power

For citation: Rogotnev I.Yu. Political Theology in the Texts of M.V. Lomonosov, A.S. Pushkin and M.E. Saltykov-Shchedrin. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:92-103. (In Russ.).

Введение

В качестве развернутых предварительных замечаний обратимся к вопросам о содержании понятия *политическая теология* и о прочтении трактата «Левиафан», об идеологической проблематике и богословских смыслах, заключённых в сочинении Гоббса. Понятие *политическая теология* вошло в академический обиход благодаря небольшому сочинению Карла Шмитта «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете» (1922). Учитывая разнообразие толкований интересующего нас термина [Кондуров 2021: 23–40], в том числе его использование при анализе незападных обществ [Ассман 2022; Islamic Political Theology 2021], под политической теологией можно понимать обширное символическое пространство пересечений и взаимодействий политического и теологического дискурсов. К этой области относят и богословские сочинения на политические темы, и практики легитимации власти посредством религиозного символизма, и инструментализацию теологического языка в разного рода политических риториках.

Представляется возможным выделить в рамках столь обширной тематики особое поле интеллектуальных поисков и дискуссий, учреждённое высказываниями К. Шмитта. Последние сыграли роль теоретической провокации, вызова, потребовавшего развернутых философских, исторических, богословских ответов. К. Шмитту удалось заявить о политической теологии как о проблеме одновременно общественной и обществоведческой, как о неразрешённом (и, возможно, неразрешимом) вопросе, области чего-то фундаментально непрояснённого и потому, с одной стороны, постоянно подрывающего секулярную политическую мысль, с другой – чреватого для неё новыми темами и поворотами.

Отметим, что термином *политическая теология* принято обозначать и саму мысль К. Шмитта, этот термин можно употреблять как «точное, единственно соответствующее именование» его (К. Шмитта) учения [Майер 2022: 37]. На наш взгляд, это не отменяет возможности применения в данном поле других методов и учений. Я буду говорить не

столько о политической теологии К. Шмитта, сколько о шмиттианской, то есть учреждённой К. Шмиттом, политической теологии как пространстве интеллектуальных поисков. Мысль немецкого юриста рассматривается здесь именно в этом ключе.

Политическая теология как общественно-обществоведческая проблема была обнаружена К. Шмиттом на границах, на концептуальном контуре политической реальности: «... выходя за пределы совокупности юридических понятий, ориентированных на ближайшие практические интересы правовой жизни, можно обнаружить последнюю, радикально систематическую структуру... Метафизическая картина определённой эпохи имеет ту же структуру, как и то, что кажется очевидным этой эпохе как форма её политической организации» [Шмитт 2016: 41]. Речь идёт о возможности установления корреляций и/или тождеств между концептами политического сознания и теолого-метафизическими спекуляциями. Сам К. Шмитт, в частности, рассматривает аналогию между чрезвычайным положением как приостановкой регулярного правового режима и религиозным чудом как прямым божественным вмешательством в дела тварного мира. Эта аналогия позаимствована К. Шмиттом у испанского консервативного мыслителя Хуана Доносо Кортеса [Доносо Кортес 2023: 22–23].

Анализ К. Шмитта сосредоточен на ситуации, в которой становится очевидна над-правовая природа суверенной власти. Моменты учреждения, приостановки и отмены права требуют рефлексии на тему политической теологии. Примечательно, что К. Шмитт по большому счёту не предлагает внятных результатов политико-теологической рефлексии – он лишь фокусируется на моменте явленности теологической структуры в структуре политической.

В поздней работе «Политическая теология II. Миф о закрытии любой политической теологии» (1970) К. Шмитт подвергает критике попытку «закрыть» вопрос о политической теологии, осуществлённую Эриком Петерсоном; согласно последнему, в христианском миропонимании политическая теология невозможна вовсе. К. Шмитт, на мой взгляд, стремится сохранить политическую теологию именно как открытый вопрос, как развёрнутый момент противоречия секулярной мысли модерна. Главный пункт Шмиттовых «Политических теологий» (первой и второй) можно интерпретировать как фундаментально многозначное суждение: *политическая теология имеет место*. Причём не ясны до конца (оставлены невыясненными) объём этого тезиса (в какие эпохи? в каких именно обществах?), его модальность (это следует рассматривать как гипотезу или как установленный закон?), его содержание (что такое политическая теология? какое именно место она занимает в общественном порядке?).

Шмиттианский вопрос получает развитие в монографии Эрнста Канторовича «Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии» (1957). Из этого весьма обширного труда можно, в частности, извлечь следующие выводы. Исследование о «двух телах короля» в целом подтверждает на богатом фактическом материале гипотезу Карла Шмитта о теологических истоках юридического языка: на протяжении всего средневековья и раннего Нового времени юридический дискурс инкорпорирует теологические конструкции. Проясняется тенденция этих светских апроприаций богословия: политико-правовое мышление «опирается» на неизменные и непрерывно существующие мистические фикции, каковыми мыслятся *государство, государь, нация* и их суверенные права. Э. Канторович утверждает, что категория *фикция* в средневековой интеллектуальной традиции лишена отрицательных коннотаций. Апроприация государством символического капитала Церкви, в том числе обретение государством атрибутов мистического тела – *corpusmisticum*, происходит главным образом в эпоху зрелого и позднего Средневековья [Канторович 2015].

Эстафету исследования теологических схем в политической реальности подхватывает философ Джорджо Агамбен. Критикуя экономический подход к человеку и природе, практики управления людьми и вещами как основу современной политики, Дж. Агамбен

обнаруживает истоки этого порядка в теологической мысли. «Экономико-управленческая направленность современных демократий не есть результат случайного стечения обстоятельств: она является неотъемлемой частью теологического наследия, хранилищами которого эти демократии выступают» [Агамбен 2019: 240].

Одним из базовых, направляющих в шмиттианской политической теологии можно считать тезис о забвении, сокрытии теологии в политической культуре модерна, что не отменяет функционирования, так сказать, теологического механизма в ее ядре. Радикальной версией этого тезиса является концепция «капитализма как религии» (идея В. Бенямина, развиваемая Дж. Агамбеном [Агамбен 2021]) – буржуазного строя как некоего культа без догматов, самореферентивной веры, священнодействия без трансцендентного объекта. Якоб Таубес, один из доверенных собеседников К. Шмитта, считает едва ли не важнейшим в первой «Политической теологии» тезис о сокрытии теологического основания западного мира: по его словам, современное государственное право не способно понять себя, поскольку оперирует понятиями, чьи подлинные истоки оказались скрыты – в силу «амнезии» [Taubes 2003: 64].

В итоге «шмиттианское» поле предстает областью штудий вокруг и в свете открытого вопроса, проблемы политической теологии. В этом поле анализируются язык права, феномен государства, капитализм или политико-философские тексты, в частности наследие Томаса Гоббса.

Книгу «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651) мы предлагаем рассмотреть на уровне идеологической проблематики – вопросов, задающих структуру и границы идеологического высказывания. «Само познание идеологического поля предполагает познание проблематик, которые формируются в нём и вступают друг с другом в противодействие» [Альтюссер 2006: 103]. Гоббсианскую проблематику можно представить как ряд тесно связанных философских мотивов: 1) несовершенство людей, подверженных страстям и склонных к конкуренции между собой; 2) вытекающее из этого несовершенства опасное «естественное состояние», угрожающее индивидуальному существованию каждого; 3) спасение от «войны всех против всех» благодаря созданию «искусственного человека» («смертного бога», «Левиафана»), то есть Государства, – посредством установления суверенной власти; 4) необходимость полного подчинения подданных суверену как представителю всех и каждого, то есть необходимость «абсолютной» власти; 5) ограниченность могущества Левиафана-государства законами Бога и неприкосновенность догмата *Иисус есть Христос* для всякого христианского суверена.

Учение Т. Гоббса получило множество толкований. Оригинальные подходы к интерпретации «Левиафана» и других политических сочинений английского философа предложены такими авторитетными авторами, как Фердинанд Тённис, Лео Штраус, Квентин Скиннер, Ив Шарль Зарка и другими. Ориентируя свой взгляд на Гоббса в контексте столь влиятельных и при этом разноречивых прочтений, А.Ф. Филиппов предлагает сконцентрироваться на актуальном в гоббсовском наследии: «Если бы Гоббс не создал концепцию общественного договора, не написал о естественном состоянии войны всех против всех, не обосновал исключительные права суверена и не назвал получившуюся конструкцию “Левиафаном”, имя его стояло бы в ряду второстепенных персонажей, чьи идеи представляют интерес лишь для узкого круга специалистов» [Филиппов 2015: 168]. Для наших целей представляет интерес актуализация гоббсианской проблематики в поле политической теологии.

К. Шмитт концентрирует свои исследовательские усилия, в частности, на следующих вопросах: многозначность религиозного символа *Левиафан* и её влияние как на смысловое целое, так и на восприятие философии Т. Гоббса; связь темы «естественного состояния» и «борьбы всех против всех» с религиозными войнами эпохи Реформации (религиозное несогласие как страшнейшая беда, от которой спасает установление Левиафана); внутренний изъян конструкции

гоббсовского Большого Человека в допущении различия между государственной верой и верой частной; догмат *Иисус есть Христос* как необходимый и центральный момент установления абсолютной власти в христианском обществе [Шмитт 2006]. Я. Таубес, вступая в диалог с работами К. Шмитта, делает характерные замечания о «Левиафане»: «[Гоббс] чрезвычайно серьёзен, когда говорит о великом Левиафане, об этом “mortalgod” [смертном боге], коему мы – и это решающий момент – обязаны миром и защитой “under the immortalgod” [под властью бога бессмертного]. Поэтому и всё время возвращающаяся фраза that Jesus is the Christ [что Иисус есть Христос] – вовсе не общее место, а постоянное напоминание. И значит, государственная машина всё же не *perpetuum mobile*, не тысячелетний рейх *sinefine*, она смертна, то есть представляет собой хрупкое равновесие внутреннего и внешнего» [Таубес 2021: 122].

Для русской культуры значение имели не столько предлагаемые Гоббсом концептуальные решения, сколько заявленные им концептуальные темы – идеологическая проблематика, своеобразно интерпретированная русской литературой, причём существенное значение приобретают именно богословские аспекты Гоббсовых вопросов. Мы полагаем, что если публичная политика эпохи модерна в целом характеризуется забвением теологического истока, то литература выступает местом припоминания о нём. Шмиттовские акценты во многом коррелируют с текстами «Русского Левиафана».

Анализ текстов

М.В. Ломоносов, «Ода, выбранная из Иова» (1751)

Ломоносовское переложение глав Книги Иова уже сопоставлялось с политическим трактатом Гоббса, который для русского поэта мог послужить, в том числе опосредованно, источником своеобразной политической метафоры [Крysteва 2007]. Отметим, что политическое прочтение «Оды, выбранной из Иова» не является широко принятым. Так, Ю.М. Лотман связывал обращение Ломоносова к образам Левиафана и Бегемота с борьбой автора – энтузиаста просвещения – против демонологических воззрений, против атмосферы страха перед силами зла [Лотман 1983]. Между прочим, анти-демонологические идеи занимают видное место и у Гоббса.

К. Осповат раскрывает политико-теологические импликации «Оды, выбранной из Иова» [Осповат 2020: 247–297]. Большое значение исследователь придает общности риторических стратегий Гоббса и Ломоносова. «“Ода...” с её грандиозными космологическими картинами предстает актом “возвышенной” риторики, вмещающей своим читателям *принужденное согласие* и обустроивающей их субъективность вокруг принципа покорности» [там же: 276]. «В теориях возвышенного... Ломоносов и его отечественные читатели могли найти риторико-эстетическую парадигму абсолютистского политического мистицизма» [там же: 277].

Божество «Оды...» репрезентирует, таким образом, идею абсолютной власти, не ограниченной земными представлениями о справедливости, а сам Иов – фигуру возроптавшего подданного, в конечном счёте подавленного блеском и грандиозностью порядка. Образ Левиафана должен в этой связи прочитываться не в свете его символических или аллегорических смыслов (будь то отсылка к дьяволу, как у христианских экзегетов, или государству, как у Гоббса), но ввиду производимого им аффекта, как момент «возвышенного» подавления субъекта страхом и трепетом. Левиафан у Ломоносова – не само государство, но монструозный момент порядка, которому подчиняется субъект.

В поэтическом мире Ломоносова обнаруживается и момент явления *земного бога*. В «Надписи 1 к статуе Петра Великого» император назван «*земным божеством*», а благодарные сердца его подданных – «*олтарями*» [Петр I 2006: 186]. В «Надписи 4 к той же» тема получает развитие: Петр сравнивается с древними героями, почитание которых «*невежеством веков*» возведено в религиозный культ. «Олтарь» перед статуей Петра поэт, однако, считает оправданным: «*Он един от смертных был, / Но в жизнь Его уже за Бога почитали*» [там же:

187]. В панегирических текстах 1750 г. Ломоносов персонифицирует концепцию земного бога: объединяющая подданных лояльность государству превращается в культ государя, но государя конкретного – «премудрого Героя», Петра. На фоне ломоносовских похвальных надписей правомерным представляется и такое прочтение божественной речи в «Оде, выбранной из Иова»: «Голос Бога-Творца “из бури” возможно толковать как голос Царя-Бога-Отца-Творца “новой России”, архитектора “регулярного государства”, Петра Великого» [Крysteва 2007: 168].

Ломоносов даёт проблематику «Левиафана» в как бы рассредоточенном виде. Прежде всего подавляющий аффект, испытываемый подданным, отделен от фигуры суверена. Явление земного бога обеспечено благодарностью людей «единому от смертных» – одному из них, которого люди добровольно почитают. Подавление ропщущего, то есть проявляющего некоторую неразумную амбицию, индивида всесилием божества отнесено к области «политического мистицизма», оно угадывается в качестве «политической эзотерики» (используем здесь, несколько вольно, термин Лео Штрауса, см.: [Strauss 1980]), заключенной в богословскую оду.

А.С. Пушкин, «Медный всадник» (1833)

В работах А.А. Кара-Мурзы установлена связь последней поэмы Пушкина с политическим трактатом Никколо Макиавелли «Государь» [Кара-Мурза 1995: 64–65; Кара-Мурза 2016]. Идеи флорентийского мыслителя, несомненно, подготавливают поворот к тем вопросам, на которые отвечает «Левиафан». Переключки Пушкина с Гоббсом возникают, на наш взгляд, на уровне идеологической проблематики, источником которой для Пушкина могли послужить размышления над «Государем»; оснований для интертекстуального анализа (в строгом и узком смысле) гоббсианские мотивы в «Медном всаднике» не дают.

Пушкинская поэма является вершинным текстом политической теологии великого поэта. Исходным пунктом её развития можно считать стихотворение «Свободы сеятель пустынный» (1823), где Пушкин горько-иронически интерпретирует притчу Христову о сеятеле: «Паситесь, мирные народы! / Вас не разбудит чести клич. / К чему стадам дары свободы? / Их должно резать или стричь. / Наследство их из рода в роды / Ярмо с гремушками да бич» [Пушкин 1959: 2/16]. В этих стихах можно слышать начала философии Великого инквизитора (Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы») – восприятия рода людского как порочных и слабых в массе своей существ, нуждающихся в пастырях, которые возьмут на себя бремя свободы [Бочаров 2007]. Разочарование в «либеральных» (в определении самого Пушкина) идеалах со временем развернуло поэта лицом к империи. Можно предположить, что в государстве автор оды «Вольность» впоследствии увидел единственного надежного актора прогресса и просвещения.

«Медный всадник» развивает сложившийся в поэтической практике Ломоносова дуализм (светский культ государства на уровне публичной политики – «политический мистицизм» с аффектом священного трепета на уровне теологии), который накладывается на романтическое двоемирие. В дневном мире взору явлен блистательный Петербург – «Петра творенье». Акт государева творчества описан в духе созидания порядка из хаоса («из тьмы лесов, из топи блат» [Пушкин 1959: 3/285]). Здесь не люди создают государство – искусственного «смертного бога» – путем передачи суверену своей естественной свободы, но Герой творит искусственный мир для своих подданных. Автор «Медного всадника» не скупится на выражения благодарности политическому творцу и восторга перед политическим актом творения.

В ночном же мире, открывающемся через безумие персонажа (Евгения), политический демиург представлен в облике грозного божества, которое карает возроптавшего подданного. «И сам поэт, охваченный ужасом перед этой сверхчеловеческой мощью, не умеет ответить себе, кто же это перед ним»; «Это – исполин-чудотворец, полубог, повелевающий стихиями» [Брюсов 1975: 39, 49].

Русская поэзия многократно ассоциировала бронзового Петра с Солнцем, с Аполлоном – Пушкин, напротив, превратил его в царя ночи [Осват, Тименчик 1987: 10–11]. Когда власть становится трансцендентной и одновременно несправедливой, художественный мир начинает тяготеть к гностической метафизике: вселенная предстаёт как концлагерь, созданный злым демиургом. Ср., например: «Пушкин подчёркивает, что Он есть демиург, Творец, покоритель стихий, воплощение Бога на земле. Но этот земной бог отнюдь не благ» [Альтшуллер 2003: 58]. Гностические мотивы встречаем мы и в лирике Пушкина: *«Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал?..»* [Пушкин 1959: 2/208] (*«Дар напрасный, дар случайный...»*, 1828).

Образ Петра как божества, которому поставлен в Петербурге кумир, уже известен нам по «Надписям» Ломоносова; была в топике русского классицизма и тенденция оживить статую, проявившаяся в творчестве В.П. Петрова, Г.Р. Державина, Е.И. Кострова и других [Пумпянский 2000: 183]. Пушкинский образ, однако, не просто мифологичен, но эсхатологичен. Политический мистицизм здесь сосредоточен на переживании потенциального конца истории, нового потопа.

Местом учреждения порядка выступает пограничье бездны, предел бытия; Петербург сотворен на рубежах исторического существования. В ночной части поэмы этот предел и даёт о себе знать.

В политико-теологической конструкции Пушкина проступают, в частности, две идеи. Во-первых, «смертный бог», как и у Гоббса, спасает подданных от гибели. Описывая фигуру всадника, поэт дает знаменитую характеристику Петру: *«О мощный властелин судьбы, / Не так ли ты над самой бездной, / На высоте уздой железной / Россию поднял на дыбы?»* [Пушкин 1959: 3/297]. О какой «бездне» идет речь? В тексте поэмы есть образ наводнения, бушующей стихии; в связи с этим топосом можно поразмышлять и о библейском Левиафане как прямой параллели пушкинскому образу Петербурга, всплывающего из вод. Есть, однако, у Петра и социально конкретизированный антагонист – обыватель, человек частной жизни, который возроптал на петровский демиургический замысел. Именно частное, автономное бытие с его амбицией и ропотом должно быть подавлено мощью Левиафана. Здесь пушкинская концепция вполне созвучна политическим аффектам ломоносовского богословия. Во-вторых, Пушкин склонен резко противопоставлять «смертного бога» Богу бессмертному, творца города – творцу мира. *Кумир*, как персонификация имперского духа, наделен чертами зловещими, дьяволическими.

Скрупулезный анализ пушкинской диалектики зла на материале «Медного всадника» представлен в статье И.З. Сермана, который возводит соответствующую поэтическую топику к ломоносовской одописи и её идеологическому контексту – дискуссиям о границах философского оптимизма и о зле в естественном, природном, порядке вещей. «Пушкин, по всему, не разделяет традиционного взгляда на природное бедствие как на “Божий гнев”. В черновиках поэмы есть следы того, что поэт готов был присоединиться к общему мнению <...>, но потом эта мысль ушла из текста» [Серман 2013: 185]. Для меня принципиальна не интенция поэта, но само присутствие вопроса о Божьем гневе в проблематике произведения: Всевышний Бог угадывается в конструкции «Медного всадника» в качестве силы, антагонистичной ночному Петру.

Итак, в пушкинской конструкции проблематика Левиафана реализуется весьма самобытно. Государство учреждается, творится во спасение людей от «бездны», значимым моментом которой выступают приватные, обывательские интересы подданных (на месте гоббсовской «войны всех против всех»). Учреждённое государство отделяет историю от её финала, тьма которого зияет сквозь блеск политического порядка. Само государство при этом находится в напряженных отношениях с христианским Богом: изнанка политического мира скорее inferнальна. Здесь как бы развернут скрытый потенциал заглавного гоббсовского символа – те его противоречивые значения, которые анализировал К. Шмитт.

М.Е. Салтыков, «История одного города» (1869–1870)

В книге Салтыкова проблематика Левиафана представлена с поразительной отчётливостью. Головоотяпы призывают государство, которое необходимо им как внешняя, посторонняя сила – ввиду неразумия подданных, бездны их глупости. Учреждённый порядок регулярно обнаруживает в качестве своего предела «естественное состояние» как хаос безумия и насилия, в который глуповцы проваливаются в моменты безвластия или ослабления власти.

Финальную главу романа («Подтверждение покаяния. Заключение») нетрудно разместить в поле политической теологии. Первая фраза эпизода: «*Он был ужасен*» [Салтыков-Щедрин 1969: 397] – задает эстетическую доминанту финала. Фраза эта, помимо прочего, аллюзивна, она отсылает к «Медному всаднику»: Петр в пушкинской поэме обозначен в первой же фразе таинственным словом *он*.

Параллель «Угрюм-Бурчеев – Петр Великий» уже прослеживалась литературоведами [Головина 1997: 38; Алякринская 2009 и другие.]: строитель нового города с геометрически прозрачным генпланом, мечтающий о собственном флоте, вступивший в противостояние с рекой, запомнившийся глуповцам с топором в руке, – Угрюм-Бурчеев имеет с первым российским императором не меньше общих черт, чем с графом Аракчеевым, с которым салтыковского персонажа традиционно сравнивают.

Отмечу моменты салтыковского политического мистицизма.

– Является «идиот» (Угрюм-Бурчеев) в разгар оккультных радений, которыми увлекся предыдущий градоначальник Грустилов, – является словно ответ на ритуальный зов.

– Слова Угрюм-Бурчеева: «*Идет некто за мной... который будет еще ужаснее меня*» [Салтыков-Щедрин 1969: 397] – по духу своему апокалиптически, «по букве» же они инвертируют слова Иоанна Предтечи: «*Идущий за мною стал впереди меня*» (Ин 1:15); таким образом, градоначальник объявляет о себе как о предтече антихриста / сатаны.

– Возможно, это позволит прояснить образ *Оно* в финале «Истории одного города», при приближении которого гудят колокола, меркнет солнце, «время останавливало бег» [там же: 423]; примечательно, что Угрюм-Бурчеев ожидает конец света без трепета и даже с некоторым ликованием: «*В эту торжественную минуту Угрюм-Бурчеев вдруг обернулся всем корпусом к оцепенелой толпе и ясным голосом произнес: – Придет...*» [там же: 423]. Сам «прохвост» не гибнет, но таинственным образом исчезает.

Как и в «Медном всаднике», в салтыковской «Истории» творец города сталкивается с творцом мира. Угрюм-Бурчеев, услышав шум реки, произносит вполне теологическую фразу: «*Кто тут?*»; повествователь же отмечает: «*тут встали лицом к лицу два бреда*» [там же: 408].

Возникает впечатление, что с концом истории у Салтыкова связана религиозная надежда. Гнёт Левиафана и «бездна» людской глупости равно отвратительны писателю. В какой-то момент Политическое, явленное как гротескный антагонизм между народом и властью, превышает свою меру. «*История превратила течение свое*» [там же: 423].

Отмечу, что политико-теологический поворот в сатире Салтыкова неожидан, как бы не подготовлен развитием салтыковского стиля. Между тем, к теологической проблематике Салтыков обратится в цикле «Сказки», куда вошли рождественский и пасхальный рассказы – соответственно, «Рождественская сказка» и «Христова ночь» (1886). В первом Христос дарует мальчику смерть как избавление от несправедливости мира, во втором Спаситель – в качестве высшей религиозной кары – отнимает смерть у Иуды. Переходя от богословия на тему антихриста к политической христологии, Салтыков по-прежнему сосредоточен на смерти как предмете религиозной надежды.

Выводы

Политическая теология обнаруживается в поэтическом воображении, когда последнее выходит к пределам Политического – концептуальным (основы государственной конструкции) и онтологическим (учреждение и гибель политического порядка). Ломоносов воображает благодарное обожествление смертного человека как момент явления суверена, однако от Бога бессмертного дарован необходимый абсолютистскому государству аффект трепета, на котором строится политическая покорность субъектов. Пушкин мыслит государство в облике блистающего города, в изнанке которого – момент необходимого зла, противоречия христианскому милосердному Богу. Салтыков видит учреждение государства как аппарата насилия, сдерживающего «естественное» безумие подданных, при этом политическая власть становится представителем не Бога, но его антагониста (сатаны), который и является в этом месте в конце истории, – суверен истолкован как местоблюститель антихриста.

Корпусу «русского Левиафана» свойственны характерные модификации гоббсовской проблематики. Во-первых, образ суверена имеет своим архетипом фигуру конкретного правителя – императора Петра Великого. Во-вторых, русская литература развивает периферийный (либо же политико-эзотерический, в терминах Л. Штрауса) смысл гоббсовского символа: для Ломоносова выход власти за рамки земных понятий о справедливости есть допустимый момент, требуемый конструкцией абсолютизма; у Пушкина момент зла становится необходимым в функционировании империи; у Салтыкова тот же момент становится для государственной жизни определяющим. В-третьих, объектом подавления со стороны Левиафана – у Гоббса эту позицию занимает «естественная» «война всех против всех» – выступают у русских литераторов некие когнитивные свойства или когнитивные акты подданных: от неразумного ропота у Ломоносова до коллективного безумия / слабоумия у Салтыкова. Власть активно воздействует именно на ту область, которую К. Шмитт посчитал наиболее уязвимым моментом в абсолютистской концепции Гоббса.

В каждом из трех намеченных аспектов можно различить некоторую динамическую тенденцию при развитии идеологической проблематики от Ломоносова к Салтыкову. Схематически эту динамику можно представить как концептуальную диспозицию Ломоносова – Пушкина – Салтыкова, теологические конструкции которых можно противопоставить по трём критериям: 1) образ суверена: *земное божество* – (зловещий) *кумир* – *сатана*; 2) момент зла в Левиафане: допустимый – необходимый – основной; 3) подлежащий подавлению когнитивный недостаток: неразумный ропот – обывательское сознание – массовая глупость.

Я, однако, не склонен рассматривать эту динамику в перспективе эволюции русской политической теологии. Представляется более продуктивной интерпретация данной диспозиции как трёх конституирующих точек концептуальной оси. Если политическая теология есть вопрос, открывающий особое пространство мысли, то наши выводы о «русском Левиафане» можно представить как реконструкцию одного из измерений этого пространства. На положительном полюсе оказывается панегирист Ломоносов как энтузиаст абсолютизма. На отрицательном – сатирик Салтыков, не чуждый нигилизму, анархизму и эсхатологии. «Золотой серединой», как и положено «солнцу русской поэзии», остаётся Пушкин, неустанно ищущий меру пессимизма и оптимизма в историческом мышлении.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Капитализм как религия / пер. с ит. Н. Охотина // Творение и анархия. Произведение в эпоху капиталистической религии / под ред. М. Лепиловой. М.: Гилея, 2021. С. 123–143.

2. Агамбен Дж. Царство и Слава. К теологической генеалогии экономики и управления / пер. с ит. Д.С. Фарафоновой (гл. 1–8), Е.В. Смагиной (приложение); под науч. ред. Д.Е. Раскова, А.А. Погребняка, Д.С. Фарафоновой. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
3. Альтшуллер М. Между двух царей: Пушкин в 1824–1836 гг. СПб.: Академический проект, 2003. 354 с.
4. Альтюссер Л. За Маркса / пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Праксис, 2006. 392 с.
5. Алякринская М.А. К проблеме исторического сознания М.Е. Салтыкова-Щедрина // История и культура. 2009. № 7. С. 181–189.
6. Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем / пер. с нем. А. Лагурева. СПб.: Владимир Даль, 2022. 182 с.
7. Бочаров С.Г. Пустынный сеятель и великий инквизитор // Филологические сюжеты М.: Языки славянских культур, 2007. С. 233–262.
8. Брюсов В.Я. Медный всадник // Собрание сочинений. Т. 7. М.: Художественная литература, 1975. С. 30–61.
9. Головина Т.Н. «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина: Литературные параллели: Учебное пособие. Иваново, 1997. 76 с.
10. Доносо Кортес Х. Речь о диктатуре / пер. с испанского А.В. Марья. СПб.: Владимир Даль, 2023. 196 с.
11. Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / пер. с англ. М.А. Бойцова, А.Ю. Серегиной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
12. Кара-Мурза А.А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995. 211 с.
13. Кара-Мурза А.А. Поэма «Медный всадник» А.С. Пушкина: политико-философские проекции // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 2. С. 54–65.
14. Кондуров В.Е. Политическая теология Карла Шмитта: теоретико-правовое исследование: дисс. ... к. ю. н. СПб., 2021. 442 с.
15. Кръстева Д. Зверь/Бегемот и Змий/Левиафан в «Оде, выбранной из Иова» М.В. Ломоносова (о политических аллегориях в системе абсолютизма и русской литературе XVIII века) // Реката на времето. Сборник статии в памет на проф. Людмила Боева (1934–2001) / Съставители А. Вачева, И. Чекова. София, 2007. С. 163–173.
16. Лотман Ю.М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1983. Т. 42. № 3. С. 253–262.
17. Майер Г. Что такое политическая теология? Вводные замечания относительно одного спорного понятия // Ассман Ян. Политическая теология между Египтом и Израилем / пер. с нем. А. Лагурева. СПб.: Владимир Даль, 2022. С. 29–49.
18. Осоват А.Л., Тименчик Р.Д. «Печальну повесть сохранить...» Об авторе и читателях «Медного всадника». Изд. 2, перераб. и доп. М.: Книга, 1987. 352 с.
19. Осоват К. Придворная словесность: институт литературы и конструкции абсолютизма в России середины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 480 с.
20. Петр I в русской литературе XVIII века. (Тексты и комментарии) / Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. С.И. Николаев. СПб.: Наука, 2006. 450 с.
21. Пумпянский Л.В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Он же. Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А.П. Чудаков; Сост.: Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев; вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.И. Николаева. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 158–196.
22. Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах / Под общ. ред. Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959–1962.
23. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города // Он же. Собрание сочинений в 20 т. Том 8. М.: Художественная литература, 1969. С. 263–433.
24. Серман И.З. Тема зла в «Медном всаднике» // Он же. Свободные размышления: Воспоминания. Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 177–189.
25. Таубес Я. AdCarlSchmitt. Сопряжение противостремительного / пер. с нем. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2021. 190 с.

26. Филиппов А.Ф. Актуальность философии Томаса Гоббса // Филиппов А.Ф. Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 2. СПб.: Владимир Даль, 2015. С. 156–196.
27. Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Смысл и фиаско одного политического символа / пер. с нем. Д.В. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2006. 300 с.
28. Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца // Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
29. Islamic Political Theology / ed. by Massimo Campanini and Marco Di Donato. New York; London: Lexington Books, 2021. 192 p.
30. Strauss L. Persucution and the Art of Writing. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 204 p.
31. Taubes Jacob. The Political Theology of Paul / translated by Dana Hollander. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 184 p.

References

1. Agamben Dzh. Kapitalizm kak religiya [Capitalism as a religion]. *Tvorenie i anarkhiya. Proizvedenie v epokhu kapitalisticheskoi religii*. Moscow, Gileya, 2021, pp. 123-143. (In Russ.).
2. Agamben Dzh. Tsarstvo i Slava. K teologicheskoi genealogii ekonomiki i upravleniya [Kingdom and Glory. Towards a Theological Genealogy of Economics and Management]. Moscow, Saint Petersburg, Izd-vo Instituta Gaidara, Fakultet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2019, 552 p. (In Russ.).
3. Al'tshuller, M. Mezhdru dvukh tsarei: Pushkin v 1824-1836 gg. [Between Two Tsars: Pushkin in 1824-1836.]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 2003, 354 p. (In Russ.).
4. Al'tyusser L. Za Marksa [For Marx]. Moscow, Praksis, 2006, 392 p. (In Russ.).
5. Alyakrinskaya M.A. K probleme istoricheskogo soznaniya M.E. Saltykova-Shchedrina [On the problem of historical consciousness M.E. Saltykov-Shchedrin]. *Istoriya i kul'tura*. 2009, no. 7, pp. 181-189. (In Russ.).
6. Assman Ya. Politicheskaya teologiya mezhdru Egiptom i Izrailem [Political theology between Egypt and Israel]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2022, 182 p. (In Russ.).
7. Bocharov S.G. Pustynnyi seyatel' i velikii inkvizitor [Desert Sower and Grand Inquisitor]. *Filologicheskie syuzhety*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2007, pp. 233-262. (In Russ.).
8. Bryusov V.Ya. Mednyi vsadnik [Bronze Horseman]. *Sobranie sochinenii*. Vol. 7, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 30-61. (In Russ.).
9. Golovina T.N. «Istoriya odnogo goroda» M.E. Saltykova-Shchedrina: Literaturnye paralleli ["History of one city" M.E. Saltykov-Shchedrin: Literary Parallels]. Ivanovo, 1997, 76 p. (In Russ.).
10. Donoso Kortes Kh. Rech' o diktature [Talk about dictatorship]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2023, 196 p. (In Russ.).
11. Kantorovich E.Kh. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoii politicheskoi teologii [The two bodies of the king. Study in Medieval Political Theology]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara, 2015. 752 p. (In Russ.).
12. Kara-Murza A.A. «Novoe varvarstvo» kak problema rossiiskoi tsivilizatsii ["New barbarity" as a problem of Russian civilization]. Moscow, IF RAN, 1995, 211 p. (In Russ.).
13. Kara-Murza A.A. Poema «Mednyi vsadnik» A.S. Pushkina: politiko-filosofskie proektsii [The poem "The Bronze Horseman" by A.S. Pushkin: political and philosophical projections]. *Filosofskii zhurnal*. 2016, vol. 9, no. 2, pp. 54-65. (In Russ.).
14. Kondurov V.E. Politicheskaya teologiya Karla Shmitta: teoretiko-pravovoe issledovanie [The political theology of Carl Schmitt: a theoretical and legal study]. PhD thesis. Saint Petersburg, 2021, 442 p. (In Russ.).
15. Kr'steva D. Zver'/Begemot i Zmii/Leviafan v «Ode, vybrannoi iz Iova» M.V. Lomonosova (o politicheskikh allegoriyakh v sisteme absolyutizma i russkoi literature XVIII veka) [Beast/Behemoth and Serpent/Leviathan in "Ode Chosen from Job" by M.V. Lomonosov (about political allegories in the system of absolutism and Russian literature of the 18th century)]. *Rekata na vremeto. Sbornik statii v pamet na prof. Lyudmila Boeva (1934-2001)*. 2007, pp. 163-173. (In Russ.).
16. Lotman Yu.M. Ob «Ode, vybrannoi iz Iova» Lomonosova [About Lomonosov's "Ode Chosen from Job"]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1983, vol. 42, no. 3, pp. 253-262. (In Russ.).
17. Maier G. Chto takoe politicheskaya teologiya? Vvodnye zamechaniya otnositel'no odnogo spornogo ponyatiya [What is political theology? Introductory remarks on a controversial concept]. *Assman Yan. Politicheskaya teologiya mezhdru Egiptom i Izrailem*. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2022, pp. 29-49. (In Russ.).

18. Ospovat A.L., Timenchik R.D. «Pechal'nu povest' sokhranit'...» Ob avtore i chitatatelyakh «Mednogo vsadnika» [“It’s a sad story to keep...” About the author and readers of The Bronze Horseman]. Moscow, Kniga, 1987, 352 p. (In Russ.).
19. Ospovat K. Pridvornaya slovesnost': institut literatury i konstruktzii absolyutizma v Rossii serediny XVIII veka [Court Literature: Institute of Literature and Construction of Absolutism in Russia in the Middle of the 18th Century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 480 p. (In Russ.).
20. Petr I v russkoi literature XVIII veka. (Teksty i kommentarii) [Peter I in Russian literature of the 18th century. (Texts and comments)]. Saint Petersburg, Nauka, 2006, 450 p. (In Russ.).
21. Pumpyanskii L.V. «Mednyi vsadnik» i poeticheskaya traditsiya XVIII veka [The Bronze Horseman and the Poetic Tradition of the 18th Century]. *On zhe. Klassicheskaya traditsiya: Sobranie trudov po istorii russkoi literatury*. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2000, pp. 158-196. (In Russ.).
22. Pushkin A.S. Sobranie sochinenii v desyati tomakh [Collected works in ten volumes]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1959-1962. (In Russ.).
23. Saltykov-Shchedrin M.E. Istoriya odnogo goroda [History of one city]. *On zhe. Sobranie sochinenii v 20 t.* Vol. 8, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1969, pp. 263-433. (In Russ.).
24. Serman I.Z. Tema zla v «Mednom vsadnike» [The theme of evil in The Bronze Horseman]. *On zhe. Svobodnye razmyshleniya: Vospominaniya. Stat'i*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, pp. 177-189. (In Russ.).
25. Taubes Ya. AdCarlSchmitt. Sopryazhenie protivostremitel'nogo [Conjugation of the anti-rapid]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2021, 190 p. (In Russ.).
26. Filippov A.F. Aktual'nost' filosofii Tomasa Gobbsa [The relevance of the philosophy of Thomas Hobbes]. *Filippov A.F. Sociologia: nablyudeniya, opyty, perspektivy*. Vol. 2, Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2015, pp. 156-196. (In Russ.).
27. Shmitt K. Levifan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa. Smysl i fiasko odnogo politicheskogo simbola [Leviathan in the doctrine of the state of Thomas Hobbes. The meaning and fiasco of one political symbol]. Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2006, 300 p. (In Russ.).
28. Shmitt K. Politicheskaya teologiya. Chetyre glavy k ucheniyu o suverenitete [political theology. Four Chapters on the Doctrine of Sovereignty]. *Shmitt K. Ponyatie politicheskogo*. Saint Petersburg, Nauka, 2016, pp. 5-59. (In Russ.).
29. Islamic Political Theology / ed. by Massimo Campanini and Marco Di Donato. New York; London: Lexington Books, 2021. 192 p.
30. Strauss L. Persucution and the Art of Writing. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1980. 204 p.
31. Taubes Jacob. The Political Theology of Paul / translated by Dana Hollander. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2003. 184 p.

Информация об авторе

И.Ю. Роготнев – кандидат филологических наук,
доцент, кафедра русской литературы,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

I.Yu. Rogotnev – Ph. D. (Philology),
Associate Professor, Department of Russian Literature,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023; одобрена после рецензирования 30.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

The article was submitted 20.04.2023; approved after reviewing 30.04.2023; accepted for publication 20.05.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 104–111.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 104-111.

Научная статья

УДК 81-13

ВОСПРИЯТИЕ СТУДЕНТАМИ ВУЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН ЧЕРЕЗ МЕТАФОРУ

Константин Александрович Ключко

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
konstklochko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы восприятия студентами дисциплин профессионального цикла посредством метафоры, то есть моделирования ментальной репрезентации этой дисциплины по ассоциации. Выбор метафоры как метода исследования был продиктован в первую очередь тем обстоятельством, что метафора как явление широко изучается именно в дидактическом (педагогическом) дискурсе, что подтверждается широким рядом научных работ. В данной статье, со ссылкой на такого рода исследования, отмечается, что метафора является и способом моделирования концептуальной картины мира, и в ряде случаев средством влияния на речемыслительную деятельность коммуниканта. При этом в подобных исследованиях объектом изучения становится сам процесс передачи и получения знания – он уподобляется фабрике, выращиванию сада и т. д. – но в настоящей работе автор предлагает рассмотреть, как видится конкретный элемент процесса обучения, а именно: учебная дисциплина с точки зрения студента. Для этого был проведён эксперимент в 3 группах студентов 3 курса бакалавриата (ПГППУ и ПГНИУ), студентов попросили ответить на некоторые вопросы, касающиеся того, с чем можно сравнить отдельные профессиональные дисциплины, либо английский язык в профессиональной сфере деятельности. Для сравнения им также было предложено ответить на вопрос (без использования метафор) – для чего им в будущей профессии понадобится та или иная дисциплина. Анализ результатов показал, во-первых, что студенты, как правило, имеют хотя бы минимальный уровень метафорической компетенции, что позволяет им успешно моделировать своё восприятие предмета (дисциплины) через метафору. Во-вторых, метафора позволяет выделить те ключевые концепты, которые характеризуют (и персонально, и для группы) учебную дисциплину, что позволяет получать обратную связь в процессе педагогической коммуникации, а также прогнозировать эффективность новых учебных дисциплин, либо изменений в уже существующих.

Ключевые слова: метафора, дискурс, педагогический дискурс, профессиональные дисциплины, обучение.

Для цитирования: Ключко К.А. Восприятие студентами вуза профессиональных дисциплин через метафору // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 104–111.

Original article

THE PERCEPTION OF PROFESSIONAL ACADEMIC SUBJECTS THROUGH METAPHOR BY UNIVERSITY STUDENTS

Konstantin A. Klochko

Perm State University, Perm, Russia, konstklochko@gmail.com

Abstract. The article tackles the problem of the perception of professional academic subjects through metaphor by university students, i.e. the modelling of mental representation of the given academic subject by association. The choice of a metaphor as a method of research was based on the fact that metaphor is widely studied in didactic (pedagogical) discourse, which is proved by a long list of academic works on the topic. In the given article it is pointed out that metaphor is also both a means of modeling a conceptual image of the surrounding world, and a means of influencing the speech and cognition of a student. Whereas the focus of such research papers is the process of knowledge transition, the given article suggests having a look at how a certain academic subject is seen by a student. For this purpose an experiment was conducted; three Bachelor Degree groups of students (third year of studies, PSPU and PSU universities) were asked to answer some questions concerning metaphorical representation of professional academic subjects or English for Specific Purposes. For comparison they were offered a question without metaphors: why do they need this or that subject in future career. The results showed that, firstly, students mainly possess the so-called metaphoric competence, which helps them model one's perception of an academic subject through a metaphor. Secondly, metaphors allow to reveal key concepts (both for groups and individuals) that characterize an academic subject. It can help receive feedback on the academic subject for a professor and predict the effectiveness of new academic subjects as well as the effectiveness of alternations in the current ones.

Keywords: metaphor, discourse, pedagogic discourse, professional academic subjects, ESP.

For citation: Klochko K.A. The Perception of Professional Academic Subjects Through Metaphor by University Students. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:104-111. (In Russ.).

Введение

Сегодня не вызывает сомнений тот факт, что исследование метафоры не как тропа, но как средства познания действительности или способа моделирования языковой картины мира является актуальным для целого ряда дискурсов (см.: [Lakoff 2003]). Исследователями отмечается, что «изучение функций и типов метафор в различных видах дискурсов (образовательном, медицинском, военном, технологическом, политическом и других) – перспективное направление современной гуманитарной науки» [Будаев, Чудинов 2017: 61]. Особое место метафора занимает в сфере дидактики, где, как отмечают Э.В. Будаев и А.П. Чудинов, «несомненный интерес представляет когнитивное исследование педагогических метафор в рамках теории метафорического моделирования» [Будаев, Чудинов 2017: 62].

Указанные исследователи также проводили практическое изучение метафоры в ряде дискурсов, и применительно к педагогическому выделили два основных подхода к анализу метафоры: «Первый из них ориентирован на анализ когнитивной семантики педагогической метафоры с целью моделирования картины мира... Второй подход относится к области прагматических изысканий, в которых анализ педагогических метафор рассматривается как средство для эффективного воздействия на обучающихся» [Будаев, Чудинов 2018: 89]. Отмечается также, что «однозначное разграничение этих двух аспектов не всегда возможно» [Будаев, Чудинов 2018: 89] из-за тесной взаимосвязи прикладных задач и предшествующего теоретического изучения когнитивных структур. При этом «единственный способ достоверно смоделировать концептуальную картину мира ученика – изучать не только его речь, но и его деятельность» [Будаев, Чудинов 2018: 91]. Помимо различных аспектов практической и теоретической ценности изучения метафоры, следует помнить, что основная задача исследований в сфере метафоры – это «задача изучения концептуальной метафоры в речемыслительной деятельности человека» [Ивинских, Мишланова, 2011: 76]. Что же касается

способов изучения метафоры, то В.В. Пустовалова отмечает: «Категории «сходство», «сравнение» как основа определения метафоры интересны в педагогике возможностью обращения к понятному, знакомому предмету и явлению <...>, оттолкнувшись от которого, ученик осознает, освоит новое, незнакомое» [Пустовалова 2016: 171].

Стоит отметить, что данные аспекты метафоры как теории, как аналога текстопорождения и как основы дискурса уже рассматривались Пермской школой метафоры (см.: [Алексеева, Мишланова 2016: 123]). Одним из базовых положений теории метафоры Пермской школы является то, что метафора моделируема и связано это с законами текстообразования. Сопряжённое с этим процессом понятие, разрабатываемое Пермской школой метафоры, именуется метафорической компетенцией и определяется следующим образом: «К метафорической компетенции относят такие аспекты речемыслительной деятельности индивида, как распознавание метафорических выражений при слушании и чтении новостей, научных текстов и т. п., использование метафорических выражений в устной и письменной речи, а также распознавание метафор и понимание механизмов, лежащих в основе построения метафорических выражений» [Алексеева, Мишланова 2016: 128]. При этом Л.М. Алексеева и С.Л. Мишланова отмечают, что в «источниках практически отсутствуют данные, подтверждающие зависимость метафорической компетенции от языковой и профессиональной компетенции» [Алексеева, Мишланова 2016: 128], что может быть перспективной областью исследования. В целом же применительно именно в педагогическом дискурсе исследователи чаще всего выделяют «метафору приобретения и соучастия» [Будаев, Чудинов 2007: 70] или просто метафору приобретения (acquisition metaphor) [Graham 2001], а также метафоры, связанные с садоводством, путешествиями, фабриками [Ahmadyetal 2016].

Можно утверждать, что сегодня изучение метафоры в педагогическом дискурсе в основном направлено на репрезентацию процесса передачи знания. Так, Э.В. Будаев и А.П. Чудинов пишут, что в «традиционных педагогических системах ученик нередко метафорически обозначался в виде объекта, на который учитель (субъект педагогической деятельности) оказывает воздействие» [Будаев, Чудинов, 2017: 61]. Этим объектом «может быть сосуд, который наполняется знаниями, или чистый (белый) лист, на котором можно разместить любую информацию», податливая глина, «с которой работает скульптор, поле, на котором зреет урожай, или заготовки, которую токарь обрабатывает на станке» [там же].

Основная часть

В настоящей работе мы, развивая идею наличия метафорической компетенции, предпринимаем попытку рассмотреть не как видится процесс обучения, но как видится цель и объект изучения дисциплины с точки зрения обучаемого (студента). Это позволит, с одной стороны, сместить фокус исследования с общего (обезличенного процесса) на частное (конкретную дисциплину) с использованием уже известных инструментов метафорического моделирования; с другой стороны – выделить те аспекты процесса обучения, которые при более общем исследовании остаются «в тени»: например, стиль мышления (cognitive mode / style) и его разновидности – вербальный, невербальный, последовательный, непоследовательный (verbal, non-verbal; sequential, non-sequential) [Soto-Andrade 2007].

Для того чтобы посмотреть, как «работает» метафорическая компетенция, модель которой, как известно, включает в себя «лингвистическую, социолингвистическую и прагматическую компетенции» [Уткина, Мишланова 2016], в свою очередь подразделяющиеся на ряд субкомпетенций, было решено провести эксперимент. Он касался восприятия студентами профессиональных дисциплин через метафору. Задача эксперимента – установить, каким

образом профессиональные дисциплины видятся студентами и насколько точно они могут это выразить, и, возможно, выявить формы функционирования метафоры: прямая, непрямая, конвенциональная, неконвенциональная и т. д. [Berger 2011]. Это, как и уровни функционирования метафоры [Botha 2009: 431], важно для исследования образовательного дискурса с диагностической целью, либо с целью получения обратной связи.

Суть эксперимента заключалась в следующем. Студентам дневного очного отделения 3 курса бакалавриата было предложено ответить на несколько вопросов, касающихся дисциплин профессионального цикла в объеме одно-два предложения. Были опрошены три группы: (1) студенты 3 курса факультета иностранных языков ПГПУ (специальность «Лингвистика»); (2) студенты 3 курса историко-политологического факультета ПГНИУ (специальность «Международные отношения»); (3) студенты 3 курса филологического факультета ПГНИУ (специальность «Реклама и связи с общественностью»).

Всем студентам-участникам эксперимента были даны (с небольшими вариациями) следующие инструкции: А) письменно ответить на вопрос «Как мне пригодится определенная дисциплина в профессиональной деятельности», Б) письменно продолжить фразу «Профессиональная дисциплина – это как ...». Для каждой группы была выбрана одна из дисциплин профессионального цикла. Для группы 1 – Лексикология английского языка, для группы 2 – Теория международных отношений, для группы 3 – Нарратология.

В первой группе было получено 15 ответов, из них нас главным образом интересовали метафоры второго вопроса и их возможная корреляция с первым вопросом. Следует отметить, что не в каждой работе из всех групп были найдены метафоры как таковые; в 6 ответах первой группы были крайне сухие формулировки, в одной даже пропущено слово «как»: «Лексикология это наука о словах». В остальных случаях метафоры были крайне оригинальными, и в некоторых работах пояснялись в скобках: *гуакомоле (знакомое, но непонятное), океан (неизвестное, имеет подводные камни), книга, строение автомобиля, логика, барабан, кирпич в фундаменте, цепочка из букв, рулетка*. При всём кажущемся разнообразии метафор их можно свести к одному значению – неясности.

В ряде работ это выражается напрямую («гуакомоле» или «океан» с пометкой «непонятное»), в ряде – опосредованно, через абсурдные, несвязанные друг с другом понятия «Лексикология» – «барабан» и т. п. Как подчеркивает, в частности, М.Ю. Олешков, метафора всегда эмоциональна, стилистически окрашена; при этом эмоциональность не выражается напрямую, а чему-то уподобляется [Олешков 2012: 120]. Заметим, что ответы на первый вопрос во всех случаях носят формальный, «правильный» характер, не выделяются сравнениями, либо наличием метафор: «Умение грамотно переводить», «Лучше знать строй языка» и подобные.

Во второй группе, как и в третьей, условия эксперимента несколько отличались от первой. Продиктовано это было, двумя факторами: преподаваемой автором дисциплины в группе и возможностью оценить наличие и связь метафорической и профессиональной компетенций. Так, в первой группе это была лексикология английского языка, во второй и третьей – английский язык в профессиональной сфере деятельности. Что же касается второго фактора, то выбор профессиональной дисциплины для эксперимента осуществлялся непосредственно группой, и поэтому было интересно посмотреть, будет ли пересекаться метафорическое видение английского языка в профессиональной сфере деятельности (по тематическому плану во многом пересекающегося с последовательно идущими дисциплинами профессионального цикла) с выбранной группой дисциплиной.

Для второй группы инструкции были следующие: А) письменно продолжить фразу «Иностранный язык в профессиональной сфере деятельности» – это как...; Б) письменно ответить на вопрос «Как мне пригодится Теория международных отношений в профессиональной деятельности». Во второй группе результаты получились следующие. Всего было получено 8 работ. Из них 5 содержали метафоры при ответе на первый вопрос; в оставшихся трех просто даны определения: ... «Professional English – проф. компетенции» и «...это изучение и совершенствование языка по нашей прямой специальности – работа с иностранными документами, разбор международных отношений и т. д.». В одной работе говорится: «Professional English как для работы».

Оставшиеся 6 работ традиционно ассоциируют профессиональный английский язык как предмет с *путешествием в страны, где он используется*, а также сравнивают с чем-то важным и сложным, с *обучением в зарубежном вузе*, называют *необходимостью* для будущей профессии, *возможностью (даёт перспективу в будущих профессиональных взаимодействиях)*. Очевидно, что данная дисциплина воспринимается конкретно, как компонент общего профессионального обучения. Все ответы разные, и только в одном случае упоминается достаточно абстрактное, но характерное *путешествие* как метафора изучения английского языка (см.: [Клочко, Полякова, Снегова, Фирстова 2018]).

Во всех остальных случаях метафоры не такие яркие, как в предыдущей группе, но предметно и профессионально-ориентированные. Второй вопрос, как и в первой группе, был описан во всех работах развернуто, подробно, даже в большем объеме по сравнению с первой группой. Вероятно, это связано с тем, что профессиональная дисциплина была уже прочитана студентам, и она не была для них чем-то непонятным.

В третьей группе было получено 13 ответов. Инструкции учитывали ответы первых двух групп, комбинировали условия эксперимента и были следующие: а) письменно продолжить фразу «Иностранный язык в профессиональной сфере деятельности» – это как...; б) письменно продолжить фразу «Нарратология это как...; в) письменно ответить на вопрос «Как мне пригодится Нарратология в профессиональной деятельности». Выбор профессиональной дисциплины был также определен группой. Из 13 работ только 3 не продемонстрировали никаких признаков метафоры: в них авторы называли и английский, и нарратологию элементами учебного плана, либо давали определения данным предметам.

В остальных случаях три работы давали образные метафоры. Профессиональный английский – это *река Стикс, а ты в ней Ахиллес, чтение Кафки в первый раз (непонятно, но интересно), спасательный круг для работника*. В этих же работах нарратология определялась как «изучение грамоты с нуля», «пересматривать детские мультфильмы с позиции взрослого», «основной навык пиарщика». В то же время 7 оставшихся работ были более конкретными в ответах: английский чаще сравнивался с *предметом или инструментом, необходимой для работы деталью*, а также с *возможностью*. С нарратологией чаще наблюдались совпадения по метафорической репрезентации: *инструмент, деталь, возможность, основа роста*. Лишь в одной работе нарратологию сравнили с *древнерусской сказкой*. Ответы на третий вопрос, как и в первых двух группах, были предельно строгими и предметными: нужно для будущей профессии, уметь работать с текстами и *подобными*.

Заключение

Таким образом, результаты эксперимента показывают, что в большинстве случаев студенты обладают хотя бы минимальной метафорической компетенцией, которую могут использовать для репрезентации восприятия изучаемых дисциплин. При анализе полученных результатов можно сделать вывод о характере восприятия учебной дисциплины по

характеристике концептов, репрезентируемых в метафоре. В первой группе они в массе своей отражали неуверенность и непонимание (дисциплина ещё не была прочитана), а в остальных группах общее сложившееся понимание дисциплины и её важности для студента как будущего специалиста. В группах 2 и 3 специальные предметы уже не вызывали опасения, ответы выражали «прикладное восприятие» дисциплин.

Интересно отметить связь курса профессионального английского языка с другими профессиональными дисциплинами. Он оказывается компонентом всей образовательной программы, в большинстве случаев имеет характеристики инструмента, что отличает его от общего курса английского, воспринимаемого в отрыве от других предметов.

И на последний вопрос, касающийся важности дисциплины для будущей профессии, который был задан во всех группах и не «провоцировал» метафор, были получены строго формализованные ответы, какие они «должны быть».

Анализируя все ответы трёх групп, мы можем сделать вывод: метафора позволяет точно понять особенности восприятия той или иной дисциплины студентами, что в других случаях может быть скрыто за «сухими» формулировками. В нашем случае это – некая настороженная антиципация нового предмета (лексикологии). При помощи подобного метода преподаватель может получать обратную связь в процессе педагогической коммуникации, а также прогнозировать (моделировать) эффективность новых учебных дисциплин, либо изменений в уже существующих.

Список литературы

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Пермская школа метафоры [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 3 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/permskaya-shkola-metafory> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. 2007. № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-pedagogicheskom-diskurse-sovremennye-zarubezhnye-issledovaniya> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П., Цыганкова А.В. Педагогическая метафорология [Электронный ресурс] // Филологический класс. 2017. № 4 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-metaforologiya> (дата обращения: 10.03.2023).
4. Будаев Э.В., Чудинов А.П., Методологические инновации в педагогической метафорологии [Электронный ресурс] // Филологический класс. 2018. № 2 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-innovatsii-v-pedagogicheskoy-metaforologii> (дата обращения: 10.03.2023).
5. Ивинских Н.П., Мишланова С.Л. Дидактический потенциал метафоры // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 3' 2011. С. 76–80.
6. Ключко К.А., Полякова С.В., Снегова С.В., Фирстова М.Ю. Восприятие студентами занятий по иностранному языку через метафору // Психологическая безопасность образовательной среды вуза: Материалы всероссийской научной конференции, Нижний Новгород, 14 декабря 2018 года / Ответственный за выпуск Г.В. Сорокоумова. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2018. С. 49–54.
7. Олешков М.Ю. Эмоциональность педагогического дискурса в аспекте креативности [Электронный ресурс] // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2012. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnost-pedagogicheskogo-diskursa-v-aspekte-kreativnosti> (дата обращения: 10.03.2023).
8. Пустовалова В.В. Метафора в педагогике: экскурс и перспективы [Электронный ресурс] // Вестник ТГПУ. 2016. № 12 (177). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-pedagogike-ekskurs-i-perspektivy> (дата обращения: 10.03.2023).

9. Уткина Т.И., Мишланова С.Л. Исследование метафорической компетенции студентов-экономистов в процессе профессионально-ориентированного обучения английскому языку [Электронный ресурс] // ИСОМ. 2016. № 6–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-metaforicheskoy-kompetentsii-studentov-ekonomistov-v-protssesse-professionalno-orientirovannogo-obucheniya-angliyskomu> (дата обращения: 10.03.2023).
10. Ahmady S., Yaghmaei M., Arab M., Alireza M. Metaphor in Education: Hidden but Effective. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/332105759_Metaphor_in_Education_Hidden_but_Effective (дата обращения: 10.03.2023).
11. Berger A. Deliberate metaphors? An exploration of the choice and functions of metaphors in US-American college lectures. URL: https://www.metaphorik.de/sites/www.metaphorik.de/files/journal-pdf/20_2011_beger.pdf (дата обращения: 10.03.2023).
12. Botha M.E.. Why metaphor matters in education. South African Journal of Education. (2009). URL: https://www.researchgate.net/publication/45463310_Why_metaphor_matters_in_education (дата обращения: 10.03.2023).
13. Graham C. Acquisition and participation: two metaphors are better than one // Academic Exchange Quarterly. 2001. Vol. 5 (3). P. 22–27.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London: The University of Chicago Press. 2003.
128. P. URL: <https://www.textosonlinea.com.ar/libros/Lakoff%20y%20Johnson%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By%20-%201980.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
15. Soto-Andrade J. Metaphors and cognitive modes in the teaching-learning of mathematics. 2007. URL: <https://www.researchgate.net/publication/228583228> (дата обращения: 10.03.2023).

References

1. Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Permskaya shkola metafory [Perm school of metaphor]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. 2016, no. 3 (35). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/permskaya-shkola-metafory> (accessed: 10.03.2023).
2. Budaev E.V., Chudinov A.P., Metafora v pedagogicheskom diskurse: sovremennye zarubezhnye issledovaniya [Metaphor in Pedagogical Discourse: Contemporary Foreign Studies]. *Politicheskaya lingvistika*. 2007, no. 21. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-pedagogicheskom-diskurse-sovremennye-zarubezhnye-issledovaniya> (accessed: 10.03.2023).
3. Budaev E.V., Chudinov A.P., Tsygankova A.V. Pedagogicheskaya metaforologiya [Pedagogical metaphorology]. *Filologicheskii klass*. 2017, no. 4 (50). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-metaforologiya> (accessed: 10.03.2023).
4. Budaev E.V., Chudinov A.P., Metodologicheskie innovatsii v pedagogicheskoi metaforologii [Methodological innovations in pedagogical metaphorology]. *Filologicheskii klass*. 2018, no. 2 (52). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-innovatsii-v-pedagogicheskoy-metaforologii> (accessed: 10.03.2023).
5. Ivinskikh N.P., Mishlanova S.L. Didakticheskii potentsial metafory [Didactic Potential of Metaphor]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2011, pp. 76-80. (In Russ.).
6. Klochko K. A., Polyakova S.V., Snegova S. V., Firstova M. Yu. Vospriyatie studentami zanyatii po inostrannomu yazyku cherez metaforu [Students' perception of foreign language classes through metaphor]. *Psikhologicheskaya bezopasnost' obrazovatel'noi sredy vuza: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii.. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet im. N.A. Dobrolyubova*, 2018, pp. 49-54. (In Russ.).
7. Oleshkov M.Yu. Emotsional'nost' pedagogicheskogo diskursa v aspekte kreativnosti [Emotionality of Pedagogical Discourse in the Aspect of Creativity]. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': lingvistika kreativa*. 2012, no. 3. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnost-pedagogicheskogo-diskursa-v-aspekte-kreativnosti> (accessed: 10.03.2023).

8. Pustovalova V.V. Metafora v pedagogike: ekskurs i perspektivy [Metaphor in Pedagogy: Excursus and Perspectives]. *Vestnik TGPU*. 2016, no. 12 (177). (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metafora-v-pedagogike-ekskurs-i-perspektivy> (accessed: 10.03.2023).

9. Utkina T.I., Mishlanova S.L. Issledovanie metaforicheskoi kompetentsii studentov-ekonomistov v protsesse professional'no-orientirovannogo obucheniya angliiskomu yazyku [Study of the Metaphorical Competence of Economics Students in the Process of Professionally Oriented Teaching of the English Language]. *ISOM*. 2016, no. 6-1. (In Russ.). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-metaforicheskoy-kompetentsii-studentov-ekonomistov-v-protsesse-professionalno-orientirovannogo-obucheniya-angliyskomu> (accessed: 10.03.2023).

10. Ahmady S., Yaghmaei M., Arab M., Alireza M. Metaphor in Education: Hidden but Effective. 2016. URL:

https://www.researchgate.net/publication/332105759_Metaphor_in_Education_Hidden_but_Effective (accessed: 10.03.2023).

11. Berger A. Deliberate metaphors? An exploration of the choice and functions of metaphors in US-American college lectures. URL: https://www.metaphorik.de/sites/www.metaphorik.de/files/journal-pdf/20_2011_beger.pdf (accessed: 10.03.2023).

12. Botha M.E.. Why metaphor matters in education. *South African Journal of Education*. (2009). URL: https://www.researchgate.net/publication/45463310_Why_metaphor_matters_in_education (accessed: 10.03.2023).

13. Graham C. Acquisition and participation: two metaphors are better than one // *Academic Exchange Quarterly*. 2001. Vol. 5 (3). P. 22–27.

14. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. London: The University of Chicago Press. 2003. 128. P. URL: <https://www.textosonlinea.com.ar/libros/Lakoff%20y%20Johnson%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By%20-%201980.pdf> (accessed: 10.03.2023).

15. Soto-Andrade J. *Metaphors and cognitive modes in the teaching-learning of mathematics*. 2007. URL: <https://www.researchgate.net/publication/228583228> (accessed: 10.03.2023).

Информация об авторе

К.А. Ключко – кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

К.А. Klochko – Ph. D. (Philology), Associate Professor,
Department of English and Intercultural Communication,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.03.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

The article was submitted 10.03.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 20.04.2023.

Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 112–116.

Eurasian Humanitarian Journal. 2023. No. 2. P. 112-116.

Научная статья

УДК 811.111'27:378-057.875

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА НЕЯЗЫКОВЫХ ФАКУЛЬТЕТАХ УНИВЕРСИТЕТА

Галина Николаевна Иванова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия,
galinaview@yandex.ru

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению вопросов формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов Пермского университета. Формирование коммуникативной компетенции предполагает овладение иноязычным общением средствами иностранного языка и их употреблением в речевой деятельности. Определены важнейшие показатели коммуникативно зрелой личности: потребность в общении с другими людьми, способность к активному участию в жизни общества и к конструктивному решению различных жизненных проблем. Показана важность раннего распознавания и преодоления барьеров в общении. Основные барьеры, затрудняющие общение – эмоциональный, когнитивный и мотивационный. Распознавание барьеров на ранних этапах обучения влияет на успешность обучения устной иноязычной речи. Даже при частичном решении данной проблемы можно существенно повысить уровень языковой компетенции обучающихся. Активное применение находят такие методы и технологии формирования коммуникативной компетенции, как языковые и ролевые игры, проектная деятельность, развитие критического мышления через чтение и письмо, метод дебатов, case study, технология интерактивного обучения в парах и малых группах, Интернет-технологии и другие. Накоплен положительный опыт их применения, постоянно совершенствуются приёмы и подходы, осуществляется обратная связь со студентами. Включение в учебный процесс ролевых игр и проблемных ситуаций направлено на активизацию ранее изученных лексических единиц и их последующее использование в творческих ситуациях общения. Применение новейших информационных технологий на занятиях повышает мотивацию и познавательную активность учащихся, способствует преодолению психологического барьера в общении на иностранном языке.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, ролевые игры, метод проектов, критическое мышление, барьеры в общении, письменная коммуникация.

Для цитирования: Иванова Г.Н. Практические пути развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся на неязыковых факультетах университета // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 112–116.

Original article

THE PRACTICAL WAYS OF DEVELOPING STUDENTS' FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE AT THE NON-LINGUISTIC FACULTIES OF THE UNIVERSITY

Galina N. Ivanova

Perm State University, Perm, Russia, galinaview@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issues of formation of students' foreign language communicative competence at the non-linguistic faculties of Perm University. The formation of communicative competence involves the mastery of foreign language communication by means of a foreign language and their use in speech activity. The most important indicators of a communicative mature personality are identified: the need to communicate with other people, the ability to actively participate in the life of society and to constructively solve various life problems. The importance of early recognition and overcoming barriers in communication is shown. The main barriers to communication are emotional, cognitive, and motivational. Recognition of barriers in the early stages of learning affects the success of teaching oral foreign language. Even with a partial solution of this problem, it is possible to significantly increase the level of students' language competence. Such methods and technologies of developing students' communicative competence as language and role-playing games, project activities, the development of critical thinking through reading and writing, the method of debate, case study, the technology of interactive learning in pairs and small groups, Internet technologies and others are actively used. Positive experience of their application has been accumulated, techniques and approaches are constantly being improved, the students' feedback is provided. The use of role-playing games and problem situations in the educational process is aimed at activating previously studied vocabulary and their subsequent use in creative situations of communication. The use of the latest information technologies increases the students' motivation and cognitive activity, helps to overcome the psychological barrier in communicating in a foreign language.

Keywords: foreign language communicative competence, role-playing games, project method, critical thinking, barriers to communication, written communication

For citation: Ivanova G.N. The practical ways of developing students' foreign language communicative competence at the non-linguistic faculties of the university. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;2:112-116. (In Russ.).

Введение

Конечной целью обучения иностранному языку в вузе является не столько владение иностранным языком, сколько формирование «коммуникативной компетенции, необходимой для квалифицированной творческой деятельности в различных сферах делового и научного сотрудничества» [Халилова 1998: 24]. Под коммуникативной компетенцией обычно понимается способность устанавливать и поддерживать необходимые контакты с другими людьми. В состав компетенции включают совокупность знаний, умений и навыков, обеспечивающих эффективное общение. Цель данной статьи – рассмотрение способов формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов Пермского университета.

Основная часть

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов университета по-прежнему остаётся актуальной задачей, поскольку она закладывает основу их успешной профессиональной деятельности.

Отечественная и зарубежная методическая наука определила практические пути развития данной компетенции обучающихся в вузе. Такие исследователи, как Р.П. Мильруд [Мильруд, Макисмова 2017: 14], Е.Н. Соловова [Соловова 2002: 189], D. Hymes [Hymes 1972: 273], D. Larsen-Freeman [Larsen-Freeman, Anderson 2011: 152], D.A. Wilkins [Wilkins 1976: 23] выделяют следующие принципы коммуникативного подхода: ошибки считаются естественными при формировании коммуникативной компетенции; лингвистическая компетенция – важная, но не единственная составляющая коммуникативной компетенции; работа с языком происходит не только на уровне фразы и предложения, но и на уровне дискурса; широкое распространение находит парная и групповая работа, чтобы обеспечить максимальное участие каждого обучающегося; учащиеся тренируют в применении стратегий, которые помогут им успешно тренироваться автономно в дальнейшем; грамматика и лексика ситуативны, то есть

коммуникативная ситуация определяет грамматические формы и вокабуляр, которые подлежат отработке; в центре внимания – обучающийся с его особенностями и потребностями [Larsen-Freeman, Anderson 2011: 161–165].

Важнейшими показателями коммуникативно зрелой личности являются потребность в общении с другими людьми, способность к активному участию в жизни общества и к конструктивному решению различных жизненных проблем путём установления социальных контактов и межличностных отношений. В связи с этим перед преподавателем встаёт задача эффективного обучения студентов устной иноязычной речи. При этом нельзя не учитывать роль барьеров в общении. Поскольку общение предполагает взаимодействие двух или более людей, то возникающие в процессе трудности могут порождаться одним участником или сразу обоими. Как следствие – полное или частичное недостижение цели, неполучение желаемого результата [Радугин 2006: 154]. Возникает необходимость своевременного определения наличия психологического барьера у обучаемого, распознавания его характера и, в соответствии с этим, выбора пути его преодоления. Преодоление психологических барьеров способствует повышению эффективности общения и реализации возможностей, которые предоставляют человеку язык и речь.

Основные барьеры, затрудняющие общение и познание – эмоциональный, когнитивный и мотивационный. Эмоциональный барьер появляется при возникновении новых условий деятельности и их переживании. На первый план часто выходят эмоции, связанные с процессом обучения: неуверенность в своих силах, напряжённые отношения с преподавателями и товарищами. Преодолению эмоционального барьера способствуют создание благоприятного психологического климата на занятиях, анализ потребностей обучаемых. Когнитивный психологический барьер возникает перед новым в отсутствие определённого знания о новом и вызывает пассивное противодействие. Мотивационный барьер проявляет себя как отсутствие интереса к предмету и мотивации, что негативно влияет на успех деятельности. Для студентов неязыковых специальностей наибольшую трудность представляет сам процесс иноязычного общения, поскольку изучаются не только основы иностранного языка, но и профессиональная лексика, а также основы делового общения. Распознавание барьеров на ранних этапах обучения непосредственно влияет на успешность обучения устной иноязычной речи. Данная проблема очень важна в контексте психологии обучения иностранному языку, поскольку даже при частичном решении можно существенно повысить уровень языковой компетенции обучающихся. Разработка проблемы барьеров общения имеет практическое значение, что позволяет эффективно организовать иноязычное общение студентов на иностранном языке.

К методам и технологиям обучения иностранному языку, реализующим принцип коммуникативности, относятся: 1) различные игровые технологии (языковые и ролевые игры, драматизации); 2) метод проектов; 3) развитие критического мышления через чтение и письмо; 4) метод дебатов; 5) проблемные дискуссии (case study); 6) технология интерактивного обучения (в парах, малых группах); 7) Интернет-технологии. Вышеперечисленные методы активно применяются на занятиях по иностранному языку на гуманитарных факультетах университета. Накоплен положительный опыт их применения, постоянно совершенствуются приёмы и подходы, осуществляется обратная связь со студентами.

Так, например, включение в учебный процесс ролевых игр и проблемных ситуаций направлено на активизацию ранее изученных лексических единиц и последующее их использование в творческих ситуациях общения. Проектная технология позволяет организовать изучение студентами отечественных и зарубежных реалий с последующим представлением, например, игрового судебного процесса на юридическом факультете университета.

Развитие критического мышления студентов рассматривается как способ мотивации к изучению иностранного языка и средство формирования иноязычной коммуникативной

компетенции [Абдрафикова, Ещенко 2016: 10]. Развитие навыков критического мышления осуществляется при изучении устных тем, написании эссе, подборе материала для презентаций, составлении резюме, деловых писем и др.; при этом задания направлены на оценку восприятия информации, развитие умения анализа, обобщения, сравнения изучаемых реалий.

На практических занятиях широкое применение находит метод анализа ситуаций из практики (case study). Студентам предлагается обсудить и найти решение для ситуаций, имеющих отношение к реальным жизненным и профессиональным проблемам. Данный метод позволяет развивать аналитические навыки студентов, умение работать в команде, а также формировать soft skills («гибкие» навыки). С целью развития «гибких» навыков организуется работа студентов парами и малых группах, составляются и отрабатываются диалоги и ролевые игры, проводится проектная деятельность. Работа в парах способствует развитию коммуникативных навыков студентов, поскольку они осуществляют активное взаимодействие друг с другом, обсуждают проблемные и спорные вопросы в ходе выполнения задания.

Применение новейших информационных технологий на занятиях повышает мотивацию и познавательную активность учащихся, способствует преодолению психологического барьера в использовании иностранного языка как средства общения, повышает эффективность обучения. Современные мультимедийные обучающие программы, такие как «Профессор Хиггинс», «Oxford Platinum» и другие, разнообразие ресурсов сети Интернет: аутентичных материалов, электронных версий зарубежных газет и журналов, публикаций и словарей способствуют формированию иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, так как эффективное изучение иностранного языка строится на работе с аутентичными видео-, аудио- и печатными материалами.

Сфера письменной коммуникации также важна для формирования коммуникативной компетенции обучающихся, поскольку она способствует успешной деловой и академической карьере. Перед будущими выпускниками стоит задача овладения основными письменными жанрами, позволяющими общаться с зарубежными коллегами, принимать участие в научных конференциях. С этой целью создаются приближённые к реальным ситуации, требующие написания документов различных жанров, таких как резюме (CV), деловое письмо и др. Каждый из этих жанров обладает своими особенностями, о которых обучающиеся часто не имеют представления. «Многие студенты ошибочно полагают, что на английском языке нужно писать так же, как и по-русски, то есть, следуя тем же языковым и стилистическим нормам. Между тем, как известно, англоязычная коммуникативная культура обладает своей собственной ярко выраженной спецификой. Это значит, что создающий письменные документы на иностранном языке должен быть хорошо знаком с иноязычным этикетом» [Кочкарёва 2019: 70].

При обучении письменной коммуникации в академической и профессиональной сфере студенты работают с аутентичными образцами письменных документов, принимают участие в ролевых играх, в которых разыгрывается ситуация организации и проведения научной конференции, в ходе которой «студентам нужно составить информационное письмо о конференции, приглашения основным докладчикам, написать ответные письма оргкомитету от имени приглашённых и так далее» [Кочкарёва 2019: 73].

Заключение

Таким образом, формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов университета целенаправленно осуществляется на практических занятиях по иностранному языку с применением широкого спектра методов и технологий, направленных на развитие умений и навыков эффективного общения, являющегося залогом будущей успешной профессиональной деятельности.

Список литературы

1. Абдрафикова А.Р., Ещенко Е.Ю. Некоторые следствия применения стратегий развития критического мышления на уроках английского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Челябинск: Издательство «Челябинский государственный университет», 2016. № 8. С. 9–15.
2. Иностранный язык: программа курса под общ. ред. Халиловой Х.А. М.: РГТУ, 1998. 95 с.
3. Кочкарёва И.В. Обучение письменной коммуникации в академической и профессиональной среде (Базовый уровень) // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 4(2). С. 69–75.
4. Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранным языкам // Иностранный язык в школе. 2000. № 4. С. 9–16.
5. Радугин А.А. Социальная психология. Учебное пособие для высших учебных заведений / Радугин А.А., Радугина О.А. М.: Библионика, 2006. 496 с.
6. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: Базовый курс лекций. М.: Просвещение, 2002. 239 с.
7. Hymes D. On communicative competence. In Pride J. B. & Holmes J. (eds.) Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269-285.
8. Larsen-Freeman D., Anderson M. Techniques and Principles in Language Teaching. Oxford: OUP, 2011. 318 p.
9. Wilkins D. Notional Syllabuses. Oxford: OUP, 1976. 92 p.

References

1. Abdrafikova A.R., Eshchenko E.Yu. Nekotorye sledstviya primeneniya strategii razvitiya kriticheskogo myshleniya na urokakh angliiskogo yazyka [Some Consequences of Applying Critical Thinking Development Strategies in English Lessons]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Chelyabinsk, Izdatel'stvo «Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet», 2016, no. 8, pp. 9-15. (In Russ.).
2. Khalilova Kh.A. Inostranniy yazyk: programma kursa [Foreign language: course program]. Moscow, RGTU, 1998, 95 p. (In Russ.).
3. Kochkareva I.V. Obuchenie pis'mennoi kommunikatsii v akademicheskoi i professional'noi srede (Bazovyi uroven') [Teaching written communication in an academic and professional environment (Basic level)]. *Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal*. 2019, no. 4(2), pp. 69-75. (In Russ.).
4. Mil'rud R.P., Maksimova I.R. Sovremennye kontseptual'nye printsipy kommunikativnogo obucheniya inostrannym yazykam [Modern conceptual principles of communicative teaching of foreign languages]. *Inostranniy yazyk v shkole*. 2000, no. 4, pp. 9-16. (In Russ.).
5. Radugin A.A. Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Moscow, Bibliionika, 2006, 496 p. (In Russ.).
6. Solovova E.N. Metodika obucheniya inostrannym yazykam [Methods of teaching foreign languages]. Moscow, Prosveshchenie, 2002, 239 p. (In Russ.).
7. Hymes D. On communicative competence. In Pride J. B. & Holmes J. (eds.) Sociolinguistics. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 269–285.
8. Larsen-Freeman D., Anderson M. Techniques and Principles in Language Teaching. Oxford: OUP, 2011. 318 p.
9. Wilkins D. Notional Syllabuses. Oxford: OUP, 1976. 92 p.

Информация об авторе

Г.Н. Иванова – старший преподаватель,
кафедра английского языка и межкультурной коммуникации,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

G.N. Ivanova – Senior Lecturer,
Department of the English Language and Intercultural Communication,
Perm State University.

Статья поступила в редакцию 10.04.2023; одобрена после рецензирования 20.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 10.04.2023; approved after reviewing 20.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.

ПОРЯДОК ПУБЛИКАЦИИ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЬИ

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала.
2. К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
3. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word 1997–2003, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,0, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.
4. Графики, диаграммы не допускаются.
5. Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
6. Объем авторского материала, включающего в себя сведения об авторе, аннотацию, ключевые слова (на русском и английском языках), а также примечания и ссылки, должен быть 10–15 страниц, а для аспирантов – 6–8 страниц.
7. В каждой научной статье журнала должны быть указаны следующие данные:
 - 1 – код УДК;
 - 2 – фамилия, имя, отчество автора (полностью);
 - 3 – ученая степень, ученое звание;
 - 4 – должность, место работы (если таковое имеется);
 - 5 – контактная информация (e-mail);
 - 6 – название статьи;
 - 7 – аннотация (200–250 слов) об актуальности и новизне темы, главных содержательных аспектах;
 - 8 – ключевые слова по содержанию статьи (5–8 слов и/или словосочетаний);
 - 9 – ссылки.

Включенные в пристатейный список библиографические описания цитируемых, рассматриваемых или упоминаемых в тексте статьи других документов связывают отсылками с конкретным фрагментом текста. При отсылке к произведению, описание которого включено в библиографию, в тексте статьи после упоминания о нем (после цитаты из него) проставляют в квадратных скобках фамилию автора, год и страницы, например: [Бондарко 2005: 25], [Leiss 2010: 234], [Fillmore 1987: 34].

Пристатейные ссылки размещаются после текста статьи, предваряются словом «Список литературы» (не менее 10), оформляются в алфавитном порядке.

При ссылке на данные, полученные из сети Internet, указывается электронный адрес первичного источника информации и дата обращения в круглых скобках, например: (дата обращения: 22.12.2019). При записи подряд нескольких библиографических ссылок на один документ в повторной ссылке приводят слова «там же» или "Ibid." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). В повторных ссылках только на одну работу данного автора (авторов) основное заглавие и следующие за ним повторяющиеся элементы опускают или заменяют словами «Указ. соч.» или "Op. cit." (для документов, напечатанных латинским шрифтом). Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.7–2021 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

9. При первом упоминании лица обязательно указываются И.О., которые отделяются пробелом от фамилии. Годы указываются только в цифрах, а не в числительных: 20-е гг., а не двадцатые годы. Не год или годы, а г. или гг. Не век или века, а в. или вв. Исключаются сокращения: др., проч., т. е., т. к. Следует писать полностью: другие, прочие, то есть, так как. Из сокращений допускаются: т. д., т. п., см. Знак % ставится значком, а не словом, если связан с цифрой, и отделяется от цифры интервалом: 3 %; в иных случаях: «процент ... превышал 30». Цифры: миллионы от тысяч и тысячи от сотен отделяются пробелом (4 700 000, 1 560 000) или могут быть заменены соответствующими сокращенными словами и аббревиатурами: тыс., млн, млрд. Названия денежных знаков даются по принятым сокращениям: долл., фр., руб., ф. ст., марка.

10. Статьи аспирантов, соискателей и кандидатов наук принимаются редакцией к рассмотрению только вместе с рецензией (оригиналом) научного руководителя или ведущего специалиста, заверенной подписью и печатью организации, в которой работает рецензент. Рукопись направляется на рецензирование специалистам в данной области исследования. К публикации принимаются статьи, прошедшие рецензирование. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала на основании экспертных оценок рецензентов с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

Рукопись, получившая отрицательные отзывы, решением редакционного совета отклоняется. Нуждающаяся в доработке статья направляется автору вместе с замечаниями рецензента.

Редакция оставляет за собой право отклонять без рецензии статьи, не соответствующие профилю журнала или оформленные с нарушением правил.

11. Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

12. Представляя в редакцию рукопись своей статьи, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

14. Порядок и очередность публикации статьи определяется в зависимости от объема публикуемых материалов в каждом конкретном выпуске.

15. Редакция оставляет за собой право не публиковать статью. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Авторы имеют право на доработку статьи или ее замену другим материалом. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Пример оформления списка литературы:

1. Бондарко А.В. Теоретические проблемы русской грамматики. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский университет», 2004. 207 с.

2. Бондарко А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С.Д. Кацнельсона. Российская академия наук / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1998. С. 51–63.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.05.2018).

Пример оформления статьи:

Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 3. С. ...

Eurasian Humanitarian Journal. 2022. No. 3. P. ...

Научная статья

УДК ...

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВ ТУРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЕ

Иван Иванович Иванов[©]

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, Пермь, azxvdvs@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемы, возникающие при трансляции типологических свойств туристического дискурса. Он интегрирует в себе элементы других типов дискурса, таких как географический, рекламный, спортивный, природоохранный, гастрономический и научно-популярный. С момента своего возникновения, туристический дискурс менялся под влиянием исторических и социоэкономических условий. Сегодня туристическая коммуникация носит коммерческий характер, предполагающий взаимодействие автора и читателя, как потенциального клиента туристического бизнеса. Этот тип дискурса характеризуется диалогичностью вследствие того, что тексты составляются компетентными профессионалами, а его читателями могут быть представители очень широкой и социально неоднородной аудитории. По этой причине в текст закладывается лингвокультурная, когнитивная и эмоциональная информация для того, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя, которая в обязательном порядке должна быть транслирована переводчиком. Это предполагает наличие у него рефлексии, знания культуры и истории страны, а также воспроизведения концептов и аллюзий, заложенных в тексте оригинала. Когнитивно-деятельностный подход к переводу и «распредмечивающее» понимание смысла оригинала позволяют точнее интерпретировать концептуальную программу исходного текста и передавать интенциональный смысл оригинала во всей его полноте. При этом переводчик должен учитывать, что эмоциональная информация туристического текста может содержать целый ряд манипулятивных приемов, например, прилагательные в превосходной степени, которые призваны гиперболизировать описываемые достопримечательности. Эмоционально-оценочные характеристики могут нести и элементы текста, нацеленные на передачу когнитивной информации. Их сочетание приводит к выводу о том, что исследуемый текст написан в научно-популярном стиле, целью которого является донести в доступной форме специальные знания, чтобы вызвать интерес у неподготовленного читателя. По этой причине когнитивная информация в чистом виде – терминология, встречается в тексте гораздо реже, чем в лексемах, отражающих их семантику, но несущих познавательную информацию, осложненную образами восприятия потенциального читателя данного текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, типологические свойства, интерпретация, рефлексия, когнитивно-деятельностный подход, интенциональный смысл.

Для цитирования: Иванов И.И. Языковая репрезентация типологических свойств туристического дискурса в переводе // Евразийский гуманитарный журнал. 2023. № 3. С. 7–15.

Original article

LINGUISTIC REPRESENTATION OF TYPOLOGICAL FEATURES OF TOURIST DISCOURSE IN TRANSLATION

Ivan I. Ivanov

Perm State University, Perm, Russia, azxvds@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problems which emerge in the process of translating the tourist discourse texts. They include the elements of other types of discourses such as geographical, advertising, sport, gastronomic and others. The tourist discourse has experienced many alterations due to historical and social factors. It has acquired commercial character due to the interrelation of its authors and the supposed tourist clients. This type of discourse resembles a dialogue between the professionals, creating the tourist text, and the potential readers of very versatile and not homogenous origin. For this reason the text contains the cultural, cognitive and emotional information, which is to attract the attention of the supposed reader and be obligatory translated. Such translation process presupposes translator's reflection of culture, history and numerous allusions of the original text. Cognitive approach to translation allows the translator to make deeper observations and reflections of the original text and give a full idea of the contents and the intentions of the author in the target language. It means that he has got proper reflections of culture, history, concepts and allusions of the original text. The cognitive approach and the non-formal understanding of the original text allows to interpret its deep structure and convey the intentional contents of it. The translator is to realize that the tourist discourse text may contain emotional information which can manipulate his perception of the text and make its contents look more attractive for a potential reader. The cognitive contents of such texts can be overlaid with emotional information and it means that such text belongs to popular style, the main idea of which is to convey special knowledge in acceptable form to a potential reader. This is the reason for the cognitive information not to be regularly expressed by terms. For the most part such information is represented by the words which convey emotional aspect of the notions aimed at the emotional perception of the potential reader.

Keywords: tourist discourse, typological features, interpretation, reflection, cognitive approach to translation process, intentional meaning.

For citation: Ivanov I.I. Linguistic Representation of Typological Features of Tourist Discourse in Translation. Eurasian Humanitarian Journal. 2023;3:6-6. (In Russ.).

Введение

Текст Текст Текст

Основная часть

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Список литературы

1. Иванов И.И. Текст. Монография. М.: ТСС, 2020. 345 с.

Информация об авторе

И.И. Иванов – кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Information about the author

I.I. Ivanov – Ph.D. (Philology), Associate Professor, Perm State University.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ

1. Вы направляете нам статью, оформленную в соответствии с требованиями на электронный адрес редакции (lanaschust@mail.ru).

2. Редакционный совет рассматривает Вашу статью (60 дней).

3. При успешном рецензировании редакция высылает Вам ответ о приеме статьи.

4. Журнал выходит в соответствии с графиком.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/ehj>

Научное издание

Евразийский гуманитарный журнал

2023. № 2.

Редактор: С.В. Шустова
Компьютерная верстка: Л.Н. Голубцова
Переводчик: Н.Н. Меньшакова
Секретарь: Н.П. Сюткина

Подписано в печать 28.06.2023. Дата выхода в свет 29.06.2023.
Формат 60 × 84/8. Усл. печ. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ №. 871

Адрес учредителя и издателя: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Адрес редакции: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15.
ФГАОУ ВО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет».
Факультет современных иностранных языков и литератур.

Отпечатано с готового оригинала-макета в ООО «Типограф»
Адрес: 618554, Пермский край, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Подписка на журнал осуществляется на сайте «УРАЛ-ПРЕСС»:
<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8754715/>
Подписной индекс: 015009

Распространяется бесплатно.
Перепечатка материалов из журнала допускается
только по согласованию с редколлегией.